

Н. В. СУПРУНЧУК

СЕРБСКОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

УДК 811.163.4'366
ББК 81.2Сер-2
С89

Рекомендовано
ученым советом филологического факультета
30 сентября 2010 г., протокол № 1

Р е ц е н з е н т ы:
член-корреспондент Сербской академии наук и искусств,
профессор, доктор филологических наук *П. Пипер*;
доцент, кандидат филологических наук *С. Н. Запрудский*;
старший преподаватель кафедры теоретического
и славянского языкознания *Л. В. Леонова*

Научный редактор
профессор, доктор филологических наук *Б. Ю. Норман*

Супрунчук, Н. В.
С89 Сербское субстантивное словоизменение / Н. В. Супрунчук ;
науч. ред. Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2012. – 191 с.
ISBN 978-985-518-671-8.

Рассмотрены проблемы современной славянской морфологии, а также морфонология и грамматические категории сербских существительных на типологическом фоне, изложена целостная концепция синтеза субстантивных словоформ с учетом поливариантности сербского языка.

УДК 811.163.4'366
ББК 81.2Сер-2

ISBN 978-985-518-671-8

© Супрунчук Н. В., 2012
© БГУ, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга подготовлена на основе кандидатской диссертации, защищенной в Белорусском государственном университете (БГУ). Работа выполнена в русле функциональной морфологии, под влиянием идей Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Зализняка, И. А. Мельчука, Б. Ю. Нормана, П. Ивича, В. П. Гудкова. Сделана попытка улучшить модель сербского словоизменения с помощью типологических данных и соблюдения строгости и эксплицитности описания.

Нельзя сказать, чтобы за последнее время грамматика как наука стала совсем иной, однако, благодаря интернету, научная литература стала доступнее. Изменяется и социолингвистическая характеристика постъюгославского региона: в 2006 году независимость провозгласила Черногория, а это стимулирует попытки оформления черногорского языка. К сожалению, автор мог лишь частично учесть новейшие публикации. Хочется думать, что главная задача книги все же решена.

В качестве названия описываемого языка выбран термин «сербский язык». Все утверждения о грамматической системе и многие сведения о конкретном воплощении тех или иных форм верны также для хорватского и босняцкого языков. Статус и отличия данных идиомов анализируются в огромном количестве публикаций (см. главу 2 «Поливариантность постъюгославского языкового пространства»). Сербский язык рассмотрен в его письменной форме, фонетические аспекты словоизменения почти не затрагиваются, примеры даются кириллицей. Иноязычные слова и выражения сопровождаются переводом автора тогда, когда существует опасность неполного или неправильного их понимания.

Это исследование было бы невозможно выполнить без терпения и поддержки моих родителей Дианы Владимировны и Виктора Петровича, а также сестры Полины. Они понимали специфику научной работы, представление о которой дают слова академика О. Н. Трубачева (1930–2002): «Что сказать о досугах? <...> Лично я давно отказался от намерения освободить свои субботу – воскресенье от научных занятий. Говорят, “мозг не отдыхает”. Но жизнь так сложилась, интерес берет верх, а организм, я думаю, тоже привык (что ему остается делать?)» (из статьи «Образованный ученый»). Показательна запись в дневнике профессора С. Б. Бернштейна (1911–1997) за 30 августа 1960 г.: «Сегодня закончил составление буквы *H*

(для болгарско-русского словаря. – *Н. С.*). До Нового года должен составить букву *О*. Весь январь и февраль посвящу составлению буквы *П*. На это время уеду в отпуск и буду работать ежедневно часов по десять» (из книги «Зигзаги памяти»).

Автор сердечно благодарит своего научного руководителя, замечательного ученого, профессора Б. Ю. Нормана, за его жизненный и научный пример, а также оппонентов при защите диссертации доцента С. Н. Запрудского, профессора А. Е. Михневича, старшего научного сотрудника Р. Н. Малько, экспертов диссертации доцента В. П. Гудкова, профессоров В. А. Карпова, Е. Н. Руденко и Г. А. Цыхуна за замечания и творческие импульсы. Автор очень признателен преподавателю сербского языка Л. В. Леоновой, которая передавала нам, студентам БГУ, глубокие знания и горячую любовь к Югославии, профессору П. Пиперу за замечания по диссертации и драгоценное многолетнее сотрудничество, доценту А. В. Андронову, подвижнику науки, за конструктивное прочтение рукописи и вдохновляющий личный пример, сотрудникам кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ и членам совета молодых ученых филологического факультета БГУ, а также С. А. Важнику, А. И. Головиной и В. Л. Леонович: на их занятиях открылась красота удивительного мира языков.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие лингвистики направлено на открытие и описание все большего количества языковых фактов, выдвижение новых гипотез и теорий, на познание мира и человека в нем. Одновременно происходит упорядочение уже освоенных объектов с целью более простого, экономного, «красивого» представления данных. Это направление стало особенно популярным с появлением компьютерной техники. В целом в современной лингвистике «подлинный прогресс... невозможен без существенного уточнения ее формально-логического аппарата, то есть без должной формализации ее научного языка» [Мельчук, 1997, с. 15].

Стало ясно, что строить и воспринимать слова и предложения по правилам традиционных грамматик затруднительно: чрезвычайно велика роль интуиции, «языкового чутья» в образовании форм, словосочетаний. При создании новых фраз мы используем уже имеющиеся, в том числе экстралингвистические знания или по крайней мере знания за пределами традиционного (школьного или научного) описания. Для машины же необходима предельная эксплицитность, исходное и искомое следует указывать заранее и явно, исчерпывающе. Как отмечал П. Б. Паршин, «девятнадцатый век в лингвистике был веком метода, двадцатый – веком теории. Революция затронула именно теоретическое развитие; задачи методологической революции остаются веку двадцать первому...» [Паршин, 1996, с. 39].

Активизируется работа по уточнению и изменению базовых лингвистических понятий с учетом требований строгости, формальности, логичности, непротиворечивости, точности и т. п.¹ Назовем здесь имена А. В. Колмогорова, Р. Л. Добрушина, В. А. Успенского, О. С. Кулагиной, А. В. Гладкого, П. С. Кузнецова, И. А. Мельчука, А. А. Зализняка, в сербской лингвистике – М. и П. Ивичей, Д. Витаса, Л. Поповича, П. Пипера, О. Сабо-Ерков. Большой интерес представляют результаты моделирования грамматики русского (А. А. Зализняк, И. А. Мельчук, И. Г. Бидер, И. А. Большаков, Н. А. Еськова), болгарского (Г. Аронсон, Н. В. Котова, М. Янакиев),

¹ Удачная методика сравнения описаний предложена в статье [Мельчук, 1963]; популярное ее изложение см. в книге [Апресян, 1966, с. 267–270]. Ценные рассуждения о том, «как нам обустроить лингвистику», см. в работах Ю. К. Лекомцева, И. И. Ревзина, Р. М. Фрумкиной.

сербского (Л. Джурович, П. Пипер, Д. Витас, Д. Шипка, П. Шмидтбауэр) языков. По-прежнему актуальными остаются проблемы языковой вариантности на территории бывшей Югославии. Вопросу единства языка сербов, хорватов, боснийцев, черногорцев посвящены исследования А. Белича [1998], П. Ивича [1986], Д. Брозовича [Brozović 1976/77], В. П. Гудкова [1999], Н. И. Толстого [1988], Л. Йонке [1964], Р. Симича [1991], Г. Невекловского [2001], Л. П. Васильевой [2002], П. А. Дмитриева [1958], А. Р. Багдасарова [2001] и др. (См. также специальный сборник материалов конференции на эту тему [Bosanski – Hrvatski – Srpski 2003].)

Нет единства во взглядах на статус, состав, содержание и функционирование грамматических категорий, на классификацию имен по типам склонений. Грамматические категории рода, числа и падежа описываются в сербских грамматиках с XVIII в. В сфере категории рода особенно трудных вопросов не возникало, споры в основном касались родовой принадлежности некоторых групп слов (заимствований, существительных мужского рода на *-a*, женского рода на согласный), о чем свидетельствуют работы Дж. Даничича, Т. Маретича, Д. Игнятович, С. Ковачевич, М. Дешича, С. Вукомановича, С. Бабича и др. Описание числа вначале базировалось главным образом на церковнославянских образцах, затем двойственное число было исключено, а в конце XX в. многие исследователи предлагают дополнительную граммему паукала (М. Ивич [1963], Э. Станкевич [1986а], П. Пипер [2002] и др.). Теория падежа в сербистике оформлялась в трудах А. Белича, П. и М. Ивичей, М. Стевановича на основе работ А. А. Шахматова, Р. О. Якобсона, Е. Куриловича. При этом внимание уделялось и средствам выражения, и самим падежным значениям, делались попытки выделить семантические инварианты, классифицировать падежно-предложные сочетания (М. Ивич, К. Нейлор).

Много сил для упорядочения описания сербскохорватского склонения приложили А. Белич, М. и П. Ивичи, В. П. Гудков, М. Храсте, М. Николич, Д. Игнятович. Адаптация заимствований – традиционно трудный раздел – также привлекает много внимания (С. Вукоманович, Р. Симич, Б. Терзич, Е. Фекете). Задачей первостепенной важности стало создание лингвистического описания, ориентированного на применение в ЭВМ (Д. Витас, Ц. Крстев, Л. Попович, О. Сабо-Ерков, Д. Шипка).

Для сербского языка разработаны отдельные аспекты словоизменения, однако целостная адекватная модель нам неизвестна. Стоит привести слова Д. Ворта: «Создается иногда впечатление, что грамматика славянских языков все еще находится в такой донаучной стадии, где “все позволено” и каждый делает что хочет» [Ворт, 1973, с. 391]. Как представляется, полезной была бы также пригодность новой модели для «механического», формального использования, например, для перенесения правил в компью-

тер без корректировок. В данном исследовании сделана попытка предложить эксплицитное описание словоизменения имен существительных.

Актуальность работы обусловлена также следующими причинами.

Во-первых, состав и выражение грамматических категорий сербского языка проанализированы недостаточно. Совершенствования требуют и теоретические основания, и практика описания конкретных явлений.

Во-вторых, языковая ситуация на территории бывшей Югославии всегда была очень сложной, а в последние десятилетия еще более обострилась. В частности, это проявилось в росте вариантности и усилении некоторых противоречивых тенденций, требующих описания и квалификации.

В-третьих, ускоренное развитие науки и техники в современных условиях выдвигает новые требования к структуре и содержанию описаний языков. Возрастает потребность в грамматиках, ориентированных на системы автоматического перевода, компьютерного синтеза текстов, обработки больших текстовых массивов на электронных носителях.

Цель исследования – построить формальную модель словоизменения сербского существительного. Как указывают исследователи, «описать словоизменение в некотором языке не может означать ничего другого, как дать механически выполнимые правила образования словоформ с заданными словоизменительными характеристиками от любых основ (или наоборот – правила извлечения таких характеристик из текстовых словоформ)» [Апресян, Мельчук, 1973, с. 22]. Самое простое (требующее самых простых операций) представление любого множества – экстенциональное, т. е. перечисление входящих в него элементов. Иными словами, морфологию некоторого языка можно дать в явном виде – как список всех словоформ. Однако такое решение окажется неудовлетворительным для людей. Хотелось бы найти способ более экономный, удобный при использовании и лучше отражающий человеческое знание языка. Необходимым представляется также взаимоприспособление, взаимокоординация словаря и грамматики, т. е. решение вопроса об оптимальном соотношении словарной информации в грамматике и грамматической информации в словаре.

С учетом этого предполагается решить следующие *задачи*:

1) обозреть имеющиеся достижения в области моделирования славянского именного словоизменения;

2) показать специфику нормирования сербского языка и формализации его описания;

3) уточнить некоторые традиционные грамматические понятия применительно к сербскому языку (род, число, падеж, склонение существительных и т. д.) и предложить по возможности исчерпывающее описание сербского субстантивного словоизменения (за исключением имен собственных);

4) описать морфонологические чередования при склонении существительных;

5) предложить алгоритм построения парадигмы существительного по минимальным исходным сведениям.

Материал исследования. Рассматривается современный сербский литературный язык в его экавской норме (далее для простоты также именуемый «сербский язык»). Довольно часто замечания о нем справедливы и для хорватского стандарта. Некоторые отличия мы будем специально оговаривать. Поскольку значительная доля лингвистической литературы посвящена именно сербскохорватскому языку как единому образованию, то при ее изложении мы сохраняем соответствующую терминологию и выводы.

Основной лексикографический источник – словарь М. Николича (Белград, 2000), в который вошла лексика из всех значительных современных сербских словарей и энциклопедий. Он содержит более 160 тыс. единиц; существительных в нем, по нашим подсчетам, около 90 тыс. В словаре широко представлены фонетические и региональные дублеты, а также имена собственные. Исключив их, мы получили около 80 тыс. существительных – они и составляют наш основной корпус. Его дополнила лексика из словарей И. И. Толстого (М., 1970) и Б. Станковича (Нови-Сад; М., 1998). В ряде случаев привлекались «Корпус современного сербского языка» и «Хорватский национальный корпус».

Существительные, возникшие на базе изафетных, конверсионных и им подобных сочетаний (*ћул-баишта* ‘розарий’ (букв. «роза + сад»), *гас-маска* ‘противогаз’, *најлон-чаране*, *стоп-светло*, *спомен-плоча* ‘мемориальная доска’ (букв. «воспоминание + табличка», *рагби-тим* ‘команда по игре в регби’ (букв. «регби + команда» и др.), отдельно не анализируются. При их склонении можно не учитывать первую часть и изменять только вторую по соответствующей модели.

Гипотеза. Вся система словоизменения имен существительных сербского языка может быть упорядочена до такой степени, которая позволит представить механизм построения конкретной словоформы в виде алгоритма. Уровень кодифицированности языковой системы выступает отдельным важным фактором в разработке такого алгоритма, от нее зависят дополнительные трудности его формализации. Для их преодоления существует несколько путей: или допускать вариантность, или элиминировать часть форм.

Часто нет возможности излагать все точки зрения, так как историография вопроса способна составить целое исследование. Нередко возможны и иные решения.

1. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СЕРБСКОЙ МОРФОЛОГИИ

(в контексте славянской грамматики)

1.1. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.1.1. Определение некоторых лингвистических понятий

Сегодня лингвистика поражает многообразием школ, направлений, течений. Одно и то же явление порой неодинаково трактуется в разных разделах одного пособия, не говоря уже о разных пособиях. Оказалось, что лингвистик примерно столько же, сколько и лингвистов. Значительная доля горькой истины есть в том, что «всякое лингвистическое описание – это проблема прежде всего терминологическая» [Стеблин-Каменский, 1974, с. 81]. Поэтому целесообразно заранее уточнить некоторые понятия, необходимые для дальнейшей работы.

Рассмотрим проблему с л о в а . Об этой единице споры ведутся очень давно. В центре внимания две ключевые проблемы: 1) что такое слово (морфема), как его (ее) определять?; 2) что такое разные слова (морфемы), как выделять и объединять в тексте формы слова (морфемы)? Весьма содержательное обсуждение проблем выделения слова, морфемы, соотношения их с близкими понятиями см. в [Булыгина, 1977].

Предложены различные и многочисленные определения, критерии и способы выделения морфемы и слова (Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, П. С. Кузнецов, М. В. Панов, А. Белич, Дж. Гринберг, Л. Блумфилд, Г. Глисон и др.; см. также [Абрамов, 1984; Swidziński, 1997] и обзор [Клименко, 2000]).

В сербской и хорватской лингвистике также существуют многочисленные трактовки слова и морфемы. Различная важность в конституировании слова придается его фонетической, морфологической и семантической характеристике. Одни авторы начинают описание базовых единиц с нижних языковых уровней, другие – с верхних.

В капитальных грамматиках Т. Маретича [Maretić, 1963] и М. Стевановича [Стевановић, 1981], развивавшего идеи А. Белича, утонченных размышлений о ресиллабации, остаточной выделяемости, нулевом экспо-

ненте, специфических представителях слова или морфемы нет. Выдвигается самое общее требование единства формы и значения. М. Стеванович, правда, считает слово триединой сущностью, добавляя функцию слова. Однако четкого разграничения функции и значения, кажется, нет. Например, функция существительных – «показывать, как что называется» [Стевановић, 1981, с. 170], функция глаголов – «приписывать качества (чаще как действия) тому, что обозначено существительными или подобными им словами» [Там же].

Согласно грамматике [Mrazović, Vukadinović, 1990, с. 23] «слова представляют собой фонологическое и морфологическое единство, а слова с самостоятельным значением – одновременно и семантическое». Функция же, в отличие от трактовки А. Белича – М. Стевановича, принадлежит не слову, а морфеме. В речи морфема реализуется через морфы. Авторы впервые в сербской лингвистике детально и системно описывают типы морфем и отношения между ними (синонимию, омонимию и пр.).

Свой подход к дефиниции слова демонстрирует и Ж. Станойчич [Станойчић, Поповић, 1999, с. 65–68]. Он полагает, что слово – это постоянный звуковой комплекс, обладающий значением и синтаксической функцией. Из дальнейшего изложения неясно, то ли слово строится из морфем, то ли морфемы выделяются из слова: «Слово состоит из одной или нескольких морфем, а морфема – это наименьшая языковая единица, являющаяся носителем или значения, или грамматической функции в предложении» [Там же]. На этот вопрос находим ответ в новейшей лексикологии сербского языка [Драгићевић, 2007, с. 35]: «Лексема – это наименьшая самостоятельная единица лексической системы, в структуру которой входят несамостоятельные значимые единицы – лексическая морфема и формообразовательная морфема, или словообразовательная морфема и словообразовательный формант».

Далее Р. Драгичевич разграничивает термины «лексема» и «слово»: «...хотя лексические единицы в устной речи или на письме всегда представлены в определенной грамматической форме, с определенным значением и определенной функцией, важно отличать такую конкретную единицу от той лексической единицы, под которой мы подразумеваем совокупность ее значений и форм, то есть нужно установить разницу между лексемой и словом¹. Лексема – это единица языка, включающая в себя все грамматические формы и все значения одного слова» [Драгићевић, 2007, с. 35]; слово – это конкретная реализация лексемы, «это одно значение в одном контексте» [Там же, с. 36]. Таким образом, Р. Драгичевич относит лексему к языку, а слово – к речи².

¹ Видимо, следовало поменять местами: «между словом и лексемой».

² Очевидно, можно выстроить ряд «эмических» единиц – фонема, морфема, лексема – и их речевых реализаций – фон (звук), морф, лекс (слово, словоформа).

Некоторые авторы организуют свою систему понятий начиная с термина «фраза», например: «Звуковую цепочку (напр. *облацилетенебом* 'облака летят по небу'), содержащую сообщение, можно разделить на меньшие цепочки, которые обладают: 1) относительной свободой перемещения в речевой цепи и 2) своим значением. Звуковая цепочка, полученная таким образом, является единицей языка, называемой *с л о в о*» [Hrvatska gramatika, 1995, с. 95]. Морфему получают дальнейшим членением: разбивают слова на наименьшие смысловые отрезки.

Данный подход более перспективен. К сожалению, вторая проблема слова (как выделять и отождествлять слова и морфемы?) при этом все равно не решается. Авторы верно отмечают, что звуковую цепочку «можно разделить на меньшие», но как провести это деление?

П. Пипер также вначале определяет предложение и высказывание, а затем уже слово: «Самая простая относительно самостоятельная часть предложения – это *с л о в о*, которая в словарном фонде языка существует как *лексема*, а в тексте реализуется как *текстуальное слово*» [Пипер, 1997, с. 5–6].

Опыт систематизации и модернизации грамматики представлен в глубоких работах Л. Поповича, см., напр.: [Поповић, 2004, с. 30–31], где указывается, в частности, на «отсутствие какой бы то ни было теоретической связи грамматики и словаря» и на вольное использование термина «морфема» в существующих сербских руководствах.

Утомительные споры о природе слова способствовали возникновению направления, которое вообще отказывается от этого неуловимого, неопределяемого термина (см., напр., вышедшую в середине прошлого века книгу [Глисон, 2002]). В «Грамматике болгарского языка» Н. Котовой и М. Янакиева находим: «В тексте *с л о в о* – вполне реальный объект. В устном сообщении, если рассматривать его в абстракции от его записи буквами, *с л о в а* нет. Но так как среди лингвистов существует много ярых “словопоклонников”, в “Грамматике болгарского языка” сохраняется понятие “слово в тексте” (или текстовое слово, единственное реально существующее “слово”), и для его обозначения используется термин *м о н о л е к с а*. Для названия сочетания слов в тексте используется термин *п о л и л е к с а*. Термин *с л о в о* вообще не употребляется» [Котова, Янакиев, 2001, с. 18]. Базовой единицей в этой грамматике выступают морфемы, из их комбинаций и строится вся система понятий.

Предпочтение морфеме, правда, по другим основаниям, отдают и В. Б. Касевич [Касевич, 1986, с. 12], и В. А. Плунгян: «...Морфема, в отличие от словоформы, является универсальным понятием; морфемы бесспорно существуют в любом языке, тогда как про словоформы это по крайней мере нельзя утверждать с той же степенью категоричности» [Плунгян, 2000, с. 19].

«Без-словная» направленность декларируется и последовательно выдерживается также в компендиуме И. А. Мельчука [1997–2000], который оперирует терминами «словоформа», «лексема» и «вокабула».

В. В. Мадоян считает, что «единственной и универсальной единицей словоизменения является словоформа, или ф о р м а слова. Словоформа в грамматике характеризуется наличием определенного грамматического значения, противопоставленного грамматическому значению хотя бы одной формы того же слова и выраженного с помощью некоторого формально-го показателя. Иначе говоря, любое проявление слова в любом контексте есть словоформа. Слово существует в своих словоформах» [Мадоян, 1991, с. 19].

Интересное разделение предлагал Н. И. Толстой. «С л о в о в аспекте лексикологическом, или, вернее, семасиологическом, является единством лексем ы и семем ы. В плане выражения слово – лексе ма, в плане содержания – семема. Под лексемой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой – его содержание» [Толстой, 1997, с. 46]¹. Критику положений Н. И. Толстого см. в сборнике «Методы изучения лексики» (1975), там же описаны иные подходы к выделению морфемы и слова.

Нам, однако, представляется необходимым «роковой» термин «слово» сохранить. Ведь оно, «несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка...» [Соссюр, 1977, с. 143]².

Мы принимаем точку зрения В. Г. Гака, изложенную в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Слово – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка. Характерные признаки слова – цельность, выделяемость и свободная воспроизводимость в речи» [Гак, 1998, с. 464].

Слово представляет собой систему взаимосвязанных лексико-семантических вариантов (ЛСВ), которым соответствуют значения многозначных слов, выделяемые в толковых словарях. ЛСВ – это двусторонняя единица, существующая как единство формы и значения.

¹ Как видим, слово здесь оказывается единицей абстрактной, оно принадлежит эмическому уровню и в речи как таковое не дано.

² Ср.: «Слово – это и основное, и главное в языке. Оно в то же время является единственным, от чего могло пойти дальнейшее развитие языка. И от этого в языке оно, действительно, пошло. Все языковое образование сводится или к отношениям главных частей (слов) п р е д л о ж е н и я, или к отношениям частей (слов) с и н т а г - м ы» [Белић, 1957/1998, с. 586].

Один ЛСВ некоторого слова (слово в одном значении) может иметь парадигму из *x* членов, другой ЛСВ этого же слова (т. е. слово в другом своем значении) может иметь парадигму из *y* членов, возможно отличных от *x*. Далее при построении парадигмы для такого слова с обусловленной парадигмой мы будем всегда иметь в виду лишь один его ЛСВ. Например, сербское слово *палац* представлено двумя ЛСВ: *палац I* 'большой палец' с р. п. ед. ч. *палца* и *палац II* 'спица; лопасть' с р. п. ед. ч. *паоца*. В речи ЛСВ реализуется через словоформы: *мајка* – *мајке*, *мајци*¹. «Именно в словоформе как в фокусе взаимодействия лексики и синтаксиса происходит координация, приспособление друг к другу лексических и грамматических категориальных сем» [Норман, 1996, с. 8–9].

Семема – это совокупность сем, элементарных значений, смысловых атомов. Полного параллелизма между планом выражения и планом содержания ЛСВ нет. Формы слова, составляющие план выражения, почти всегда находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, т. е. употребляются в разных конструкциях и вместе не встречаются: *видим књигу* (не *књига*, *књигом*). Семы же почти всегда реализуются вместе – в составе семемы, план содержания некоторой словоформы состоит не из одной семы, а из семемы целиком. Если словоформа реально присутствует в речи, то сема – результат анализа, а в речи существует семема.

Кроме трудностей определения термина «слово» существуют еще проблемы практического выделения слов в тексте: как разграничивать слова и морфемы, как разграничивать слова и сочетания слов? С. Е. Яхонтов предлагает такие четыре параметра [Яхонтов, 1969, с. 226–228]: 1) способность единицы к употреблению в качестве самостоятельного предложения; 2) возможность вставки между этой единицей и соседними какими-нибудь других слов; 3) способность единиц к перекрестной замене; 4) возможность опущения части предложения без нарушения его грамматической правильности. Далее для нахождения морфемы используется квадрат Пешковского (Гринберга) и выполняется проверка на возможность опущения и отрицательную выделимость.

Следующее ключевое понятие нашей работы – «словоизменение». Его целесообразно рассматривать вместе со «словообразованием» и «формообразованием». Некоторые ученые («фортунатовская традиция») различают эти три термина так: «словоизменение» как выражение семантических граммем, «формообразование» как выражение синтаксических граммем и «словообразование» как выражение дериватом [Плунгян, 2000,

¹ При статистическом исследовании обычно выделяются еще и словоупотребления (значимые цепочки букв от пробела до пробела). Они используются, например, в качестве единицы измерения длины текстов: *текст в 2 млн словоупотреблений*.

с. 127–128]. А. А. Реформатский предлагает такую трактовку: «Изменения № 4, реляционного значения, охватываются словоизменением; изменения № 5, деривационного значения, охватываются словообразованием; и то, и другое – формообразование: словоизменительное и словообразовательное» [Реформатский, 2001, с. 253 и далее].

Е. С. Кубрякова разграничивает эти три понятия в зависимости от изменения лексического и грамматического значения и от формального изменения основы [Кубрякова, 1974, с. 227–235]. По ее мнению, при словоизменении основа слова или вообще не меняется, или меняется так, что на лексическое значение основы наслаивается грамматическое, которое обычно, в других случаях, выражается специальной морфемой. При формообразовании основа формально изменяется, и при этом либо изменяется ее грамматическое значение, либо «значение основы не изменяется, но выявляется ее принадлежность к определенному типу склонения или спряжения» [Там же, с. 234]. И наконец, «словообразование всегда связано с изменением объема значения основы... формальное преобразование основы для словообразования отнюдь не обязательно» [Там же].

Собственную точку зрения по этому вопросу имели и Н. Н. Дурново [2001, с. 96–97, 122], и В. В. Виноградов [1944], и Н. С. Трубецкой [1987, с. 67], и А. В. Исаченко [2003, с. 27–31] и др. Своеобразное деление категорий на синтаксические и несинтаксические (словообразовательные) предлагал А. М. Пешковский [2001, с. 30–33].

Разрешение и данного вопроса находится в русле общелингвистического движения к нечетко-множественному представлению языка, к понятию о языке как о континууме, к полемому представлению всех категорий и классов. Все чаще и все определеннее ученые отстаивают градуальность словоизменительного или словообразовательного характера морфемы (ее значения), все чаще вводится понятие шкалы, отрицается четкая граница между словоизменением и словообразованием (см., напр.: [Мельчук, 1997–2000], [Вубее, 1985, с. 5–6] и описание дагестанского существительного в [Кибрик, 2003]). Таким образом, радикализм Ф. Ф. Фортунатова, М. Н. Петерсона, М. В. Панова становится все менее популярен.

В дальнейшем будем придерживаться трактовки А. А. Зализняка, изложенной в книге «Русское именное словоизменение» [Зализняк, 1967б, с. 3]: «Термин “словоизменение” может употребляться в двух смыслах – частном и общем. В частном смысле словоизменением данного слова называется его парадигма, т. е. совокупность всех его словоформ. В общем смысле словоизменением данного языка называется соответствие, при котором каждому слову отвечает его парадигма (т. е. его частное словоизменение)».

Сходное мнение находим у И. А. Мельчука: «Термин словообразование будет употребляться ниже в смысле образование новых слов

[точнее, новых лексем (т. е. слов в одном значении. — *Н. С.*)]'; где 'новые' понимаются как 'существующие в современном языке, но не подлежащие внесению в словарь'. Словообразование противопоставляется с л о в о и з м е н е н и ю , т. е. 'образованию форм данного слова [= л е к с данной лексемы]'» [Мельчук, 1995, с. 477].

Таким образом, словоизменение и формообразование мы признаем синонимами и вместе противопоставляем их словообразованию.

При разграничении случаев словоизменения и случаев словообразования можно пользоваться критериями, предложенными в справочнике [The Handbook of Morphology, 2001, с. 13–19]:

1) лексическое значение или часть речи изменяются при словообразовании, но не при словоизменении;

2) синтаксический контекст лексемы может требовать ее реализации в виде конкретного слова со своей парадигмой, но никогда не требует, чтобы лексема принадлежала к определенному классу дериватов;

3) словоизменение в целом более продуктивно, чем словообразование;

4) словоизменение семантически более регулярно, чем словообразование;

5) словарь содержит производные слова, а не слова в разных их формах;

6) словоизменение препятствует дальнейшему словообразованию, а словообразование нет.

Возможен подход, при котором вопрос о разграничении словоизменения и словообразования почти элиминируется. Так, новейший учебник сербской лексикологии рассматривает словообразование как часть лексикологии, т. е. словообразование выводится за пределы грамматики [Драгићевић, 2007, с. 187].

В понимании категорий рода, числа, падежа, одушевленности мы в основном следуем за трудом И. А. Мельчука [1997–2000], что отражено в соответствующих разделах далее.

Под «парадигмой» мы, вслед за А. А. Зализняком, будем понимать «совокупность всех грамматических значений, представленных у некоторой лексемы или дополнительно приписанных ей, с указанием для каждого из них, какая словоформа (или словоформы) этой лексемы имеет данное грамматическое значение» [Зализняк, 1967б, с. 30]. Детальную классификацию парадигм и обсуждение их места в общей теории грамматики см., напр., в [Гухман, 1968; Кантино, 1972; Панов, 1999; Яцкевич, 1992; Helden, 1993, с. 725–759]. «Полнота парадигмы свидетельствует не только о формальном богатстве той или иной лексемы, но и о богатстве ее лексической семантики» [Шарандин, 2001, с. 294]. Каждому возможному сочетанию грамем одной парадигмы соответствует одна словофор-

ма из парадигмы, в противном случае это варианты. Парадигма имеет строго определенное количество членов, специфичное для данного лексико-грамматического класса (части речи или разряда внутри части речи).

1.1.2. О термине «модель»

Важное понятие любого научного исследования – это понятие «модель». Оно будет использоваться далее и в нашей работе.

Термин «модель» в научном смысле впервые был употреблен математиками Э. Бельтрами и Ф. Клайном в конце XIX в. в геометрии, а впоследствии Г. Фреге и Б. Расселом в математической логике. В лингвистике впервые его употребил, видимо, Э. Сэпир, используя термин «pattern»: «Вопрос о форме в языке может быть представлен двояким образом. Мы можем либо рассматривать используемые языком формальные средства, его «грамматические процессы», либо устанавливать распределение значений в соответствии со способами их формального выражения. Каковы формальные модели языка? И какие типы понятий составляют содержание этих формальных моделей? Эти две точки зрения совершенно различны. Английское слово *unthinkingly* 'необдуманно' с формальной стороны, в общем, параллельно слову *reformers* 'реформаторы', поскольку каждое из них состоит из корневого элемента, могущего выступать в качестве самостоятельного глагола (*think, form*), с предшествующим этому корневому элементу иным элементом (*un-, re-*), облеченным определенной и вполне конкретной значимостью, но не употребляемым самостоятельно, и со следующими за ним еще двумя элементами (*-ing, -ly; -er, -s*), ограничивающими применение корневого значения в реляционном смысле. Такая формальная модель – (b) + A + (c) + (d) – типична для данного языка; при помощи ее может быть выражено бесчисленное количество функций. Иными словами, всевозможные идеи, выражаемые подобными приставляемыми спереди или сзади элементами (префиксами и суффиксами), хотя и обнаруживают тенденцию объединяться в группы, все же не образуют естественных функциональных систем»¹.

¹ «The question of form in language presents itself under two aspects. We may either consider the formal methods employed by a language, its “grammatical processes,” or we may ascertain the distribution of concepts with reference to formal expression. What are the formal patterns of the language? And what types of concepts make up the content of these formal patterns? The two points of view are quite distinct. The English word *unthinkingly* is, broadly speaking, formally parallel to the word *reformers*, each being built up on a radical element which may occur as an independent verb (*think, form*), this radical element being preceded by an element (*un-, re-*) that conveys a definite and fairly concrete

З. Харрис (1944), Ч. Хоккет (1954) и Н. Хомский (1956) уже активно использовали данное понятие; под ним понималась «обобщенная и формализованная структура или процесс тех или иных фактов языка» [Лосев, 1968, с. 13–14].

Попав в языкознание в середине XX в., этот термин стал чрезвычайно популярен, однако не получил однозначного понимания. Так, уже к 1960 г. ему придавалось более трех десятков значений, практически каждый автор понимал его по-своему. Это и «всякое изучение языка вообще», и «описание языка», и «метод исследования», и «теория оформленная или полуоформленная», и «грамматика данного языка или языка вообще», и «программа поведения», и «воспроизведение пассивное», и воспроизведение «активно-физическое», и «кибернетическая модель» – самодвижущийся механизм, и т. д. [Лосев, 1968, с. 16–19; см. также Людсканов, 1975, с. 23–24]. Похоже, слово «модель» девальвировалось настолько, что может обозначать почти все теоретические построения, и не только лингвистические (см., напр., [Машкина, 1968], где моделью предлагается считать частотный список). Неопределенным остается положение этого термина в терминологической системе. Неясно, как он соотносится с такими понятиями, как: теория, гипотеза, абстракция, аналог, схема, образец, структура.

Попытки упорядочить, специализировать употребление терминов предпринимались неоднократно, однако понятийный аппарат языковедения и сегодня оставляет желать лучшего. Нерешенность вопроса «Что же такое модель на самом деле?» приводит к совершенно произвольному использованию этого термина, к невозможности сочетать описания разных авторов.

Отмеченная неясность в употреблении термина «модель» сохраняется и в настоящее время. Так, в синтаксисе активно используются модели типа $S\ P\ O_{[+anim]}^? N_1 + V_{3pl} + N_4 + Loc\ (N/Adv)$. Похожая, но еще более абстрактная модель описана в [Мартынов, 2001, с. 66–67]: «Аппликативная модель может быть представлена в виде теоретически бесконечной последовательности элементов типа $(XY)ZW...$. В действительности необходимо и достаточно наличие четырех разных элементов. При этом мы рассуждаем следующим образом. Для производства действия необходимо и достаточно иметь три элемента: X – субъект действия, Y – инструмент

significance but that cannot be used independently, and followed by two elements (*-ing*, *-ly*; *-er*, *-s*) that limit the application of the radical concept in a relational sense. This formal pattern – (b) + A + (c) + (d) – is a characteristic feature of the language. A countless number of functions may be expressed by it; in other words, all the possible ideas conveyed by such prefixed and suffixed elements, while tending to fall into minor groups, do not necessarily form natural, functional systems» [Sapir, 1921, с. 50].

действия, Z – объект действия. При этом результат действия остается за скобками. В случае фиксации результата действия должен быть как минимум добавлен четвертый элемент, некоторый W, который и представит в явном виде этот результат, для чего выражение (XY) Z дополняется до (XY)Z)W». Заметим, что, в отличие от подавляющего большинства лингвистических моделей высказывания (ситуации), здесь отсутствует предикат – то, что обычно считается самым важным, базовым элементом подобных схем.

Иное понимание модели находим в статье О. Сабо-Јерков о словарных дефинициях сербскохорватских прилагательных [Сабо-Јерков, 1991]:

1) КОЈИ	Ј/В ПФ	2) КОЈИ	Ј/В КОЈИ
КОЈИ	Ј/В СИН	КОЈИ	Ј/В КОЈИ Ј/В ПФ
КОЈИ	Ј/В ПФ Ј/В СИН	КОЈИ	Ј/В КОЈИ Ј/В СИН
		КОЈИ	Ј/В КОЈИ Ј/В ПФ Ј/В СИН,

где КОЈИ – определение через оборот с *који*; Ј/В – один/несколько; ПФ – определение через оборот с прилагательным; СИН – определение через синонимы.

Например, *малахитски* 'који се односи на малахит, који је од малахита'; *мамелучки* 'који се односи на мамелуке, који припада мамелуцима, својствен мамелуцима, послушан, полтронски'.

Здесь мы находим даже требуемую радикальными формальными лингвистами математическую (логическую) символику. Позволяет ли это нам признать указанные построения моделями? Ответ здесь далеко не очевиден. Проведя значительную работу, А. Ф. Лосев в своей капитальной работе выделяет в конце концов удовлетворяющее его определение, которое, однако, рекомендовать для использования нелегко: «Языковая модель есть упорядоченное множество языковых элементов (или кортеж), которое является едино-раздельным целым, содержащим в себе как принцип своего упорядочения (или организации), так и расчлененность всех входящих в него элементов и их комбинаций, и которое на одних звуковых материалах воспроизводит структуру каких-нибудь других звуковых материалов. Короче говоря, модель есть структура, перенесенная с одного субстрата на другой, воплощенная в нем реально-жизненно и технически-точно» [Лосев, 1968, с. 28]. Не лучшее определение мы найдем и в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [Булыгина, Крылов, 1998].

Интересно, что в специальном исследовании И. И. Ревзина «Модели языка» (М., 1962) непосредственного определения самого главного объекта исследования нет. По этому поводу автор говорит вот что: «Модель строится следующим образом. Из всего многообразия понятий, накоплен-

ных данной наукой, отбираются некоторые, которые удобно считать первичными. Фиксируются некоторые отношения между этими первичными понятиями, которые принимаются в качестве постулатов. Все остальные утверждения выводятся строго дедуктивно в терминах, которые определяют, в конечном счете, через первичные понятия» [Ревзин, 1962, с. 9]. Однако нетрудно заметить, что на самом деле так строится вовсе не модель, а теория. В то время как строгих правил создания моделей в лингвистике до сих пор не выработано.

Возможно, стоит обратиться к математическому, напомним, исходному, пониманию модели. Так, в математике модель – это «приближенное описание какого-либо класса явлений внешнего мира, выраженное с помощью математической символики» («Математическая энциклопедия», т. 3, с. 574). Таким образом, $\underline{M} = \langle M; \{R_1, R_2, \dots, R_n\} \rangle$, где $R_1, R_2, \dots, R_n$ – отношения на множестве M . Например, $\underline{M}_1 = \langle M_1; \{<\} \rangle$, где M_1 – множество чисел, а $<$ – отношение «меньше». Или: $\underline{M}_2 = \langle M_2; \{R_1, R_2\} \rangle$, где M_2 – множество словоформ русских существительных, R_1 – отношение «входить в общую парадигму», а R_2 – отношение «иметь одинаковый род, число, падеж» [Шрейдер, 1973, с. 64].

При всем различии математики и языкознания как дисциплин в данном случае мы найдем много сходного. Моделью звукоряда предлагается считать фонему, части речи – окрестность, словоизменения – семейство. Своего рода моделью предложения считаются правило согласования времен в английском языке, «винительный самостоятельный» в латинском или «дательный самостоятельный» в старославянском языке. Т. М. Николаева выделила 8 моделей синтаксических отношений, подлежащих учету при переводе («подлежащего к сказуемому, данного слова ко всему предложению или к несогласованному с ним существительному, данного слова к управляемому им главному без посредства предлога, или к управляющему глаголу при помощи предлога, определение глагола данным словом или прилагательного или согласованного с ним существительного») [Лосев, 1968, с. 63].

Все этапы математического моделирования прошла известная модель американского ученого Дж. Ципфа. При исследовании текстов и составлении частотных словарей ученых не оставляла мысль о существовании какой-то общей закономерности, законе (сбор фактов, формулирование гипотез). Собрав необходимые данные, Дж. Ципф в 1926 г. высказывается о зависимости частоты слова от его ранга в частотном словаре (выведение качественных представлений о связях между объектами) и формулирует свой «закон» в виде $F_i i = \text{const}$ (математизация гипотезы). Однако полученные в результате анализа этой модели данные не согласовывались с опытными (эмпирическая проверка). И сам Дж. Ципф, и ряд других

ученых (Ж. Эсту, Б. Мандельброт, П. М. Алексеев) предпринимают попытки спасти «закон», вводят поправочные коэффициенты, формула все усложняется и усложняется, принимая вид $F_i = kN(i + \rho)^{-\gamma}$ (модификация модели). Сейчас представляется, что придется вообще отказаться от этого «закона» как невыполняющегося (построение новой, более совершенной модели).

Между тем помощь математики в уточнении исходных понятий языкознания может быть лишь относительной. Различия между математикой и лингвистикой начинаются с базовых определений и носят определяющий, принципиальный характер. Напр., под языком в математике понимается множество цепочек (см., напр.: «Математическая энциклопедия», т. 1, с. 1091, 1092; т. 5, с. 645) (скажем, вида $w = a_1, \dots, a_k$, где $a_1, \dots, a_k \in$ алфавит V , число $k = /w/$), а не механизм, не система, как в лингвистике. Поэтому следует чрезвычайно аккуратно использовать математическую (логическую) аксиоматику в лингвистике.

Таким образом, не имея возможности однозначно определиться в толковании рассматриваемого термина, лингвисты интуитивно понимают, что имеется в виду, и продолжают широко его использовать.

Можно выделить следующие типы моделей: аналитические (построение смысла по заданному тексту) и синтетические (построение текста по заданному смыслу), парадигматические (объединение элементов в классы) и синтагматические (определение отношений между элементами в последовательности) [Ревзин, 1962].

Определяя достоинства лингвистической модели (теории), Ю. А. Шрейдер вводит понятия состоятельности («теория T называется *состоятельной* для класса K , если любой объект из этого класса является моделью M данной теории») и полноты («теория T называется *полной* для класса K наблюдаемых объектов, если любая (конечная) модель M этой теории изоморфна хотя бы потенциальному объекту из класса K ») [Шрейдер, 1973, с. 73]. Тогда идеальную (полную и состоятельную) теорию можно представить следующим образом (рис. 1.1.).

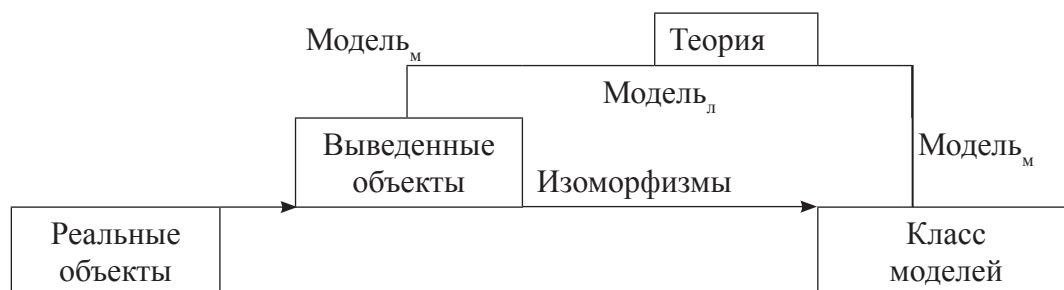

Рис. 1.1. Идеальная теория

Однако модель – это, безусловно, идеализация объекта, строя ее, мы всегда имеем дело с конструктами. Неизбежны поэтому некоторые расхождения теоретических предсказаний и эмпирических результатов. Некоторые авторы выдвигают еще и материальное воплощение в качестве необходимого условия существования модели. Все это существенно усложняет реальную картину (рис. 1.2).

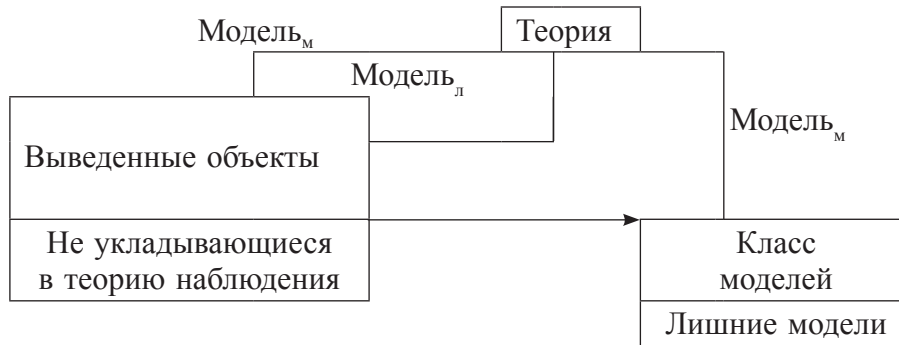

Рис. 1.2. Реальная теория

Таким образом, необходимо дополнительно ввести еще одно понятие – *почти состоятельная теория*, т. е. теория, которая почти выполняется для всех объектов или выполняется почти для всех объектов.

Интересна попытка И. А. Мельчука измерить достоинства той или иной модели:

- полнота модели $P = \frac{|M \cap N|}{|M|}$,
- состоятельность (адекватность) модели $A = \frac{|M \cap N|}{|N|}$,
- экономичность модели $E = \frac{|N|+1}{|N|+b}$,
- простота модели $S = \frac{|N|+1}{|N|+c}$,

где M – множество элементов, образующих то языковое явление, которое нас интересует (например, множество форм глагола), N – множество элементов (множество глагольных форм), порождаемых моделью, $|M|$ – мощность множества, b – число исходных неопределяемых понятий, используемых в модели, c – число правил, по которым из исходных элементов образуются конечные объекты.

Число b показывает абсолютную *экономичность* модели: чем оно меньше, тем экономичнее модель. Число c показывает абсолютную *простоту* модели: чем меньше правил, тем проще модель [Мельчук, 1963; Апресян, 1966, 267–270].

Безусловно, введение моделирования в лингвистику следует приветствовать. С его помощью удастся узнавать ненаблюдаемые непосредственно особенности объекта-оригинала, предсказывать и уточнять возможные решения. Более совершенная теория сможет помочь не только в упорядочивании уже имеющихся фактов, но и в обнаружении ранее не известных. В силу всего этого совершенно естественно желание уточнить исходные понятия, их связь с другими понятиями и с реальностью.

Между тем приходится констатировать почти произвольное использование термина «модель» в лингвистике. Довольно трудно принять решение об отнесении того или иного построения в данный класс. Указанные трудности заставляют отказаться от излишне строгих требований к использованию термина «модель».

1.2. НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Морфология не раз была в центре внимания исследователей. Она является одним из наиболее разработанных, упорядоченных, систематизированных разделов языкознания. Поэтому закономерно, что предпринимались попытки (и довольно успешные) формализовать словоизменение разных языков. Нельзя не согласиться с Д. Вортом, который писал, что «значение того или другого морфонологического процесса, его роль в целостной словообразовательной системе, даже в некоторых случаях само его существование, зависит не только от структуры объекта исследования, т. е. от факторов, присущих самому языку, но также и от теоретических предпосылок исследователя, т. е. от внутренней, логической структуры той грамматики, в которой описываются наблюдаемые морфонологические факты» [Ворт, 1973, с. 378–379].

Поэтому важно рассмотреть некоторые варианты упорядочения славянской морфологии.

Наиболее продуманным – из нам доступных вариантов – представляется книга «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка, увидевшая свет в 1967 году. Она довольно известна, поэтому ограничимся лишь краткой характеристикой. Здесь дано исчерпывающее, эксплицитное и непротиворечивое описание парадигм русских существительных, прилагательных, числительных и местоимений. Задача, впервые поставленная еще Ф. Фортунатовым, была, наконец, решена. В книге акцентировано внимание на оппозиции «классификация (анализ) – синтез». Это две принципиально разные и одинаково важные исходные точки. (Сходное разделение мы найдем в книге [Лайонз, 1978] и в статье [Ворт, 1973].)

Истоки разделения грамматики на синтетическую и аналитическую находятся в работах Л. В. Щербы, в его оппозиции активной и пассивной грамматики. Аналитическая традиция представлена богато: работы Г. О. Винокура, И. С. Улуханова, Н. Ю. Шведовой, Н. А. Еськовой, А. В. Исаченко. Синтетическое направление оформлялось работами Р. О. Якобсона, Н. Хомского, М. Халле, М. Докулила, Б. Ю. Нормана, Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука и др.

Под грамматикой анализа обычно понимают «набор правил, с помощью которых по формам слов, порядку слов в предложении можно выяснить передаваемые ими грамматические значения» [Волоцкая, Молошная, Николаева, 1964, с. 34]. Грамматика синтеза тогда – это «набор правил, с помощью которых можно построить формы слов, расставить их в правильном порядке, так, чтобы они передавали заданные грамматические значения» [Там же]. В ней важен процесс получения слов и высказываний, ее «отличает динамический характер. Традиционная грамматика по своей природе статична. Она содержит перечень языковых законов, правил и единиц, а также иллюстрирующие их речевые контексты (цитаты). В данном же случае нас будет интересовать не столько языковая система и примеры ее реализации, сколько сам процесс претворения первой во вторые, а также механизмы, им управляющие, и условия, ему сопутствующие» [Норман, 1994, с. 15].

В своей книге А. А. Зализняк последовательно применяет процедуру выделения падежей А. В. Колмогорова (см. [Успенский, 1957]), систематизирует известные падежи и получает несколько дополнительных. В результате к шести традиционным падежам, к местному и партитивному добавляются: счетная форма (*три долгих часа*), ждательный падеж (*ждать поезда*) и превратительный падеж (*выйти в люди*). Статус их различен и не до конца ясен. В книге даны характеристики грамматического значения, отдельных категорий (рода, числа, падежа), парадигмы и других терминов. Эти определения и сегодня одни из лучших.

С несколько иных позиций к проблеме словоизменения подошли авторы работы [Еськова и др., 1971]. Ее переработанный вариант опубликован в [Бидер и др., 1978]. Здесь уже строится модель всего русского словоизменения – и склонения, и спряжения. К словоизменению отнесены также комбинаторные процессы, происходящие с русскими словами, в том числе с неизменяемыми в обычном смысле: *о/об*, *под/подо* и др. Исследователи активно используют идеи теории «Смысл ⇔ Текст». Ставится задача выработать полную систему правил морфологического синтеза русских словоформ, под которым понимается «преобразование глубинно-морфологического представления словоформы... в орфографическую запись этой словоформы» [Бидер и др., 1978, ч. 1, с. 4].

Авторы оригинально трактуют ряд явлений русской морфологии. Они значительно увеличивают инвентарь русских падежей. У существительных дополнительно выделены партитивный (*кусок сахара*) и местный (*во рту*) падежи, «вводится счетный падеж, наблюдаемый у единиц измерения» (ср. *килограммов – 5 килограмм, байтов – 5 байт*) [Бидер и др., 1978, ч. 1, с. 8–9]. Этот же падеж под названием «большой нумеративный» приводится и в недавней работе Н. В. Перцова [Перцов, 2001, с. 115]. Напомним, что более обычно иное понимание счетного падежа: «Этот падеж выступает в соединении с сегментами *два, две, оба, обе, полтора, полторы, три, четыре*» [Зализняк, 1967б, с. 47]. Кроме этого, в работе присутствует краткий падеж (для обозначения кратких прилагательных) и наречный падеж (формы на *-о* типа *гладко* и на *-и* типа *товарищески*) [Бидер и др., 1978, ч. 1, с. 38]. Выделяется пять степеней сравнения: «положительная (*легкий*), слабая сравнительная (с префиксом *по-* – *полегче*), сильная сравнительная (*легче*), неопредельная интенсивная (*легчайший*), предельная интенсивная (с префиксом *наи-* – *наилегчайший*)» [Бидер и др., 1978, ч. 1, с. 40].

В этой работе отрицается наличие неизменяемых существительных [Бидер и др., 1978, с. 23], поскольку «образования с *не* от существительных (*невыполнение, неспециалист, некенгуру*) также классифицируются как члены их словоизменительной парадигмы» [Бидер и др., 1978, ч. 1, с. 8, 40] (выделено нами. – Н. С.). Необычно приписывание тому же самому существительному двух родов: одного для единственного числа и второго для множественного [Бидер и др., 1978, ч. 1, с. 23]. Род тогда превращается в словоизменительную категорию.

Наряду с рядом ценных решений в целом исследование [Бидер и др., 1978] неидеально в двух отношениях: во-первых, принимается значительное число упрощений и ограничений, немотивированных трактовок материала (слов) и, во-вторых, описание очень терминологизировано, насыщено условными обозначениями, что усложняет восприятие.

Крупнейшим трактатом по современной общей морфологии является «Курс общей морфологии» И. А. Мельчука [Мельчук, 1997–2006]. С одной стороны, этот труд продолжает и развивает традиционную морфологию, с другой – предлагает новую, «идеальную» систему морфологических понятий, имея, таким образом, еще и предписывающую направленность [Мельчук, 1997, т. 1, с. 40–43]. Ученый рассматривает систему языковых средств и значений, привлекает материал множества языков и предлагает ряд оригинальных, неожиданных взглядов на столь традиционные, казалось бы, «непоколебимые», явления – на явления морфологические.

Строя свою систему, автор выдвигает шесть требований к определениям: логическая ясность, отсутствие противоречий, богатство, тонкость, естественность, продуктивность [Мельчук, 1997, т. 1, с. 1–42]. Новая система понятий отличается еще одним свойством, явным образом не сформулированным, – аппроксимативностью, т. е. приближенным, нежестким, нечетким характером определений, делений, классификаций. И. А. Мельчук стремится дать универсальные, четкие определения, однако сопротивление языкового материала (обилие промежуточных случаев, неоднозначных выражений, прихотливость национального членения действительности) постоянно подталкивает его к градуальным решениям. Например, мы находим «сильно производные» и «слабо производные» единицы, «относительность понятия словоформы», «сильно» и «слабо морфологические значения» [Мельчук, 1997–2000] и т. д. Этого и следовало ожидать, так как одна из «принципиальных особенностей грамматики говорящего – это ее а п п р о к с и м а ц и о н н ы й характер. <...> Дело именно в том, что сознание говорящего способно оперировать приблизительными единицами...» [Норман, 1994, с. 15].

В такой ситуации «размытости», отсутствия жестких границ, «перетекания» ожидалось бы введение процедуры измерения, количественного критерия, некоторой меры. Как справедливо отмечал А. Е. Супрун, «грамматика естественного, функционирующего языка (в отличие от грамматики искусственного, идеального языка) включает в себя неизбежно не только правила, но и исключения, не только четкие определения, но и оговорки, иначе говоря, может быть описана лишь в комплексе логических и вероятностно-статистических формулировок» [Супрун, 1971, с. 93] (выделено нами. – Н. С.). Этого, однако, не происходит: И. А. Мельчук ограничивается только констатацией центра и периферии, градуальности, наличия «большей и меньшей степени», «сильно и слабо отмеченных» единиц. Значит, мы видим здесь лишь элементы полевого подхода к языку.

С середины XX в. падает интерес к материальной структуре, к фактам плана выражения языка¹, более привлекательным становится изучение семантики, моделирование синтаксических, порождающих процессов. Ученые отрицают необходимость фонологии, морфонологии, морфологии, разделяя языкознание на два отдела: семантику и синтаксис. Однако практика описания заставляет вернуться к деталям построения форм. Таким образом, происходит возрождение такой дисциплины, как морфонология. Как известно, после классических работ И. А. Бодуэна де Куртенэ о фо-

¹За исключением работ по исторической грамматике и этимологии.

неме и морфеме, а также основополагающего очерка Н. С. Трубецкого значительных успехов в морфонологии не было. С 1960-х гг. появляются морфонологические описания различных языков: сербского (С. М. Толстая, Ж. Станойич, Р. Симич, Д. Витас), русского (Р. О. Якобсон, М. В. Панов, В. Г. Чурганова, Н. Е. Ильина), белорусского (П. П. Шуба, В. П. Русак), польского (С. Шобер, С. М. Толстая), болгарского (Г. Аронсон, Т. В. Попова), литовского и латышского (Т. В. Булыгина, Ю. С. Степанов, А. В. Андронов) и др. Выходят глубокие общетеоретические работы Э. Станкевича, В. Б. Касевича, Е. С. Кубряковой; из новых славистических монографий на эту тему см. [Rosiechina, 2009].

Из описаний славянских языков нельзя обойти вниманием «Морфонологию болгарского словоизменения» [Аронсон, 1974]. В ней описаны все морфонологические чередования болгарского словоизменения. Рассмотрение альтернатив ведется с учетом «грамматических категорий, для усиления которых они служат, и флексий, которым они соответствуют» [Аронсон, 1974, с. 12]. Автор анализирует все части речи, большое внимание уделяет фонологии. В приложении помещен сравнительный анализ болгарской и русской морфонологии. Ценна книга и историографией вопроса. В то же время в работе все внимание уделено классификации, систематизации фактов, т. е. система статична, алгоритма проведения альтернатив и образования конкретных словоформ нет. Не претендует работа и на полноту (по крайней мере сведения об исходном материале ограничены лишь определением литературного языка).

Перейдем к сербскому языку. Оригинальное описание склонения находим в статье П.-Р. Шмидтбауэр «Попытка описания склонения существительных в хорватском языке» [Schmidtbauer, 1972]. Тут предвосхищены некоторые идеи корпусной лингвистики, теории множеств и лингвостатистики. Источником грамматических сведений и анализируемых слов послужила «Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika» (Zagreb, 1954). П.-Р. Шмидтбауэр предлагает перспективный способ разграничивать лексические и грамматические морфемы – количественный: «Множество со значительно большим количеством членов называем множеством лексических морфем, а множество с меньшим – множеством грамматических морфем» [Schmidtbauer, 1972, с. 50]. Сходное разбиение на сихноморфемы и спаниоморфемы встречаем у Н. В. Котовой и М. Янакиева, напр. в [Котова, Янакиев, 2001], а также на служебные и самостоятельные слова у В. В. Нешистого [Нешистой, 1987]. Известно, что лексические единицы (знаменательные слова) встречаются реже, чем грамматические (служебные слова). На этой универсалии и строит свою методику автор статьи.

Частота грамматических (служебных) морфем и редкость лексических (знаменательных), безусловно, примечательна. Но факт этот ценен не толь-

ко потому, что позволяет неплохо отыскивать и различать указанные две группы слов. Он свидетельствует о внутреннем различии самостоятельного и служебного слова, о разнице их природы и семантики.

Напомним, что этот же, количественный, критерий (продуктивность) выдвигали и авторы руководства [The Handbook of Morphology, 2001, с. 16] для разграничения словоизменения (служебные, т. е. частые элементы) и словообразования (самостоятельные, т. е. нечастые элементы).

П.-Р. Шмидтбауэр вводит понятие «грамматема» для обозначения нечеткого множества (единства) грамем, например: грамматема G_1 состоит из граммы именительного падежа, граммы единственного числа и граммы мужского рода. Исследовательница вводит три множества: множество грамем γ , множество морфем μ (на практике – окончаний) и множество основ Ω : $\gamma \{G_1, G_2, G_3, \dots, G_{42}\}$, $\mu \{M_1, M_2, M_3, \dots, M_{18}\}$, $O \{O_1, O_2, O_3, \dots, O_{53}\}$. После этого строится матрица, где каждой основе ставится в соответствие некоторый набор грамем. Можно заметить, что на практике каждая грамматема реализуется в некоторой морфеме. Таким образом, в таблице всего лишь собраны окончания сербских существительных.

Оригинальный взгляд на сербскохорватскую морфологию изложен в сборнике «Studies in the Language of the Second Generation of Yugoslav Immigrant Children in Sweden» [Studies, 1983]. В литературе это исследование известно как JUBA-project (от Jugoslaviska Barn 'югославский ребенок'). В 1980–1983 гг. сотрудники факультета славянских языков университета в Лунде наблюдали за речью детей югославских иммигрантов. Было опрошено 547 мальчиков и девочек в возрасте 4–18 лет. Авторы предложили различные алгоритмы для преобразования магнитофонных записей разговоров с детьми в список слов сербскохорватского языка. Были предусмотрены три этапа: обработка текстов на пленке (аутентичное произношение с индивидуальными речевыми и физиологическими отклонениями), преобразование аутентичной речи в тексты, состоящие только из фонем (звуков) сербскохорватского языка, и морфологическая сегментация текстов. Затем материал изучался на других языковых уровнях (лексика, синтаксис и др.). Ученые разработали несколько алгоритмов идентификации и классификации слов (существительных, прилагательных и глаголов). При этом традиционные лингвистические трактовки нередко изменялись для большего удобства компьютерной обработки: «лингвистические требования последовательности описания машине не нужны» [Studies, 1983, с. 125].

В морфологии существительные и прилагательные обычно объединяются в одну группу имен, противопоставляясь глаголам – спрягаемой части речи. Такая оппозиция подтверждается и исторически. Интересной особенностью шведской модели является другое разделение: алгоритмы

для прилагательных объединены с алгоритмами для глаголов, а не существительных¹.

Исследователи отмечают чрезвычайную сложность работы из-за отсутствия полной кодификации сербскохорватского языка [Studies, 1983, с. 130–133]. Для примера вниманию читателей представлено описание существительных мужского рода не на *-a*. Авторы сборника предложили ряд интересных решений, сделали ценные замечания, однако их деятельность была ограничена узкопрактическими целями. Кроме того, опубликована лишь часть результатов.

В наше время в Белграде над проблемами автоматического анализа текста активно работает группа Д. Витаса [Витас, 1997; Vitas, 1993; Vitas, Krstev, 1999 и др.]. Ученый рассматривает реализацию слов в тексте с точки зрения их обработки на компьютере. В его работах заметен явный формализаторский уклон, что имеет и свои недостатки, и свои преимущества.

Статья [Витас, 1997] направлена на формализацию словоизменения. Например, обсуждается соотношение и. п. ед. ч. *девојка* – д. п. ед. ч. *девојки*//*девојци* – р. п. мн. ч. *девојки*//*девојака*. Понятно, что в идиолекте возможны различные комбинации: *девојка* – *девојки* – *девојки*, или *девојка* – *девојки* – *девојака*, или *девојка* – *девојци* – *девојки*, или *девојка* – *девојци* – *девојака*. Каждая из подобных групп и есть элементарный морфографемный класс – «регулярное выражение с морфографемной дефиницией» [Витас, 1997, с. 203]. Автор фиксирует понятие сложного морфографемного класса – «два или более элементарных морфографемных класса, объединенных в один по семантическим критериям» [Витас, 1997, с. 203]. Иными словами, речь идет о парадигме с колебаниями, т. е. парадигме с вариантными формами, и о смежных проблемах.

Исследование [Vitas, 1993] посвящено соотношению устной и письменной форм текста на естественном языке, а также проблемам их перевода в электронный вид. «Предмет работы – компьютерные процедуры, которые преобразуют цепочку символов в единицы естественного языка» [Vitas, 1993, с. 1]. Все рассуждения ведутся с ориентацией на применение

¹Итак, возможны две оппозиции «имя (существительное, прилагательное, местоимение и др.) – не имя (глагол, наречие и др.)» или «сущность (предмет, определяемое, т. е. существительное) – характеристика сущности (глагол, прилагательное и др.)». Вторая оппозиция не менее логична и обоснованна, чем первая, хотя и менее привычна для славянской лингвистики. Ср., однако, свидетельство [Мартынов, 1982, с. 17] о независимом аналогичном развитии второй точки зрения: «В соответствии с известной японской лингвистической традицией для названий предметов служит термин «тайген», для названий признаков предметов – термин «ёген», и там же далее: существительные, производные от глаголов, могут быть ёгенами, так как они способны обозначать признаки.

результатов в будущем электронном словаре сербского языка. Автор справедливо указывает, что «в методы компьютерного моделирования, которые имеют строго формальную природу, вплетаются неформальное и неформализованное напластование культурной традиции, которую выражает определенный естественный язык» [Vitas, 1993, с. 1].

Детально описывается сербский язык в письменной форме, уточняются понятия «алфавит», «графема», «слово», «текст», «сепаратор», «код» и др. Ключевой термин – «формальное слово», под которым понимается «форма слова вне соотнесения со значением» [Vitas, 1993, с. 249]. С одним формальным словом может быть связано несколько разных значений, а потому несколько слов, понимаемых как единство формы и значения, могут быть представлены одной и той же цепочкой букв. Ученый предлагает оригинальные трактовки чередований при склонении, последовательно описывает проблемы кодификации сербского языка, а также неадекватность существующих грамматик. Обобщаются достижения ряда зарубежных специалистов по математической логике, математической лингвистике (ее не количественного направления), теории формальных грамматик (М. Грос, З. Харрис, Ч. Хоккет, С. Маркус, Р. Монтегю). Еще больший уклон в алгоритмизацию, символьное представление словоизменения отличает исследование Д. Шипки [Šipka, 1998]. Оно представляет собой проект лингвистического модуля для программы-переводчика «Неуротран», в котором реализуются идеи грамматики минимальной информации. «Основными компонентами грамматики минимальной информации в сфере генерирования словоизменения являются, с одной стороны, индексы в словарных статьях, а с другой стороны – система правил» [Šipka, 1998, с. 8]. Как часто бывает в компьютерно-ориентированных описаниях, членение слова производится механически, без учета морфемной структуры: «Так, у лексемы *ogaњ* окончанием является ряд *gaњ*, поскольку между именительным и родительным падежами существует чередование *a:o*» [Šipka, 1998, с. 15]. Смысл этого приема – избавиться от изменяющейся основы и представить парадигму в виде суммы одной неизменяемой части и разных падежных «наращений». Природа таких «наращений» при этом оказывается неважной.

Ряд ценных наблюдений над грамматической системой сербского языка мы находим в книге «Оглед српске морфосинтаксе» (ее развитие см. в [Пипер, 2009]). Здесь вводится разграничение внутренней морфологии (морфологии основы) и внешней морфологии (морфологии окончания) [Пипер, 1997, с. 24]. Автор последовательно анализирует категории и ряды имен, предлагая в ряде случаев не совсем традиционные трактовки. Утверждается, например, что существительные типа *народ*, *полк* относятся к собирательным одушевленным. Вокатив рассматривается не как форма склонения, но как особая грамматическая категория. Книга содержит

обзор склонений существительного по типам с разбором чередований и вариантов. Много внимания уделено категории числа и в целом проблемам квантификации на уровне слова, словосочетания и предложения. В центре соответствующего раздела – сложное соотношение единичности, множественности и собирательности.

Выше были представлены целостные модели морфологии разных языков (русского, болгарского и сербского). Обратимся к работам по отдельным вопросам морфологии.

Начнем с классических работ о падежах – со статей Р. О. Якобсона «К общему учению о падеже» [Якобсон, 1985а] и «Морфологические наблюдения над славянским склонением» [Якобсон, 1985б]. В первой из них сделана «попытка вскрыть морфологические корреляции, составляющие систему современного русского склонения, объяснить таким образом общие значения русских падежей и собрать материал для будущего сравнительного учения о падеже» [Якобсон, 1985а, с. 139]. Автор настаивает на существовании некоторого общего, инвариантного значения у каждой граммы. Все же остальные смыслы появляются под влиянием контекста, лексического или синтаксического окружения. По мнению ученого, именно «вопрос об общих значениях грамматических форм, естественно, образует основу учения о грамматической системе языка» [Якобсон, 1985а, с. 133]. Предложено три дифференциальных признака для классификации падежей: направленность, периферийность и объем. Данное разделение довольно часто используется в современных работах. Эта новаторская статья оказывается маяком для многих исследователей – тех, кто пытается заключить языковые факты в некоторую сетку, для сторонников теории инвариантов (применительно к сербскому языку см. работы [Ivić, 1961; 1967]).

Противоположную точку зрения можно приблизительно передать как «сколько употреблений – столько и значений». Более того, по мнению А. В. Исаченко, падежные формы вне контекста вообще лишены смысла, а выражают лишь определенные отношения [Исаченко, 2003, с. 94–96]. Один из противников учения об инвариантах Б. М. Гаспаров в статье о перфекте в древнерусском языке указывает следующее: «Можно скорее утверждать обратное – то, что та же по внешней видимости грамматическая форма включается во множество дискурсивных миров по-разному, так что стратегия ее употребления изменяется (нередко до полной противоположности) в рамках различных жанров, коммуникативных ситуаций и ролей и тематических ареалов. Искать логику употребления грамматической формы следует исходя из ее принципиальной фрагментарности» [Гаспаров, 2002, с. 37].

В погоне за «общим значением» пренебрегают стилевыми и коннотативными факторами. Господствует убеждение, что «прагматика» представляет собой нечто вроде надстройки над собственно языковым значе-

нием. Однако нередко как раз «прагматика» играет определяющую роль. Употребление слов бывает обусловлено не только языковыми причинами или отражаемой ситуацией, но и предпочтениями говорящего или слушающего, его настроением, условиями общения и др. «Предметный смысл, вносимый грамматической формой, невозможно понять, игнорируя коннотации, мотивирующие ее употребление. Именно потому, что употребление формы направляется не четко опознаваемым инвариантным значением, а целым полем коннотаций, с которыми эта форма ассоциируется, это употребление получает рыхлый, скользящий характер. Говорящий или пишущий не выбирает каждую форму дискретно в каждом отдельном случае, но мыслит более широкими масштабами повествования (или диалога) в целом... Попытки объяснить все случаи употребления некоторой грамматической формы в качестве проявления какой бы то ни было единой стратегии представляются не только обреченными на неудачу, но и непродуктивными, поскольку они игнорируют динамическую природу развертывания языкового дискурса в любом виде речевой деятельности» [Гаспаров, 2002, с. 37–38].

А. Ф. Лосев высказался еще более резко: «...Всякий падеж имеет бесконечное количество значений и... даже само количество падежей в конечной форме неперечислимо» [Лосев, 1982, с. 63]. Эта ситуация наблюдается потому, что многие падежные конструкции несколько отличаются от формально таких же, и часто трудно определить, в чем же это отличие, сохраняется ли оно, индивидуально ли, велико ли, присутствует ли вообще. Современное состояние проблемы инвариантов представлено в книге [Перцов, 2001].

Идеи, высказанные в работе «К общему учению о падеже», были позже развиты автором на материале конкретных языков. «В своих замечательных “Морфологических наблюдениях над славянским склонением” Р. О. Якобсон предложил удивительный по смелости и новизне анализ структуры русских именных окончаний, в результате которого было разрушено казавшееся незыблемым представление о морфологической нерасчленимости этих окончаний» [Зализняк, 1967а, с. 545]. Кроме того, здесь была апробирована идея из работы 1936 года о трехмерной системе русских падежей. Не все ученые приняли позицию Р. О. Якобсона: например, В. В. Виноградов указывал, что различные значения русских падежей нельзя описать с помощью всего трех признаков (подробнее о полемике см.: [Милославский, 1981, с. 82]).

Одним из направлений, активно развивающих идеи Р. О. Якобсона о маркированности как фундаментальном языковом свойстве, сегодня является «натуральная морфология». Она сложилась в 1980-е гг. в Центральной Европе (В. Майерталер, О. Панагль, В. Вурцел, В. Дресслер и др.) [Contemporary morphology, 1990]. В работах этих лингвистов утверждается обратная зави-

симось между маркированностью и натуральностью, т. е. чем более маркирована некоторая категория, тем менее она натуральна. Натуральной же признается категория, которая: «а) широко распространена и/или б) усваивается относительно рано и/или в) относительно устойчива к языковым изменениям или возникает в их результате» [Гаравалова, 2003, с. 367–368].

С именами академиков М. и П. Ивичей связано закрепление югославской лингвистики на мировом уровне. Они развили идеи А. Белича, поддерживали традицию сочетать глубокие теоретические, типологические выводы с детальным анализом фактов конкретного языка. М. Ивич использовала новейшие методы американской, пражской, советской школ в разработке сербской морфологии и синтаксиса (см. неоднократно переиздававшиеся «Лингвистички огледи», вып. 1–4). П. Ивичу принадлежат фундаментальные исследования по фонетике, фонологии, диалектологии, истории языка. (Недавно выпущены его «Сабрана дела» («Собрание сочинений»)). Очень ценные идеи и результаты этих ученых рассматриваются в соответствующих разделах данной работы.

Крупным достижением стало обнаружение скрытой грамматики (термин введен Б. Уорфом в 1938 г.). В работах В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Б. Уорфа, Б. Гавранека, А. В. Исаченко, С. Д. Кацнельсона, А. Е. Михневича не просто установлено, что между лексическими и грамматическими значениями есть много переходных случаев, а открыты и описаны новые скрытограмматические (селективные) категории (тип референции существительного, отчуждаемость, партитивность и др.). «Семантико-синтаксическая (селективная) категория есть грамматикализованное значение, объединяющее определенное множество слов, способных занимать одну и ту же синтагматическую позицию, и формально выражающееся в особенностях синтаксического построения высказывания» [Міхневіч, 1976, с. 256]. Такие категории редко выражаются через собственные флексии или другие грамматические способы, чаще через особенности сочетаемости. Для их обнаружения применяются специальные процедуры (подстановки, замены, трансформации и пр.).

Разные лингвистические модели характеризуются разной долей семантики. Одни, как, например, П. Сгалл, Л. Джурович, А. А. Зализняк, Т. Н. Молошная, Д. Витас или Д. Шипка, почти не принимают во внимание лексическое значение, многие их решения принципиально асемантичны. Другие (Р. О. Якобсон, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, М. и П. Ивичи, А. Вежбицкая, В. В. Мартынов и др.) постулируют ограниченное число семантических множителей и оперируют ими. Широко известны также труды, где грамматика оказывается в подчинении у лексики, особенности словоизменения, словообразования, словосочетания объясняются лексическим значением слов, которое исследуется особенно тщательно и тонко (Ю. Д. Апресян, В. Г. Руделев, Л. Л. Иомдин, С. Ристич и др.). В этом

русле активно развивается такое направление, как лексическая грамматика. Ее предмет – «взаимодействие лексики и грамматики с целью описания лексической семантики через грамматику (морфологию)» [Шарандин, 2001, с. 18]. Такая постановка вопроса предполагает пристальное внимание к неполноте, дефектности парадигм, нередко ярко свидетельствующей о лексических особенностях некоторого слова.

Большой вклад в описание морфологического варьирования в сербскохорватском языке внес В. П. Гудков [Gudkov, 1964; Гудков, 1987; 1990; 1999 и др.]. Ученый последовательно рассматривает спорные окончания имен существительных: творительный падеж мужского рода (*плаштом* // *плаштем*, *путом* // *путем*, *Ивановом* // *Ивановим*), творительный падеж женского рода (*љубави* // *љубављу*, *дивљачи* // *дивљачју*), родительный падеж множественного числа (*бразда* // *бразди*, *руку* // *рука*)¹, вокатив (*песниче* // *песник*, *командире* // *командиру*), «расширение» основы во множественном числе (*акти* // *актови*, *зуби* // *зубови*)², склонение с «наращением» (*Миле – Милу* // *Миле – Милету*, *псето – псету* // *псето – псетету*) и др.

Автор справедливо критикует традицию «в лингвистических публикациях высказывать мнения, основанные на индивидуальных впечатлениях» [Гудков, 1987, с. 244], и ратует за широкое обследование текстов, т. е., видимо, в сегодняшнем понимании, за корпусный подход. Исследование проводится на широком славянском фоне (белорусский, русский, польский, чешский, болгарский языки).

Обобщающе-реферативный характер носит книга современной польской исследовательницы [Dalewska-Greń, 1991]. Тут систематизируются достижения многих ведущих русских, польских и югославских авторов. Особое внимание уделено существительным *pluralia tantum* и *singularia tantum* в польском и сербскохорватском: рассмотрены их лексические группы, сочетаемость с прилагательными и числительными. Анализируется соотношение единичности, множественности и собирательности. При этом исследовательница оспаривает позицию М. Ивич, утверждавшей, что «в сербскохорватском языке есть имена существительные, которые сохраняют род во всей парадигме, но есть и такие, которые во множественном числе род меняют»: *тај слуга* (м. р.) – *те слуге* (ж. р.) [Ivić, 1966, с. 44; см. также: Ивић, 1963, с. 139; Ivić, 1995б, с. 131]. Х. Далевска-Грень считает, что подобные слова «не будут принадлежать ни к классу существительных мужского рода, ни женского, а будут составлять отдельный родовой класс» [Dalewska-Greń, 1991, с. 28]. В работе предлагаются следующие 16 родовых

¹ О варьировании окончаний *-у* // *-ију* в р. п. мн. ч. см. также: [Николић, 1981].

² Критику выводов В. П. Гудкова об образовании форм мн. ч. см. в заметке [Nametak, 1964].

типов: 1) *језеро*; 2) *мушарац*; 3) *брат*; 4) *тиле*; 5) *око*; 6) *пијандура*; 7) *жена*; 8) *војвода*; 9) *прса*; 10) *гусле*; 11) *наочари*; 12) *сватови*; 13) *богиње*; 14) *пилад*; 15) *бурад*; 16) *браћа* [Dalewska-Greń, 1991, с. 62]. Такое количество родов странно: обычно их два – четыре. Кроме того, род – это категория, семантически не мотивированная, за исключением половой обусловленности. Однако здесь мы находим самые разные выделительные семантические признаки, кроме как раз наиболее типичного – полового. В целом такое разделение больше напоминает систему именных классов кавказских или афразийских языков. Это описание еще и неэкономно.

* * *

Таким образом, на основании изученной литературы можно сделать следующие выводы.

Строгое определение базовых лингвистических понятий связано с рядом трудностей. Их преодоление возможно через полевой подход, через вероятностную модель, через четкое указание на описываемый фрагмент языка, через отказ от старых терминов, если они затрудняют познание. Опыт моделирования языка позволяет утверждать, что получаемая модель зависит не только от природы объекта, но и от цели описания, от теории, которой придерживается ученый. Следует по возможности ясно определять исходные позиции исследования.

Можно выделить два подхода к моделированию славянского словоизменения: аналитический (извлечение грамматических и лексических значений из высказываний) и синтетический (построение высказываний для передачи заданного значения). Они соотносимы с пассивной/активной грамматикой Л. В. Щербы и грамматиками слушающего/говорящего Ч. Хоккета.

Важными задачами остаются обнаружение скрытограмматических (селективных) категорий и решение проблемы инвариантов уже известных граммем. Многие явления этой сферы объясняются особенностями системы лексических групп.

В работах по моделированию словоизменения сербского и хорватского языков много неоднозначных явлений, нерешенных проблем и просто трудных случаев. Исследователи обсуждают соотношение грамматического и лексического значений, количество грамматических категорий и их состав. Различную трактовку получают морфонологические чередования. Много внимания уделяется вариантным формам и разного рода особым случаям. Ряд ученых отмечает дополнительную сложность описания, состоящую в повышенной вариантности внутри языкового стандарта (варианты форм в сербском, хорватском, босняцком) и между языковыми стандартами.

2. ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ ПОСТЬЮГОСЛАВСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Варьирование в языке привлекает к себе внимание с древнейших времен. Считалось, что оно одновременно и затрудняет коммуникацию, так как ведет к неоднозначности, и обогащает ее, так как позволяет выражать разные оттенки смысла и намерения говорящего без дополнительных пояснений, сжато, одновременно с передачей основного сообщения. «Проявление феномена вариативности практически во всех аспектах структуры и функционирования языка дало лингвистам основание сделать вывод о вариативности как общем свойстве, способе существования единиц языка и языковых норм...» [Третьякова, 2003, с. 47–48]. (Подробный обзор работ, систематизированных по периодам и языковым уровням, см. в [Третьякова, 2003, с. 41–47].)

В южную подгруппу славянской группы индоевропейской семьи языков входят языки, доминирующие в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Сербии, Черногории, Македонии и Болгарии. Прочные позиции в независимой Словении занял словенский язык. Македонский язык в качестве отдельного самостоятельного литературного языка признает большинство ученых, положение же других языков народов бывшей Югославии спорное и трудно описуемое. Их диалекты столь долго существовали рядом, столь тесно переплелись, что отнести многие говоры к тому или иному языку затруднительно. (Ср. обсуждение проблемы языковых границ в монографии Г. А. Цыхуна [1981, с. 3–5], работах П. Ивича [Ивић, 1959–1960/1991; Ivić, 1967] и А. Н. Соболева [1998].)

Во всем мире близкорасположенные диалекты родственных языков сходны, между ними довольно трудно провести границу, много переходных, пограничных зон. Поэтому генеалогическая классификация касается прежде всего литературных языков, т. е. языков письменных, кодифицированных, включающих только часть материи соответствующих диалектов. Поскольку Вук Караджич строил новый язык на народной, штокавской, основе, он и воспринял неоднородность говоров. Первоначально в качестве основы для стандартизации он выбрал один диалект (восточно-герцеговинский), однако позднее и он сам, и его последователи расширили диалектную базу, включили в языковой стандарт черты других говоров. Это

способствовало большому охвату населения и территории, но затруднило кодификацию нормы. Как отмечал Г. А. Цыхун, «чем более широкая ареальная база литературного языка, тем менее системный характер этого литературного языка. И, наоборот, чем более узкая ареальная база, тем большей системностью характеризуется соответствующий литературный язык» [Цыхун, 1993, с. 13]. Слабая литературно-редакторская обработка печатных изданий и совмещение явлений разных диалектов не способствовали строгому нормированию языка. Начиная с работ Д. Обрадовича, В. Караджича, Л. Гая и по настоящее время в описаниях языка кодифицируется вариантность. Таким образом, общий литературный язык босняков, сербов, хорватов и черногорцев включал особенности разных диалектов. Это осложнило попытки размежевания новых идиомов (литературных языков)¹. В связи с этим перспективным представляется изучение штокавских диалектов также с точки зрения балканославянского языкового единства.

Кроме того, становлению новых литературных языков способствует наличие у них собственной диалектной базы, чьи особенности можно кодифицировать и противопоставить тем самым собственную норму близким, но чужим языкам. В данном случае такая мера оказалась невозможной из-за сложного, смешанного диалектного ландшафта Балкан, так как на его формирование «с XV по XIX в. решающий фактор оказал такой внелингвистический фактор, как массовые миграции населения, начало которых связывается с турецкой экспансией на Балканах. <...> В результате массовых миграций населения из различных центров, смешения групп носителей различных диалектных черт была нарушена продолжительно существовавшая ранее на сербохорватской языковой территории лингвогеографическая непрерывность и сложилась та сегодняшняя мозаика распространения отдельных диалектов, говоров и языковых явлений, которую ни в коей мере нельзя считать ни исконной, ни сформировавшейся прежде всего в результате распространения каких-либо языковых “волн”» [Соболев, 1998, с. 135–136]. В результате образовалось много диалектных анклавов, диалектные ареалы приняли неправильную форму, не совпадающую с административными границами. Подробнее о становлении сербскохорватского языка см. детальные монографии [Ивић, 1986; Симић, 1991] и статьи [Ivić, 1997].

¹ Г. Невекловский [2001, с. 39] считал Балканы более однородной территорией: «Южнославянские языки образуют непрерывную цепь говоров от Караванок на южной границе Австрии со Словенией до болгарского Черного моря, причем соседние говоры всегда понятны друг другу». Это утверждение, однако, противоречит данным лингвогеографии и диалектологии [Ивић, 1972/1991; 1990; Соболев, 1991; 1998].

Различия между говорами в морфологии имени также значительны: «...можно говорить о своеобразном качественном скачке (“shift” по терминологии М. Белявски-Франк) в морфологии падежа, происходящем в призренско-тимокских говорах сравнительно с косовско-ресавскими. Следовательно, мы не можем говорить о какой-либо лингвогеографической непрерывности на исследуемой территории: четкое противопоставление синтетической и аналитической морфологии имени, существующее в говорах Сербии, отсутствие говоров, демонстрирующих «переходные» морфологические системы, лишает исследователя возможности применять лингвогеографический метод исследования динамики изменений в славянской морфологии при переходе от синтетизма к аналитизму» [Соболев, 1991, с. 100–101].

Декларированные новые языки (сербский, хорватский, босняцкий, черногорский) унаследовали неоднородность, подвижность сербскохорватского языка. Впрочем, сторонники самостоятельности хорватского языка были всегда. Даже Л. Гай, один из лидеров иллиризма, а впоследствии горячий приверженец реформы Вука Караджича, вначале выступал против унии с сербами. Во время Второй мировой войны в профашистском Независимом Государстве Хорватия активно издавались монографии, пособия, популярная литература, направленные на отход от сербскохорватского языка. Подобный ориентир сохранялся в определенных кругах и при социалистической Югославии. В 1990 г. была принята новая хорватская конституция, в 1992 – югославская. Они законодательно закрепили оппозицию «хорватский язык и латиница» – «сербский язык и кириллица». После распада СФРЮ в 1991 г. усилилось движение за самостоятельные языки в Черногории, в Боснии и Герцеговине. Закрепление и увеличение специфики каждого из этих вариантов стало делом политическим. Это подтвердилось, например, при подписании Дейтонского соглашения 1995 г.¹ на четырех языках: английском, сербском, хорватском и босняцком².

Итак, один из аспектов поливариантности литературноязыкового стандарта, возникшего на основе штокавских диалектов, – это аспект полити-

¹ Дейтонское соглашение – это сокращенное наименование «Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине» и 11 приложений, подписанных 14.12.1995 в Париже президентом Боснии и Герцеговины Алией Изетбеговичем, президентом Сербии Слободаном Милошевичем и президентом Хорватии Франьо Туджманом. Названо в честь города Дейтон (Dayton), штат Огайо, США, возле которого расположена американская военная база Райт-Патерсон (Wright-Patterson Air Force Base), где предварительно обсуждались эти документы.

² В этом документе босняцкий язык был впервые признан международным сообществом: «Done at Paris, this 14 day of December, 1995, in the Bosnian, Croatian, English and Serbian languages, each text being equally authentic» [The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina, 1995].

ческий, внешняя вариантность. Исследование различий между региональными вариантами велось еще с XIX в., временами усиливаясь, временами затихая. Однако надо иметь в виду, что в морфологии регионализм, т. е. внешняя вариантность, слаб. Гораздо больше случаев, одинаково проблемных и для сербского, и для хорватского стандарта.

Вторым, внутренним, аспектом поливариантности является необыкновенно слабая, нежесткая норма даже внутри каждого из постулируемых автономных стандартов¹. С разной степенью допустимости употребляются параллельные, альтернативные окончания, суффиксы, лексемы. Множественность встречаем буквально с самого начала – с буквы и звука: ведь применяются два алфавита (кириллический и латинский) и два варианта произношения (экавский и екавский). А ведь письмо считается «своего рода опознавательными знаками религиозно-национальной самоидентификации народа, его политических ориентиров и устремлений» [Мечковская, 2000, с. 265]. Два алфавита возможно даже в одном слове, например, при употреблении иностранных имен: *обратили смо се Johnson-у* или, как рекомендует [Правопис, 1995, с. 101], *Huet-a*, за *Huet-овог* противника. Здесь у слова не только окончание на иной графике, но и суффикс. С укреплением корпусной лингвистики можно ожидать появление крупномасштабных исследований узуса. Кодификация нормы будет вестись на основе массивов фактов.

Третий, экстралингвистический, аспект поливариантности – вариантность названия обсуждаемого языка: язык сербский, хорватский, сербский/хорватский, сербскохорватский, хорваткосербский, сербохорватский, хорватосербский; сербский, или хорватский; хорватский, или сербский и др.; активизировались наименования «боснийский», «бошняцкий», «босняцкий», «черногорский».

Отдавая предпочтение термину «босняцкий язык», а не «боснийский язык», мы следуем рекомендациям Комиссии по стандартизации сербского языка. В самом первом ее решении (от 16 февраля 1998 г.) отмечалось: «Когда речь идет о названии третьего языка в Боснии и Герцеговине... в сербском языковом стандарте для наименования этого идиома можно рекомендовать только атрибут *босняцкий (Bosniac)*» [Три питања..., 1998]². «В последние годы национально ангажированная мусульманская интеллигенция насаждает концепцию особенного «боснийского» языка, сопря-

¹ На очень большое число вариантов в сербскохорватском языке, превышающее их количество в других славянских языках, указывал еще И. Леков [1963], считавший эту особенность типологически важной.

² «Кад је реч о називу трећег језика у Босни и Херцеговини... у српском језичком стандарду, за именовање тог идиома, може се препоручити само атрибут *бошњачки (Bosniac)*».

гаемого с культурой боснийцев-мусульман, т. е. босняков. При этом сербы называют свой язык сербским, хорваты – хорватским. <...> Стремление утвердить для названия языка мусульман-боснийцев (или босняков) термин боснийский (а не босняцкий) язык является выражением активных настояний мусульман добиться *языковой гегемонии* на всей территории Боснии и Герцеговины. Эти действия выходят за рамки научной проблематики» [Гудков, 2002/2007, с. 110–112].

Активизация прилагательного *босняцкий* связана с желанием закрепить этноним *Бошњак* (*босняк*) и тем самым избавиться от нежелательной омонимии существительного *Муслиман* (*мусульманин*), которое, кроме религиозной характеристики, использовалось также в качестве этнонима – для обозначения мусульман Боснии и Герцеговины, чьи предки были южными славянами-христианами (главным образом сербами или хорватами)¹. Соответственно, лингвоним *бошњачки језик* (*босняцкий язык*) значит ‘язык босняков’². (Об этом вопросе см. также раздел «The Bosnian / Bosniak language» в [Alexander, 2006, с. 408–409].)

О некоторой растерянности в социолингвистической сфере и выборе в пользу типичного для Запада либерализма и неопределенности свидетельствует следующий факт. Известный славист В. Браун, готовя свой очерк в 1993 г. (см. [The Slavonic Languages, 1993]), назвал его «Сербско-хорватский язык» («Serbo-Croat»). Переизданная в 2004 г., эта работа уже называется «Руководство по босняцкому, сербскому и хорватскому языкам» («A Handbook of Bosnian, Serbian and Croatian»). В настоящее время в англоязычной литературе распространяется наименование BCS (лингвоним – аббревиатура по первым буквам названий языков), например: «Learning to read and pronounce BCS is easy» ‘Научиться писать и читать «по-БХС» легко» [Alexander, 2006, с. 1] (ср. аналогичное сокращение в фундаментальной «Энциклопедии языка и лингвистики» [Hawkesworth, 2006, с. 260]).

Название «сербскохорватский» поддерживают до сих пор, см., напр.: [Vitas, Krstev, 1999]. У босняцкого языка нет собственной уникальной

¹ Приведем один из многих примеров использования слова *мусульманин* для обозначения народа: «Актуальной задачей сербохорватистики остается дальнейшее углубленное изучение современных тенденций и процессов развития имеющего тождественную основу литературного языка сербов, черногорцев, хорватов и мусульманов (мусульман)» [Гудков, 1999, с. 188].

² Итак, можно наблюдать появление пары паронимичных прилагательных: *боснийский* ‘относящийся к Боснии (и Герцеговине)’ и *босняцкий* ‘относящийся к боснякам’, например: *боснийская промышленность*, *боснийское посольство*, но *босняцкий язык*, *босняцкая культура*. Такая близость значения требует повышенного внимания для избежания ошибок и, возможно, не очень удобна. Для точной дифференциации понятий указанную пару целесообразно сохранить. Ср. аналогичные оппозиции прилагательных *российский* и *русский*, *латвийский* и *латышский*.

диалектной базы, его грамматика тождественная сербской (хорватской), почти единственная фонетическая особенность – частотность согласного [x], степень лексического своеобразия зависит от стиля, достигая максимума в сфере быта и религии (ислама) и минимума в сфере науки. Эти факторы позволили В. П. Гудкову практически предложить новое понимание данного термина: «По своей структуре и материи босняцкий язык – это то самое, что называется языком сербохорватским» [Гудков, 2002/2007, с. 111]. Очень активно за это название и представление о единстве выступает современная хорватская исследовательница С. Кордич, проживающая в Германии. С. Кордич считает сербохорватский язык полицентрическим, т. е. аналогичным английскому, немецкому, испанскому или корейскому. «...Для полицентрических языков характерно использование в нескольких государствах и наличие нескольких центров. У каждого центра есть свой национальный вариант с собственными кодифицированными отличительными нормами. Сербохорватский был нетипичным полицентрическим языком практически все время, за исключением последних 10 лет, так как был распространен в пределах одного государства. После распада СФРЮ он стал типичным полицентрическим языком, так как используется в нескольких государствах» [Kordić, 2002]. (См. также ее новую книгу [Kordić, 2010].)

Ведущий современный сербский социалингвист Б. Брборич высказывался по этому вопросу не очень ясно: «Стандартный язык сербов (с черногорцами и без них), хорватов и босняков «делится» на три национальных варианта, которые являются и тремя *национальными* (языковыми) стандартами – сербский, хорватский и босняцкий. Это один язык на всём своем речевом пространстве (от сербско-болгарской и сербско-македонской до хорватско-словенской границы), упорядоченный множественными нормами, к которым присоединяются частотные эксплицитные нормы, узусальные или кодифицированные, более или менее произвольные» [Српски језички приручник, 2004, 19].

А. Н. Соболев начинает свою работу следующими словами: «Южнославянский язык, описываемый в настоящем очерке, не имеет общепринятого названия» [Соболев, 1998, с. 114]. В свете политизированности и определенной окрашенности всех указанных наименований крупнейший хорватский языковед Д. Брозович находит перспективным такое: «среднеюжнославянский язык» («средњојужнославенски језик») [Brozović, 2001], а современная украинская исследовательница Л. П. Васильева – «стандартная новоштокавщина» [Васильева, 2002].

В становлении языка сербов, хорватов и боснийцев как единого было два наиболее благоприятных периода: начальный этап формирования (середина XIX в.) и времена социалистической Югославии после Второй

мировой войны. Однако даже в эти периоды изучение региональных различий не прекращалось. Дивергентные тенденции значительно усилились в 1980-е гг., появилось множество работ о разнице сербского, хорватского, босняцкого и черногорского языковых стандартов (см. сжатый, но очень содержательный обзор [Тошовић, 2010]). Несмотря на то что о сходстве и различии данных идиомов высказывались очень многие сербокроаты, данный вопрос далек от разрешения. Б. Тошович пришел к выводу, что «фонетико-фонологические, просодические, лексические, фразеологические, морфологические, словообразовательные и синтаксические отношения сербского и хорватского изучены недостаточно» [Там же, с. 317].

Целесообразно разграничивать вариантность языковую (т. е. конкурирующие окончания, синтаксические конструкции и пр.) и, четвертое, вариантность *метаязыковую*, т. е. вариантность научной трактовки фактов языка (напр., отнесение *-н* в форме *имена* к окончанию, корню или суффиксу). Важно отличать те явления, которые существуют независимо (или относительно независимо) от грамматических предпосылок исследователя, от тех, роль или даже существование которых определяется общим построением грамматики.

Ясно, что во всех языках присутствуют варианты. Ведь язык – это не мертвое творение, не искусственное создание, а живой организм, существующий в обществе через индивидуальную речь. А у каждого говорящего свои предпочтения, пусть даже слабые и неосознаваемые. Именно через конкуренцию вариантов и развивается язык. Не будь вариантов, не было бы и развития, а значит, такой язык не смог бы удовлетворять нуждам следующих стадий общественной эволюции. Изменяется не только общество, но и язык.

«Вариативность морфологических форм (и их функционирование) неизменно привлекает внимание лингвистов, которые видят в ней неотъемлемую имманентную черту каждой языковой системы и залог и реализацию ее постоянного развития» [Тихомирова, 2004, с. 366]. Сербский язык особенно вариантен. Даже на таком системном уровне, как морфология, колебаний довольно много, в отличие от русского, где «морфологическое варьирование крайне ограничено» [Бидер, Большаков, Еськова, 1978, ч. 1, с. 5], или по сравнению с еще более стандартной словацкой морфологией (ср. [Исаченко, 2003, с. 45]). В конкуренции форм очень силен и фактор аналогии.

Специфику варьирования в сербском языке Н. Б. Мечковская видит еще и в «функциональной незначимости, т. е. во многих случаях выбор варианта из ряда параллельных или синонимических средств не связан с осязуемыми семантическими и/или стилистическими различиями» [Меч-

ковская, 2000, с. 165]. Такая массовая неупорядоченность, возможно, обусловлена тем, что в сербском (и хорватском) языке, языке с прерванной письменной традицией, «функциональное размежевание параллельных средств могло еще не сложиться» [Мечковская, 2000, с. 167].

Итак, полезно выделять четыре аспекта вариантности сербского языка: социолингвистический (сербский, хорватский, босняцкий и черногорский как самостоятельные языки или варианты), собственно лингвистический (вариантные формы), металингвистический (вариантные трактовки языковых фактов) и экстралингвистический (вариантные названия единого общего языка в случае признания существования такового). Они обусловлены и внеязыковыми факторами, и собственно языковыми.

Не все случаи кодифицированы, а те, что предусмотрены, «прописаны» плохо — допускают двойственность. Несмотря на годы развития, многочисленные усилия отдельных личностей и коллективов, несмотря на постоянную ортологическую работу, нормирование сербского языка до сих пор остается одной из главнейших задач сербских лингвистов. Такая массовая неупорядоченность создает дополнительные трудности при моделировании синтеза форм, так как мы вынуждены ветвить алгоритмы, предусматривать дублиеты.

Желание избежать ненужной запутывающей детализации также было одним из доводов в пользу синтезирующего описания. В дальнейшем наши алгоритмы предусматривают, в максимально возможной степени, однозначный выбор. Дополнительные случаи будем иногда отмечать в комментариях. Такое решение, на наш взгляд, оправданно, так как все порожденные формы будут правильными, а что не все правильные формы мы сможем образовать — так этот недостаток компенсируется простотой модели. Перед нами ведь нет задачи проверять правильность (исправлять ошибки) — этим занимаются распознающие, или отождествляющие, грамматики; назначение создаваемой модели — говорить/писать правильно, не допускать ошибок.

3. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СЕРБСКОГО ИМЕНИ

3.1. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

3.1.1. Общая характеристика

Как отмечал А. А. Зализняк, падеж – «важнейшая грамматическая категория склонения» [Зализняк, 1967б, с. 36]. В сербском языке мы находим ее у всех имен и считаем, что она всегда – словоизменительная.

Падеж – центральная грамматическая категория славянских языков. «В лексико-дистрибутивном плане падежи отличаются свойством тотальности. В принципе они образуются от любого имени существительного» [Кацнельсон 2002, с. 40]. Эта тотальность проявляется в двух планах: во-первых, падежи есть у всех существительных, и во-вторых, падежи участвуют в выполнении всех синтаксических функций существительного. «Таким образом, падежная форма представляет собой позиционный показатель, как бы перемещающийся вместе с единицей и освобождающий последнюю от эксплицитной привязки к определенному месту цепочки» [Мартынов, 1982, с. 76]. Наличие падежей и свободный порядок членов предложения, как известно, являются взаимосвязанными явлениями.

Как показал опыт предшествующих исследований (А. де Гроота, Р. О. Якобсона, Е. Куриловича, Ч. Филлмора, А. Вежбицкой, Б. М. Гаспарова, Г. А. Золотовой и др.), определяя падежи, мы вынуждены либо постулировать некий инвариант, служащий основой для понимания падежной формы в различных ситуациях, либо объяснять различное значение тождественных форм разницей в окружении (управляющее слово, семантика, особенности конструкции и др.).

С учетом работ [Вежбицка, 1985, 1992; Wierzbicka, 1986; Мельчук, 1998, т. 2; Helden, 1993; Марчук, 2003] можно так систематизировать существующие теории значения падежей.

1. Падежи имеют много значений, которые чаще всего нельзя четко разделить (Б. Дельбрюк, А. А. Потебня).

2. Каждый падеж имеет несколько четко разграниченных значений (Э. Бенвенист, А. де Гроот, С. Д. Кацнельсон).

3. У каждого падежа одно значение (Р. О. Якобсон, А. Гарсиа, А. Белич, М. Ивич): «Каково бы ни было разнообразие семантических вариаций, зависящих от чисто синтаксических и лексических условий, все же единство падежа остается реальным и нерушимым. <...> В каждом падеже все его частные, комбинаторные значения могут быть приведены к общему знаменателю» [Якобсон, 1985б, с. 178].

4. Падежи не имеют значений, «падежная маркировка» – чисто поверхностное явление (Ч. Филлмор). «Падежи, взятые изолированно, не имеют значений – их значения соотносятся со специфическими синтаксическими конструкциями...» [Вежбицка, 1985, 309]. Глубинные падежи не соответствуют поверхностным, поэтому разработана система правил, по которой глубинная структура переводится в поверхностную.

Попытка выделить инварианты в значениях грамматических форм и объяснить их различные проявления в сочетаниях содержится и в работе [Яковишин, 2000, с. 85–102]. Подводя итог многолетним исследованиям, Н. В. Перцов пессимистически констатирует: «По-видимому, среди всех словоизменительных значений русского языка падеж является самым неуловимым в отношении решения вопроса об инварианте» [Перцов, 2001, с. 115]. В нашей работе мы к значениям падежей обращаемся минимально.

3.1.2. Выделение падежей

Можно осветить и иные взгляды на проблему падежных значений, однако сложность этого вопроса ясна и так. Для наших целей нет нужды выбирать какую-либо точку зрения на значения падежных форм, мы ограничимся выделением поверхностных падежей с ориентацией на методику Колмогорова – Успенского – Кулагиной – Зализняка [Успенский, 1957; Зализняк 2003] (см. новые методики в [Марчук, 2003]).

Прежде уместно остановиться на вопросе о грамматической правильности той или иной последовательности словоформ. Эта проблема решается по-разному: «Так, например, возможны разные мнения в оценке грамматической правильности таких фраз, как *отдыхал книгу* (ср. *отдыхал неделю*), *кричит окном* (ср. *кричит петухом*) и т. п.» [Зализняк, 1967б, с. 38]. При узком подходе грамматическая правильность ставится в зависимость от лексической сочетаемости слов, т. е. в приведенном выше случае необходимо учесть разделение слов на тематическую группу «время» и остальные. Более широкий подход учитывает только грамматическую сочетаемость (управление, согласование и др.), т. е. допускаются примеры типа *Окно разбито мальчиком*. В роли субъекта, локуса и др. могут вы-

ступать разные существительные, просто одни чаще, а другие реже. Ясно, что приведенный пример необычен, «однако сама вероятностная природа реализации функционально-синтаксической позиции допускает ее нетипичное заполнение; примеры такого рода нетрудно обнаружить в речи» [Норман, 1994, с. 161]. См. там же показательные цитаты: *Март взвинтил цены* (газ.); *Мне иногда бабой жать выгоднее, чем комбайном* (Ю. Щеглов) и др. Б. М. Гаспаров отмечал по этому поводу: «Всякая попытка сформулировать критерий “правильности” в виде постоянных, стабильно действующих правил и признаков наталкивается на проблему ускользающей переменности условий, в которых такой критерий приходится применять. В конечном счете оказывается, что нет такого, на первый взгляд заведомо “неправильного”, выражения, которое не стало бы естественным и приемлемым, и нет такого “правильного” выражения, которое не оказалось бы странным и неприемлемым при определенных условиях» [Гаспаров, 1996, с. 311–312]. Мы придерживаемся второго, более широкого, подхода.

Известно, что «...падежные отношения есть не что иное, как отношения между понятиями предмета и другими понятиями, означаемыми различными категориями слов» [Белић, 1957–1958, с. 1]. Рассмотрим некоторое существительное, например, *град* ‘город’. Представим, в каких состояниях может находиться этот объект и что с ним можно делать или что с ним может происходить: *град се налази, становати у граду, бомбардовати град, уништити град, прићи граду* и т. д. Мысленно проделаем то же самое и с другими предметами: *воз, птица, демократија, зарез* и т. д. Такие сочетания опишут, как существует некоторый объект, явление и пр.

Теперь представим таблицу, где первый вертикальный ряд содержит все различные предметы, а первый горизонтальный – состояния, в которых эти предметы могут находиться. В соответствующих клетках запишем предложения, описывающие нахождение некоторого предмета в некоторой ситуации. Получим множество строк. Попробуем упорядочить его. Во-первых, если найдется строка, такая, что все названия предметов будут выступать в той же форме, что и в некоторой другой строке, то такую дублирующую строку удаляем. Во-вторых, если некоторая строка полностью повторяет часть другой строки, которая, однако, содержит еще другие формы, то более короткую строку удаляем.

После проведения этих операций получим более краткую таблицу. Каждая ее строка соответствует какому-либо падежу. Можно предложить такие диагностические контексты, позволяющие лучше указать на тот или иной падеж (табл. 3.1).

Падежные диагностические контексты

Падеж	Контекст	Примеры
И.	тамо се налази ...	<i>сто, влада, мишљење, поређење</i>
Р.	нема ...	<i>стола, владе, мишљења, поређења</i>
В.	имама ...	<i>сто, владу, мишљење, поређење</i>
Т.	поносити се ...	<i>столом, владом, мишљењем, поређењем</i>
П.	причати о ...	<i>столу, влади, мишљењу, поређењу</i>
Счетный	три ...	<i>стола, владе, мишљења, поређења</i>

Дефиницию падежа заимствуем у И. А. Мельчука: это категория, удовлетворяющая одновременно двум условиям:

«1. Ее грамлеммы обязательно выражают пассивные (= зависимые) поверхностно-синтаксические роли данного существительного и могут также выражать семантические отношения между этим существительным и его синтаксическим хозяином.

2. Она содержит по крайней мере две грамлеммы ' c_i ' и ' c_j ', которые принадлежат к ядру синтаксической или морфологической системы языка $L...$ » [Мельчук, 1998, т. 2, с. 325].

Важным представляется замечание А. А. Зализняка [1973, с. 615] о том, что «два падежа признаются различными только в том случае, если хотя бы у части склоняемых слов им соответствуют внешне различные словоформы». Иными словами, падежи в представленной выше табл. 3.1 выделены потому, что у некоторых существительных они выражаются разными формами. Другие падежи не указаны потому, что они выражаются либо формами номинатива, либо генитива, либо другого падежа из табл. 3.1, а значит, несамостоятельны.

В некоторых работах главной особенностью того или иного падежа считается его значение или окончание. Однако эти два параметра менее удобны и универсальны, чем описанная выше процедура выделения падежей с помощью диагностических контекстов. На важность сочетаемостного критерия указывал также А. Белич [1941/1998, с. 134]: «...Падежными формами являются не только те, у которых есть специальное падежное отличие, но и все те, которые служат для того, чтобы с их помощью, хотя бы это и косвенно обнаружилось, обозначить различные падежные отношения. <...> ...Нет ни одного зависимого падежа без зависимой синтагмы... Необходимое условие появления какого-либо падежного отношения – это падежная или зависимая синтагма...»

С неформальной точки зрения, «категория падежа, как известно, формируется на основе семантической противопоставленности отдельных падежных форм имени, обладающих особым экспонентом» [Полонский, 2001, с. 46]. Это противопоставление возникает в результате интерпретации окружающего мира человеком, а проявляется через различные синтаксические связи между словами и через формальные показатели.

3.1.3. Утраченные и приобретенные падежи

Представленная выше процедура выделения падежей относится ко второй части дефиниции словоизменения в понимании И. А. Мельчука, приведенной во «Введении»: «...правила извлечения таких [словоизменительных] характеристик из текстовых словоформ» [Апресян, Мельчук, 1973, с. 22]. Это значит, что мы не основываемся на некоем универсальном наборе падежей (агентив, партитив, бенефактив и т. п.), а пытаемся выделить их. В ряде случаев получаемый таким образом набор отличается от традиционного, что не всегда является недостатком метода. Рассмотрим эту ситуацию подробнее.

Датив не выделяется нами в отдельный падеж, так как все его формы совпадают с локативными, лишь изредка и непоследовательно отличаясь качеством (но не местом) ударения у некоторых групп слов, напр.: и. п. *grād* ‘город’, *brég* ‘берег’, *vlást* ‘власть’, *rêc* ‘слово’ – дат. пад. *grādu*, *brégu*, *vlásti*, *rêci* – пр. пад. *grādu*, *brégu*, *vlásti*, *rêci* и некоторые другие. Между тем роль количественных же акцентных различий в современном сербском языке уменьшается. Так, Д. Петрович, проанализировав современное распределение ударений в сербском языке, заключил: «Упомянутые изменения практически привели к крупному нарушению классических правил дистрибуции, и сейчас дистриктивным может считаться чаще всего только место ударения, которое становится и станет, после реорганизации старых контрастов, свободным» [Српски језик, 1996, с. 107] (см. также [Batistić, 1972, с. 9–11])¹.

Более того, даже основное, типичное значение дательного падежа, адресатное, нередко передается по-другому: «Типичной балканской особенностью этих конструкций [с косвенным объектом – адресатом действия. – Н. С.] является передача объекта – адресата действия при помощи предложного сочетания с *на* (*дај на децу*, *на нас дава*), не характерного для других славянских языков за пределами Балканского полуострова»

¹ А. Белич, видимо, наблюдал более устойчивую систему акцентуации. Он считал датив и локатив отдельными падежами [Белић, 1935/2000].

[Цыхун, 1981, с. 24]. Напомним также, что беспредложный локатив древнее предложного, экспансия которого, по словам В. Н. Топорова, связана «с глубоким и существенным процессом – с усилением аналитических элементов в языке» [Топоров, 1961, с. 32–33]. Беспредложный локатив употреблялся в сербском до XIII в., его следы можно наблюдать в наречиях и предлогах типа *лети* ‘летом’, *зими* ‘зимой’, *лани//лане* ‘в прошлом году’, *доле* ‘внизу/вниз’, *горе* ‘вверху/вверх’, *близу* ‘вблизи, около, возле’, *среди* ‘среди; посредине’.

С другой стороны, мы не утверждаем, что и на семантическом уровне от датива следует отказаться. Некоторые исследователи отмечают, что «наоборот, это кажется абсолютно разумным говорить об оппозиции датив: локатив в семантической системе» [Naylor, 1971, с. 155]. В то же время понятно, что такое полное совпадение форм должно быть обусловлено стиранием различий и семантических, поскольку унификация в плане выражения сопровождается унификацией (сближением) в плане содержания. Мы имеем в виду общепалканскую тенденцию к утрате оппозицией «направление – место» своих формальных (флективных) различий, которая отчетливо проявляется в ряде говоров, а также в некоторых конструкциях литературного языка, например в сочетаниях со словами *кућа* ‘дом’, *град* ‘город’. Б. Тошович отмечает, что некоторые наречия направления и места в сербском взаимозаменяемы: 1) *Где си ставио књигу?* ‘Куда ты положил книгу?’ – *Где идете вечерас?* ‘Куда вы идете сегодня вечером?’; 2) *Тамо се може стићи аутобусом* ‘Туда можно доехать автобусом’ – *Тамо ћемо бити сутра* ‘Там мы будем завтра’; 3) *Дођите овде!* ‘Идите сюда!’ – *Станујем овде* ‘Я живу здесь’ [Tošović, 1988, с. 350] (см. также монографию: [Piper, 1983]).

Новая система падежей не равна «старая система минус датив». Практически исчезли только ф о р м ы датива, значения же его сохранились: большая их часть перешла к локативу, и так возник новый единый падеж, объединивший в себе значения двух прежних; вопрос о том, как его называть – датив, локатив, как-то иначе, – остается открытым. Некоторые значения датива, напр. притяжательности, стали выражаться через формы р. п. Одновременно происходило и происходит сейчас преобразование всей системы падежей, заключающееся еще и, напр., в переходе некоторых пространственных значений (директивных и местных) от аккузатива к локативу. Наблюдается закономерная перестройка не части системы, но всех ее элементов после утраты одного члена системы. Так, в современной сербистике локативными признаются следующие конструкции: *судећи по свему* ‘судя по всему’; *она се одређује према тежини тела* ‘она определяется по весу тела’; *у свима је познавао њу, по страху...* ‘во всех он узнавал ее, по страху...’; *сви његови доглавници слѣдовали су том заразној примјери по*

мајмунском закону...' все его заместители следовали этому заразительному примеру, по закону обезьяничания...'; *по мом најдубљем увјерењу* 'по моему глубочайшему убеждению' и т. п. (примеры из [Batistić, 1972, с. 165–173]).

По мнению К. Нэйлора, исчезновение датива обусловлено его меньшей по сравнению с локативом маркированностью. Такое упрощение признается еще одной балканской чертой сербского языка [Naylor, 1971, с. 156].

Примечательно, что сокращение инвентаря падежей в диалектах, происходящее в рамках аналитической тенденции, характерной для Балканского языкового союза, идет иным путем: исчезает не датив, а локатив. Датив остается как единственный косвенный падеж в призренско-южноморавском говоре (в отличие от полностью аналитического тимокско-лужникского); эта форма служит одним из оснований для классификации призренско-тимокских (шопских) говоров. (Подробные сведения об использовании датива в разных говорах в зависимости от числа, рода и одушевленности существительного см. в [Соболев, 1991].)

По описанной выше методике не удастся выделить такую форму, как вокатив. Статус его довольно спорен. Одни ученые считают его падежом, другие нет. Еще К. Бюлер относил вокатив к плану обращения (Appelfunktion), а все остальные падежи – к плану представления. Е. Курилович развил и детализировал это противопоставление: «Вокатив остается в стороне. Он имеет апеллятивную функцию, отличную от чисто репрезентативной (символической) функции других падежей. Рассматривать вокатив в той же плоскости, что и другие падежные формы, – значит допускать методологический промах, аналогичный смешению экспрессивного употребления междометий с символической функцией других частей речи. Поэтому первая дихотомия, с которой мы начнем классификацию падежей, отделит вокатив от прочих падежей» [Курилович, 2000, с. 198]. А. В. Исаченко [2003, с. 93] строго писал: «Смешивание звательной формы с падежами с точки зрения грамматической теории недопустимо. Ведь звательная форма относится к иному языковому плану, нежели падежные формы. <...> Кроме того, звательная форма не выражает никаких синтаксических отношений, между тем как основной функцией падежей является именно выражение синтаксических отношений между словами в синтагме или в предложении. <...> С точки зрения и синтаксиса и морфологии, звательная форма не может быть признана падежом». З. Тополинська, П. Пипер и др. предлагают рассматривать вокатив как еще одну именную категорию – вокативность-апеллятивность [Пипер, 1997; Тополинська, 2002; Dalewska-Greń, 2002, с. 264–266 и др.]¹.

¹ Вокатив «и синтаксически, и семантически, и прагматически заметно отличается от категории падежа» [Пипер, 2009, с. 417]. О категории вокативности-апеллятивности см. там же на с. 489–490.

Обычно падежи оформляют синтаксическую связь между словами. У вокатива функция другая – привлечь внимание, побудить слушателя к чему-либо. «Одной из универсальных категорий, которая составляет часть всякой языковой системы, является категория обращения, т. е. категория вокативности-апеллятивности» [Војводић, 2003, с. 190]. Кроме того, очевидна связь вокатива с такой категорией, как определенность/неопределенность. Вокатив – это форма обозначения адресата речевого акта. Ни один акт общения невозможен без вокативных отношений, т. е. без отношений обращения. Звательная форма занимает особое место в парадигме имени. Некоторые ученые (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Л. Ельмслев, П. С. Кузнецов и др.) не считали вокатив падежом. В. А. Плунгян [2000, с. 171] называет его «внесистемным падежом». (Впрочем, для сербского это, кажется, неверно: форма, образующаяся регулярно, может не быть падежом, но не может быть внесистемной.)

В то же время многие ученые считали вокатив падежом (А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. Белич, Е. Курилович, А. де Гроот, А. П. Володин).

Противопоставление одного падежа остальным не очень ново или необычно. В принципе любой падеж можно обособить и выделить в оппозицию остальным членам парадигмы: все зависит лишь от признака, который выбран для разграничения. Известна, например, позиция, согласно которой именительный падеж – основной, главный, «репрезентативный» член парадигмы – следует отделить от остальных падежей: «Именительный, или прямой, падеж существительного по своему грамматическому значению является отрицательной падежной формой, так как сам по себе не выражает никаких синтаксических отношений к другим словам речи. В известном смысле поэтому именительный падеж может быть определен как непадежная форма, в противоположность косвенным падежам – падежам в собственном значении этого слова» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 105] (выделено нами. – Н. С.). На такую же возможность указывал и А. Белич: «Склонение и спряжение в языках, где развиты формальные средства, выражают обычно все отношения, существующие между изменяемыми частями речи. <...> Казалось бы, из системы склонения, определенного указанным образом, исключаются номинатив и вокатив, так называемые независимые падежи, так как этими падежами не обозначается никакое отношение между именами существительными и другими частями речи» [Белић, 1958, кн. 1, с. 107]. Или, скажем, генитивным формам отказывают в статусе падежных из-за того, что они подчиняются и имени, и глаголу, отличаясь тем самым от всех остальных, приглагольных, падежей. В любом случае мы оставляем в стороне вопросы, является ли вокатив падежом, каков его статус в предложении, в парадигме существительного и т. д. Заинтересованному читателю стоит об-

ратиться к специальным работам [Курилович, 2000; Храковский, Володин, 2002; Војводић, 2003; Норман, 1992; Полонский, 2002 и др.]. Мы же рассматриваем вокатив как одну из форм словоизменения существительного, которая используется в речи, т. е. и для нее необходимы правила синтеза, а значит, и эта форма важна для нашего описания.

Среди иных трудных вопросов теории падежа нельзя обойти вниманием сочетания существительных с числительными *два, две, три, четыре, оба, обе* и местоимениями *неколика, неколике*. Формы (*два*) *прозора, момка, детета, сунца, (три) жене, књиге, (неколика) његова промишљена чланка* и т. п. довольно спорны. Они являются результатом преобразования категории числа, рефлексом двойственного числа, которое в сербском языке употреблялось до XV в. «В языковом мышлении *два* является числом высокого напряжения, поддерживаемого постоянно напоминающей о себе двойственностью, парностью и противопоставленностью как в физическом, так и в общественном и индивидуально-психическом мире» [Бодуэн де Куртенэ, 1963б, с. 315]. Предлагались различные грамматические квалификации указанных форм. Чаще в мужском роде здесь видели р. п. ед. ч., а в женском и среднем – и. п. мн. ч. По мнению Г. Корбетта, атрибут здесь имеет форму мн. ч. ср. рода (*ова, добра*), а существительное – р. п. ед. ч. [Corbett, 1983, с. 89–92].

В последнее время популярной стала идея паукала. Термин «паукал» (от лат. *raucus* ‘малый, малочисленный’) из арабистики в сербистику в 1983 г. ввели Э. Станкевич на IX Международном съезде славистов и Х. К. Миккелсен на XIII чтениях памяти Вука Караджича в Белграде [Stankievicz, 1986a; Ivić, 1995б, с. 134]. Это понятие находит все больше сторонников (М. Ивич, П. Пипер, Л. Попович, Ж. Станойчич, Х. Далевска-Грень). В итоге получаем такую парадигму (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Место паукала как числовой граммеы в парадигме существительного

Падеж	Число		
	единственное	множественное	паукал
И.	студент	студенти	студента
Р.	студента	студената	–
В.	студента	студенте	студента
Зв.	студенте	студенти	студента
Т.	студентом	студентима	–
П.	студенту	студентима	–

Остановимся подробнее на основаниях выделения новой числовой граммемы (см. также [Helden, 1993, с. 693–702]). Ее считают паукальной по следующим соображениям. Во-первых, идея единственного числа существительного противоречит указанию на множество, содержащемуся в числительном. Во-вторых, существительное необъяснимым образом выступает главным во всех падежах, кроме номинатива. В-третьих, атрибутивные формы имеют специфический облик – неопределенную форму на *-a*: *Сва та четири нова студента су чекала* (подробнее о паукале см.: [Ivić, 1995a; Пипер, 2002]).

Здесь смешаны категории действительности (вещественные, реальные) и грамматики (формальные). Ясно, что реальное количество часто соответствует количеству, которое выражается грамматическими категориями (номинативные категории для этого, собственно, и существуют). Однако такая параллель наблюдается именно ч а с т о, а не всегда. «Формы множ. числа содержат указание на то, что предметы, которые обозначены существительными в ед. ч., выражаются во множ. числе как взятые в некотором (неопределенном) количестве. В противоположность мн. числу, в формах ед. числа отсутствует указание на какое-либо количество» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 89] (выделено нами. – Н. С.). Итак, идея единичности – основное значение граммемы ед. ч., идея множественности – граммемы мн. ч. Существуют, однако, дополнительные значения, и при их актуализации идеальная корреляция нарушается (см. раздел «3.2. Категория числа»).

Понятие «паукал», как указывалось, заимствовано из описания арабского языка, где, действительно, у отдельных существительных есть формы «малого количества», которые употребляются, если объектов от трех до десяти [Гранде, 1998, с. 275] (табл. 3.3). Подчеркнем: не при ч и с л и т е л ь н ы х от трех до десяти, а е с л и о б ь е к т о в от трех до десяти, независимо от наличия числительных. В сербском же языке ситуация принципиально отличается: как и в других славянских, оппозиция возникает не по количеству (мало – много), а по последнему компоненту числительного (*три стола* так же, как и *тридесет три стола* или *два милиона четрдесет хиљада триста три стола*). Уточним, пригоден ли сербский материал для применения к нему понятия «паукал», для чего обратимся к арабскому языку, из описания которого и был заимствован данный термин.

В арабском языке форма существительного при числительном изменяется неизоморфно [Гранде, 1998, с. 389–390], прямого соответствия реальному множеству языковому нет. Говорящий в каждом случае решает сам, важно ему указать точное число или просто сообщить о наличии чего-либо.

Согласование существительных и числительных в арабском языке

Число	Форма существительного	Пример	Перевод
1	и. п. ед. ч.	<i>ragulun uahidun</i>	один человек
2	и. п. дв. ч.	<i>'tnam ragulani</i>	два человека
3–10	р. п. мн. ч. (малая множественность)	<i>talatatu rigalin</i>	три человека
11–99	в. п. ед. ч.	<i>isruna ragulan</i>	двадцать человек
100–1000	р. п. ед. ч.	<i>mi'atu ragulin</i>	сто человек
(«Много»)	и. п. мн. ч.	<i>rigalun</i>	люди

Примечание. Написание арабских слов упрощено.

Специфические формы при числительных находим и в славянских языках: в белорусских сочетаниях *пяць год*, *сто пяцьдзесят год*, а также *имат год* (не р. п. ед. ч. *года* и не р. п. мн. ч. – *гадоў*). В русском: *два часа* – *нет часа*. В болгарском и македонском языках при числительных используется особая форма. Дополнительные аргументы дает нам диалектология. В призренско-тимочских говорах также существует специальная «бројна конструкција». И она употребляется после всех числительных, кроме заканчивающихся на *један* (*један*, *двадесет један* и т. д.) [Ивић, 1959–1960/1991, с. 137]. Подчеркнем: именно после числительного «один», а не после числа «один».

Итак, становится ясно, что форма существительного при числительном условна, это, скорее, компетенция стилистики и диахронической грамматики, чем синхронной семантики или синтаксиса. (О формах прилагательных и существительных при числительных в разных славянских языках см. в [Белић, 1932; Супрун, 1969, с. 141–171; Corbett, 1983].)

Признавая паукал особым числом, мы получаем избыточное описание: парадигма паукала будет представлена одной формой (и. п. = в. п. = зв. п.), граммемам остальных падежей будут соответствовать формы мн. ч. В современном сербском языке числительные выше четырех не склоняются, до пяти – склоняются очень редко. Значит, останется, по сути, одна позиция – после и. п. = в. п. = зв. п., т. е. для форм, заимствованных из мн. ч., вообще не будет места.

Поэтому предпочтительнее считать, что в сочетаниях типа *два стола*, *три језера* выступает не дополнительная числовая грамма, а дополнительная падежная грамма. Это – счетная форма (счетный падеж), связанная с *један* и *по*, *два* (две), *оба* (обе), *три*, *четири*, *неколика*, *неколике*.

Какое же число употреблено в вышеуказанных сочетаниях? Вопрос труден. Опираясь на семантику (учесть количество обозначаемых объектов) нельзя, так как в сфере числа нередки искажения при отражении действительности. Мало помогают и средства выражения: формы *стола* или *језера* похожи и на р. п. ед. ч., и на и. п. мн. ч.

Воспользуемся косвенными указаниями.

Во-первых, в сербском, как и в белорусском, русском, одушевленные существительные на *-ин* (*варошанин*, *Србин*, *Минчанин*) во мн. ч. утрачивают это сочетание: *варошани*, *Срби*, *Минчани*¹. С числительными *два*, *три*, *четыри* сочетаются полные формы: *два варошанина*, *три Србина*, *четыри Минчанина*. Это свидетельствует в пользу граммеы ед. ч.

Во-вторых, известны формы *два детета*. Однако существительное *дете* не имеет мн. ч. – значит, это ед. ч.

В-третьих, существительное *јаје* получает «наращение» *-ет-* только в ед. ч., следовательно, форма *три јајета* указывает на ед. ч.

В-четвертых, для передачи множества существительных типа *парче*, *дугме* используются формы типа *парчад*, *дугмад* или *парчѐта*, *дугмѐта* (с перенесенным ударением). В сочетаниях с числительными *два*, *три*, *четыри* находим *два пàрчета*, *три дѹгмета* (без переноса ударения), как в р. п. ед. ч. *без пàрчета*, *без дѹгмета*.

В-пятых, слова *чудо*, *небо*, *тело* во мн. ч. могут получать «наращение» *-ес-* (*чудеса*, *небеса*, *телеса*). В сочетаниях с *два*, *три*, *четыри* – только без «наращения»: *два чуда*, *три неба*, *три тела*.

В-шестых, слово *вече(р)* известно своим нерегулярным «поведением». В частности, если в ед. ч. возможны формы всех трех родов (*добро вече*, *добар вечер*, *добра вечер* и т. д.), то во мн. ч. употребляется только женский род от *вечер*: *наше топле јадранске вечери увек га муче*. Сочетания типа *два вечера* свидетельствуют в пользу ед. ч.²

В-седьмых, существительные типа *људи* невозможны в счетной форме, так как сочетаются не с количественными числительными *два*, *три*, *четыри*, а с собирательными – *двоје*, *троје*, *четворо*. Поскольку *људи* стоит во мн. ч., логично предположить, что именно эта числовая граммема блокирует сочетания **два људи*, а следовательно, противоположная граммема (ед. ч.) не блокирует: *два човека*.

¹ Обычно эту группу определяют как «названия национальностей, названия жителей населенных пунктов». В соответствии с общей установкой на минимальное привлечение значения мы вполне можем обойтись гораздо более общим (и необходимым в нашей модели) признаком «одушевленность». См. чередование *ин* → *о* в п. 4.2.2.

² Подробнее об этом слове см. комментарий к табл. 4.5 «Функциональная парадигма существительного *вече(р)*» в п. 4.2.3.

Итак, мы определили и вторую, числовую, грамему обсуждаемых спорных форм. Это – единственное число.

Безусловно, глагольные формы в таких сочетаниях нередко получают мн. ч. Это объясняется согласованием (координацией) по смыслу. Данный случай еще раз подтверждает, что лексическим значением в грамматике нужно пользоваться очень осторожно.

Впрочем, возможно еще одно решение. Формы существительных при числительных *два* и т. п. объяснимы и без новых граммем или категорий. Главный аргумент для изменения фрагмента метаязыка – формы прилагательных (и отадективных существительных типа *председавајући*). Действительно, *два стола* можно представить как *два* + р. п. ед. ч. от *сто* (как *без стола*). Тогда не понадобится ни новое число (паукал), ни новый падеж (счетный). Ср., напр.: «Паукальная форма существительного (и ее согласованного определения) в качестве выражения грамемы паукала является номинативной формой грамматического числа (= малое нумеративное множество, паукал), в которой существительное входит в именную группу с паукальными числительными (это *два, три, четыре* или числительные, которые ими заканчиваются, а также *оба*) и которая материально совпадает с формой родительного падежа единственного числа, например *два лепа дана, две лепе ноћи, два лепа јутра*» [Пипер, 2009, с. 479].

Но подобным образом не удастся объяснить сочетания *ова два ниска стола*: если это р. п. ед. ч., то должно быть *овог ниског*, а если это р. п. мн. ч. – то *ових ниских*. В то же время, поскольку проявление – в атрибуте, новую особую форму можно было бы и приписать только атрибуту (прилагательному, местоимению). Такое решение, однако, противоречит трактовке числа и падежа как суперкатегорий с субстантивной доминантой. Известно, что подчиненные проявления должны быть не богаче господствующих. Поэтому нельзя ограничиться изменением только адъективной схемы.

Можно только восхититься проницательностью Дж. Даничича, который еще на заре сербской лингвистики увидел в описанных выражениях особую форму: «...имена существительные и прилагательные имеют... особый падеж на *-а...*» [Даничић, 1850, с. 28]. Жаль, что его голос был заглушен и сторонниками простых решений («это – р. п. ед. ч.!»), и сторонниками сложных решений («это – паукал!»).

Таким образом, в один падеж объединяются формы, одинаково управляемые некоторыми словами. О номинативе и вокативе, плохо подходящих под такую формулировку, следует сказать следующее. Во-первых, и номинатив, и вокатив нередко выводятся за рамки падежной грамматики и рассматриваются особняком. Во-вторых, известна и вербоцентрическая теория предложения, согласно которой глагол подчиняет себе все без ис-

ключения слова в предложении, в том числе и номинатив. В противоположность этому род (точнее, согласовательный класс) объединяет слова, одинаково управляющие формами других слов. Падеж в сербском, как и во всех флективных языках, выражается кумулятивно, т. е. одно и то же окончание служит для передачи граммем падежа, рода и числа: *младошћу* – тв. п., ж. р., ед. ч.

3.2. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

3.2.1. Сущность категории числа

Число – это важная грамматическая категория. Оппозиция граммем в ней формируется главным образом относительно того, обозначает ли некоторое существительное один, два, несколько, много, неопределенное количество объектов. Есть и такие языки, где не нужно каждый раз характеризовать существительное по числу [Кацнельсон, 2002, с. 32].

Существуют разные взгляды на природу, состав и способы выражения этой категории. По мнению Ф. Ф. Фортунатова [1956] и Н. Н. Дурново [2001, с. 96, 122], число – словообразовательная категория. В. Н. Сидоров считал числовые формы разными словами и относил факт образования числовых форм к словообразованию, «поскольку различия между ними заключаются в реальном значении, а не в выражаемых ими отношениях» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 70]. Аналогичного мнения придерживается и И. Г. Милославский [1981]. По словам Н. С. Пospelова, число существительного – это лексико-грамматическая категория [1955, с. 75]; категорию числа трактуют и как «смешанную словоизменительно-словообразовательную» [Горшкова, 1983, с. 197]. Однако большинство ученых признает число словоизменительной категорией. Мы присоединяемся к этой точке зрения, так как значение числа абстрактно, регулярно и обязательно, т. е. присутствует у всех существительных, что не позволяет признать его словообразовательным.

Во всех славянских языках присутствует категория числа, однако количество граммем в ней оказывается разным: кроме обычных граммем единственного и множественного числа, в лужицких, старославянском и словенском языках в противопоставлении участвует еще и двойственное. Двойственное число есть также в литовском (в диалектах и художественной литературе), арабском языках, древнегреческом и санскрите. По предположению А. Достала, двойственное число в словенском и лужицких сохраняли как национальную особенность, сознательно архаизируя язык в противовес иностранному засилию [Гаспаров, Сигалов, 1974, с. 259].

В сербском языке можно выделить две граммемы числа: граммема ед. ч. и граммема мн. ч. Обе они выражаются окончаниями (реже ударением, заударными долготами и чередованиями), например и. п. ед. ч. *зуб̄а̄р-Ø* – и. п. мн. ч. *зуб̄а̄ри*, и. п. мн. ч. *шольице* – р. п. ед. ч. *шольиц̄е̄*, и. п. ед. ч. *вр̄е̄ме* – и. п. мн. ч. *вр̄е̄мена* – ед. ч. р. п. *вр̄е̄мена*.

Некоторые сербские и хорватские ученые предлагают дополнительные числовые граммемы. Так, по словам Б. Дабича, к обычным граммемам категории числа нужно добавить следующие: сингулятив (носителями его являются существительные мужского рода с суффиксом *-ин-*: *Србин*, *Латин*, *Јеврејин*, *Циганин*, *Бачванин*, *хришћанин*, *поганин*; ж. р. с суффиксом *-к-*: *сламка*, *травка*, *воћка*), двойственное число (*два пријатеља*, *три мачке*), собирательное число (*слава*, *трава*, *воће*, *Српство*) [Дабих, 2000]. П. Пипер грамматическую категорию числа представляет так: сингуляр, или единственное число (*студент*), плурал, или множественное число (*студенти*), паукал, или малое множество (*студента* в сочетаниях *два*, *три*, *четири студента*), и непаукал, или большое множество (*пет*, *сто*, *триста двадесет осам студената*) [Пипер, 2002]. Непаукал – неизменяемая форма, а паукал может изменяться, но чаще этого не происходит. (О паукале см. в п. 3.1.3.) М. Пети находит новую числовую граммему, собирательности, у существительных типа *телад*, *лишће*, *снопље*, *студенти*, *путници*, *штенци*. «Смысл, передаваемый собирательными существительными, не значит ни 'один', ни 'много', а 'общая сумма'» [Peti, 2001]. По мнению М. Пети, такие имена участвуют не в противопоставлении «сингуляр – плурал», а в противопоставлении «коллектив – сингулятив», у них нельзя выделить ни род, ни число, ни падеж.

М. Ивич дополнительно выделяет так называемый брачный плурал – специфическую форму фамилий. Если фамилия обозначает супругов, то находим *Петровићеви*, *Поповићеви*, если любых родственников – *Петровићи*, *Поповићи*. «Плурализованные образования типа *Поповићеви*, *Петровићеви* и т. п. обозначают множество не только как исчисляемое (числовое состояние 'два'), но и как маркированную в отношении рода: речь идет об особах противоположного пола...» [Ивић, 1995б, с. 136]. Тут, похоже, противопоставляется двойственное число множественному. Указанные образования маргинальны и в современном сербском языке почти не употребляются. По-видимому, они принадлежат словообразованию. Кроме того, в нашей работе имена собственные не рассматриваются – у них своя грамматика.

Укажем еще на несколько интересных подходов к связи грамматического значения с внешним миром в сфере числа. А. В. Исаченко признавал, что в грамматике отражаются отношения между предметами и явлениями действительности, однако отражение это опосредованное и пре-

ломленное. По его мнению, «инвариантным признаком, на основании которого в языке противопоставляются такие формы, как *моя книга* и *мои книги*, является не признак «единичности/множественности», а признак выраженной *р а с ч л е н е н н о с т и* и невыраженной *расчлененности*» [Исаченко, 1961, с. 37]. Это предложение приобрело сторонников, однако нередко подвергалось и критике (см. [Мельчук, 1998, т. 2, с. 80–91; Пипер, 2002]. А. А. Холодович, в свою очередь, категориальной оппозицией считал не «единичность – множественность», а «часть – целое» [Холодович, 1979]. В «Грамматике болгарского языка» вводится противопоставление «агрегативность – грануальность»: «...морфема агрегативности характеризует вещь или процесс как агрегат, как сложное множественное целое», грануальность же «означает, что имеется в виду вещь цельная, похожая на гранулу (зернышко), которая противопоставляется агрегату – вещи сложной, состоящей из “деталей”, т. е. частей не обязательно одинаковых» [Котова, Янакиев, 2001, с. 451]. Н. В. Котова и М. Янакиев отрицают таким образом одно из принципиальных оснований множественного числа – требование идентичности считаемых объектов.

Большинством авторов сегодня все-таки принято подобные противопоставления связывать с количеством объектов. Таким образом, в нашем понимании грамматическая категория числа в сербском языке формируется оппозицией двух граммем, ед. ч. и мн. ч., где в большинстве случаев противопоставляется количество объектов.

Для обозначения класса в сербском языке употребляются обе формы: *Тада су многе мајке заплакале* ‘Тогда многие матери заплакали’; *То је било у време кад су Швабе навалиле на Србију* ‘Это было в тот период, когда фрицы напали на Сербију’, и с тем же значением: *Тада су многа мајка заплакала* ‘Тогда всякая мать заплакала’; *То је било у време кад је Шваба навалио на Србију* ‘Это было в тот период, когда фриц напал на Сербију’ [Ivić, 1995a]. Тут мы имеем дело с нерелевантным употреблением существительных.

Сравним у А. В. Исаченко [1961, с. 35]: *Подложити кирпич под калитку* (денотат – единичный предмет); *Купити кирпич для постройки дачи* (денотат – реальная множественность) – одна грамматическая форма обозначает и один предмет, и много. *Боярам постригли бороды* (денотат – реальная множественность); *Боярам постригли бороду* (денотат – реальная множественность) – одно и то же реальное количество передано при помощи разных граммем.

«Уже стало традицией не отождествлять грамматическое число с количеством, а род – с полом. Поэтому, обращаясь к проблеме грамматического числа, мы в первую очередь должны отметить, что единственное число может обозначать множественность, а множественное число – еди-

ничность предмета» [Мартынов, 1982, с. 100–101]. Определенно-числовая квантификация осуществима, если денотат имеет некоторую ограниченную протяженность (пространственную или временную), если он дискретен. Тогда можно представить и обозначить раздельную совокупность таких отдельных объектов (денотатов). В этих ситуациях существительное в форме ед. ч. чаще всего обозначает один объект, мн. ч. – несколько. Если природа денотата иная (нет четких границ), то данная параллель нарушается. Отклонения от этого идеального соответствия нередки.

3.2.2. Число у существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*

Итак, основания для употребления ед. или мн. ч. довольно разнообразны, порой трудно объяснить выбор числового оформления и определить, один или несколько предметов имеется в виду. Вторую проблему представляют различного рода сложности при образовании форм. Особенно явственны они у существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*.

Считается, что у *singularia tantum* есть формы только ед. ч. (*вода* 'вода', *рика* 'рев, рычание, грохот', *љубав* 'любовь'). Такие слова обозначают единичные или трудно поддающиеся счету понятия, объекты, явления (но часто их можно измерить). Обычно это абстрактные сущности, вещества, свойства. В то же время при необходимости формы мн. ч. могут быть построены: *мржње* 'ненависти', *вина* 'вина'; *Каже се за њу да је имала и седам лица, као седам соли* 'Говорят, что так же, как и солей, было у нее семь лиц' (М. Павић. Хазарски речник / пер. Л. Савельевой)¹. О. Браичић приводит такие примеры: *производња квалитетних угљева* 'выпуск качественных сортов угля', *без босанских угљева* 'без боснийского угля' и др. [Брајичић, 1995, с. 63]. В подобных контекстах мы наблюдаем вторичные значения множественного числа (множественное видовое и множественное эмфатическое). Это смысловое ограничение. Встречаются еще случаи структурного (фонетического) запрета или ограничения. Так, сербские существительные м. р. в вокативе имеют в основном окончание *-е* (*мрав* – *мраве*), окончание *-у* находим при мягкой основе (*коњу*). Однако слово

¹ «Атех же била веома лепа и побожна, слова су јој савршено пристајала, а на њеном столу стајало је увек седам врста соли и она је пре но што би узела комад рибе умакала прсте увек у другу со. Тако се молила. Каже се за њу да је имала и седам лица, као седам соли». – «Атех была прекрасна и набожна, и буквы были ей к лицу, а на столе ее всегда стояла соль семи сортов, и она, прежде чем взять кусок рыбы, обмакивала пальцы каждый раз в другую соль. Так она молилась. Говорят, что так же, как и солей, было у нее семь лиц».

мачак с твердой основой получает «мягкое» окончание -у (*мачку*), чтобы сохранить узнаваемость (не **мачке* → **мачче* → **маче*). Также более или менее системные попытки избежать исторически необоснованных чередований наблюдаются в этнонимах и новых заимствованиях: *шезлонг* – *шезлонги/шезлони* вместо *шезлонзи*; *калк* – *калки* вместо *калци*; *ерг* – *ерги* вместо *ерзи* (аналогично: *Швеђанки* вместо *Швеђанци*). В целом же, как отмечала М. Ивич, группа *singularia tantum* в сербском языке значительно беднее, чем в русском. Так, в сербском нормальны формы мн. ч.: *шумови* от *шум* 'шум', *аспирини* от *аспирин* 'аспирин', *чајеви* от *чај* 'чай', *малине* от *малина* 'малина', *кромпири* от *кромпир* 'картофель' и т. д. [Ivić, 1964, с. 32].

Мы видим, что абстрактные и вещественные существительные являются *singularia tantum* не всегда, а обычно, т. е. формы мн. ч. у них встречаются, хотя и редко, а образуются без особенных ограничений. Ниже приведены «настоящие» *singularia tantum*.

Не имеют форм мн. ч. слова *господин*, *властелин*¹. Для обозначения группы используются собирательные ж. р. ед. ч. *господа*, *властела*, которые тоже являются существительными *singularia tantum*.

Предыдущие существительные *singularia tantum* были в общем-то разрозненными словами. Следующая группа гомогенна – это отнумеративные существительные на -ица (*двојица*, *петорица*, *тринаесторица*, *деведесеторица*, *сто једанаесторица*): *У покрајини Хенањ погинула је сто двадесет осморица рудара* 'В провинции Хэнань погибло сто двадцать восемь шахтеров' (газ.). С учетом практически неограниченной продуктивности таких образований, унаследованной от числительных, класс *singularia tantum* резко увеличивается.

Существительными *singularia tantum* оказываются также образования с ласкательным суффиксом -к-(о): *лажљивко*, *несташко*, *немирко* и др. Формы мн. ч. не существуют или образуются от нейтральных *лажљивац*, *дечак*: *лажљивци*, *дечац*.

Итак, перечислим **существительные *singularia tantum*** в сербском языке:

1) *брат*, *браћа* 'братья', *вече* 'вечер', *властелин* 'аристократ, дворянин', *властела* 'знать, дворянство (собирает.)', *господин*, *господа* 'господа (собирает.)', *дете*, *деца* 'дети (собирает.)', *једнина* 'единственное число', *множина* '1) множество, масса; 2) множественное число', *већина* 'большая часть, большинство', *мањина* 'меньшинство', *неколицина* 'группа из нескольких мужчин';

¹ Некоторые руководства как устаревшую и исключительно редкую приводят форму *властелини*.

2) отадъективные одушевленные м. р. с суффиксом -к- (о): *немирко* '1) беспокойный ребенок; 2) непоседа', *несташко* 'баловник, озорник, шалун, проказник', *лажљивко* 'лгунишка' и др.;

3) одушевленные ср. р. на -е/-ет: *челјаде* '1) человек; лицо; 2) член семьи', *паише* 'щенок; собачка' и др. (см. п. 3.2.4);

4) с суффиксом -ад- (данный суффикс указывает на наличие семы собирательности у деривата): *паишад* 'щенки, собачки', *дугмад* 'поговицы', *дивљад* '1) дичь; 2) дикие звери', *дивљач* 'дичь', *живад* 'домашняя птица, живность' и др. (см. п. 3.2.4);

5) отнумеративные с суффиксом -иц-(а): *двојица* 'двое (о лицах мужского пола' и др.¹

Иная ситуация с *pluralia tantum*. Их проблематика изучалась давно и, в общем, результативно, однако единства взглядов на их природу, на их взаимодействие с лексической семантикой, категорией числа и рода нет. Значительное место в работах занимает исторический аспект [Пецо, 1984; Маројевић, 1984; Дегтярев, 1982а; Дегтярев, 1982б; Меџковска, 1982]. Между тем широкого исследования существительных *pluralia tantum* в сербском языке (в одном или в сопоставлении) предпринято не было (отметим, однако, значительный вклад А. Белича [Белић, 1932], Р. Джорджевича [Ђорђевић, 1984] и Л. Суботич [Суботић, 1999]).

А. А. Реформатский [1960, с. 391–392] считал слова *pluralia tantum* ущербными и вывел их за рамки категории числа: «Особенности слов *pluralia* и *singularia tantum* заключаются в том, что они стоят вне грамматической категории числа... Вопрос о том, почему у *pluralia* и *singularia tantum* нет грамматического числа – довольно элементарен. Все дело здесь в том, что нет числового противопоставления двух форм». «Существует еще одна точка зрения, согласно которой морфологическая форма существительных *pluralia tantum* не выражает ни значения единичности, ни значения множественности, а служит чисто лексической цели – номинации предмета» [Васильева, 1972, с. 57].

В то же время некоторые современные исследователи придерживаются другого мнения. Так, А. А. Зализняк полагал, что у *pluralia tantum* парадигмы единственного и множественного числа совпадают. Определения к ним также принимают формы множественного числа. Особенности склонения и согласования этих слов вынуждают А. А. Зализняка [1967б, с. 60, 80] ввести, вопреки традиционным классификациям, четвертый – «парный» – род и соотносить его с существительными *pluralia tantum*. Характерная черта сербского языка – сохранение родовых различий у существительных

¹ В хорватском языке используются еще ласкательные типа *medo*, *striko*, *ujo*, *rođo*, которым в сербском соответствуют двучисловые *меда*, *стрика*, *уја*, *рођа*.

pluralia tantum и у согласующихся с ними слов: для мужского рода окончание *-и* (*очинци* ‘высевки; посевы’, *сватови* ‘свадьба’), для женского *-е* (*вратнице* ‘ворота; притолока; косяк’, *грабље* ‘грабли’), для среднего *-а* (*колица* ‘коляска’, *плећа* ‘спина; плечи’).

Общим местом солидных описаний языка стала разработка различного рода тематических классов в рамках той или иной грамматической группы. Приведем типичное обоснование подобных классификаций из фундаментального справочника «Morphologie: Ein Internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung» (2000): «В принципе все свойства подвержены дефективизации, но с определенными типами это происходит особенно часто и в разных языках. Часто большинство лексических единиц, демонстрирующих тот или иной тип дефектности (напр., существительные без форм ед. ч.), относится к довольно малому числу семантических категорий. Как правило, их лексическое значение конфликтует с морфосинтаксическими свойствами, оказавшимися в центре внимания...» [Karlsson, 2000: 648]. Для сербского языка нами проанализирован материал словарей [Николић, 2000], [Сербскохорватско-русский словарь, 1970] и выделены следующие группы существительных pluralia tantum:

1) болезни, недомогания: *бедреници* ‘сибирская язва’, *богиње* ‘оспа’, *жигови* ‘острые боли’, *жмарци* ‘дрожь; мурашки’, *заушке* ‘свинка’;

2) вещественные, обозначающие:

а) различные отходы или остатки: *андравольи* ‘ветошь; тряпье’, *андрамолье* ‘ветошь; тряпье’, *очинци* ‘высевки; посевы’, *подстришци* ‘клокья’;

б) некоторые виды пищи: *вавежњици* ‘ватрушки’, *макарони* ‘макароны; паста’, *преслаци* ‘сласти; лакомства’;

3) праздники, обряды, обычаи: *Духови* ‘Троица; Духов день’, *заузи* ‘последний день масленицы’, *младенци* ‘праздник новобрачных, празднуемый 22 марта’, *русальи* // *русалье* ‘Троица’;

4) предметы одежды: *беневреке* ‘штаны из грубого сукна’, *гаће* ‘трусы’, *димидје* ‘шаровары’, *панталоне* ‘штаны; брюки’, *пеленгаће* ‘крестьянские штаны (из грубого сукна)’;

5) различного рода приспособления: *вигови* ‘силки’, *грабље* ‘грабли’, *наочници* ‘наглазники; очки’, *ногари* ‘козлы; подставка; тренога’, *наочари* // *наочаре* ‘очки’;

6) географические и астрономические названия: *Влашићи* ‘Плеяды’, *Штапи* ‘Пояс Ориона’ (в соответствии с «Введением» имена собственные не входят в основной рассматриваемый нами корпус; здесь они приведены по традиции и для полноты);

7) постройки и их части: *врата*, *вратници* // *вратнице* ‘ворота; косяк’, *двори* ‘дворец; замок’, *зидине* ‘развалины’, *кулоари* ‘кулуары’;

8) совокупность чего-либо как множество: *аспре* ‘деньги’, *даће* ‘налог; пошлина’, *мемоари* ‘мемуары’, *пенези* ‘деньги’;

9) части тела: *ветрила* ‘диафрагма’, *груди* ‘грудь’, *леђа* ‘спина’, *прси* ‘грудь’, *челюсти* ‘пасть; зев’;

10) музыкальные инструменты: *гајде* ‘волынка’, *дауре* ‘бубен’, *двојнице* ‘вид свирели’, *дипле* ‘вид свирели’, *зурле* ‘зурна’;

11) средства передвижения: *каруце* ‘экипаж; коляска; тележка’, *кола* ‘1) автомобиль; 2) вагон; 3) экипаж’, *кочије//кочија* ‘повозка; фаэтон’, *саонице* ‘сани’, *таљиге* ‘телега; дроги’.

В белорусском языке, согласно традиционной грамматике [Беларуская граматыка, 1985, с. 63; Наркевіч, 1976, с. 79–82], выделяются следующие разряды существительных *pluralia tantum*:

1) предметы из одинаковых частей: *абцугі* ‘клещи’, *акуляры* ‘очки’, *вусны* ‘рот; губы’;

2) совокупность чего-либо как множество: *грошы* ‘деньги’, *джунглі* ‘деньги’, *мемуары* ‘мемуары’, *рэсурсы* ‘ресурсы’;

3) совокупность людей, социальные пласты: *бацькі* ‘родители’, *кадры* ‘кадры’, *людзі* ‘люди’, *нізы* ‘низы (низшие слои населения)’;

4) вещественные, обозначающие:

а) однородную массу вещества или материал: *бялілы* ‘белила’, *дрожжы* ‘дрожжи’, *духі* ‘духи’, *крупы* ‘крупы’;

б) некоторые виды пищи: *біткі* ‘битки’, *зразы* ‘зразы’, *мазгі* ‘мозги’, *прысмакі* ‘лакомства, сласти; разносолы’;

с) различные отходы или остатки: *высеўкі* ‘высевки; обсевки’, *пазадкі* ‘отбросы’, *падонкі* ‘подонки’, *памой* ‘помой’;

5) абстрактные, обозначающие:

а) действия, процессы, состояния, происходящие продолжительно или выполняющиеся многими: *абдымкі* ‘объятья’, *выбары* ‘выборы’, *паводзіны* ‘поведение’, *манеўры* ‘маневры’;

б) бытовые обряды: *дажынкi* ‘дожинки’, *імяніны* ‘именины’, *каляды* ‘коляды’, *памінкі* ‘коляды’;

с) виды игр: *жмуркі* ‘жмурки’, *хованкі* ‘прятки’, *шахматы* ‘шахматы’;

д) отрезки времени: *будні*, *канікулы*, *суткі*, *прыцемкі*;

6) названия: *Карпаты*, *Сувалкі*, *Філіпіны*; *Блізняты*, *Плеяды*, *Стажары*.

Как видим, классификации для сербского и белорусского языков, при всей условности, имеют много общего. Почти те же группы выделены и среди польских существительных *pluralia tantum* [Dąbrowska, 1996], и среди чешских [Encyklopedický slovník češtiny, 2002, с. 315–316; см. также Васильева, 1974]. Безусловно, не все эти группы являются в собственном смысле слова лексико-семантическими. В некоторых случаях они для этого слишком широки и разнородны – и отражают, скорее, результат деятель-

ности лингвиста, чем реальные ассоциативные объединения слов в лексиконе носителя языка.

И все же, несмотря на попытки объединить *pluralia tantum* по значению, «семантическая характеристика тут не может быть очень релевантной, так как ни в одну из групп не входят все слова данного семантического поля. Поэтому можно предположить, что в данной области языковая техника доминирует над языковой идеологией» [Димитрова, 1994, с. 77].

Весьма характерны пополнение класса *pluralia tantum* и всякого рода преобразования в нем. Некоторые ученые считали *pluralia tantum* «замкнутым», неразвивающимся классом. Например, А. В. Исаченко [2003, с. 81] еще в середине XX в. прямо писал: «Разряд *pluralia tantum* в русском языке почти непродуктивен...» Нам это представляется сомнительным. Указанные существительные – не только частный случай морфологии и синтаксиса (особая парадигма и специфическое согласование), но и своеобразное проявление лексической системности, формальный инструмент консолидации определенных лексико-семантических группировок.

В статье [Дегтярев, 1982в, с. 69] отмечается, что большинство славянских имен *pluralia tantum* имело ранее соотносительные формы единственного числа (**kola* 'повозка; колесница' – **kolo* 'колесо', **gqslī* 'гусли' – **gqslīu* 'струна', **jasli* 'кормушки' – **jaslb* 'кормушка' и др.). Факты фиксации в словарях русского языка до XVIII в. ед. ч. слов *вес* (*весы*), *гусли* (*гусли*), *козел* (*козлы*), *курант* (*куранты*), *лата* (*латы*), *нара* (*нары*), *панталон* (*панталоны*), *перило* (*перила*), *помочь* (*помочи*), *путо* (*путы, пута*), *сот* (*соты*), *уза* (*узы*), *хором* (*хоромы*), *щипец* (*щипцы*) и др. см. в [Соболев, 2005: 108–109]. Там же даны аналогичные примеры ед. ч. из современных русских диалектов.

Pluralia tantum в каждом славянском языке представляют собой класс существительных, постоянно пополняющийся новыми словами (или лексико-семантическими вариантами слов, если иметь в виду расщепления типа сербск. *ded/дедови* 'предки', рус. *колесо/колёса* 'автомобиль', *городок/городки* 'игра' и т. п.). Кроме того, многочисленны «приверженцы» этого класса среди обычных, двучисловых, слов (ср. *каракули* или *родители*), чаще употребляющихся во множественном числе, чем в единственном. Особенно регулярны и продуктивны подобные существительные в группе названий обуви, а также названий народов и жителей. Нередко составители словарей специально оговаривают, что для таких существительных форма множественного числа считается исходной [Русско-српски речник, 1998, с. 10].

Если грамматика, как нам представляется, помогает здесь лексике в формировании ее лексико-семантических групп, то нет ничего удивительного в том, что вновь появляющиеся названия (скажем, *леггинсы*,

роллеты) стремятся подчиниться уже действующим закономерностям. Когда новое слово попадает в семантический разряд, типический для *pluralia tantum*, то оно часто оформляется аналогично – как *pluralia tantum*. Так, *леггинсы* оказываются близки группе «брюки, штаны» и употребляются, как, например, *колготки*; аналогично *слипы* – так же, как *трусы* или *плавки*; *роллеты* попадают в ту же группу «составных деталей интерьера», в которой уже находятся *ставни*, *занавеси*, *портьеры*, *жалюзи* и т. п. Заимствованное в сербский язык *мусле* (*мусли*) попадает в группу названий пищи (блюд) типа *дрхталице*, *паче*, *пихтије* 'студень; холодец'. Все эти существительные выступают как *pluralia tantum*. Так же оформляется и слово *мусле* (*мусли*) [Суботић, 1999, с. 92].

Само наличие *pluralia tantum* в языке исследователи обосновывали особой семантикой данных слов в их соотношении с действительностью. В результате появились понятия типа «расчлененность», «парность», «интенсивность, длительность, повторяемость действия», «делимость, многоактность, сложность», «нагнетание количества, действия или состояния» и т. п. Между тем такая мотивировка похожа на подгонку решения под уже известный ответ: форма множественного числа заставляет нас «увидеть» расчлененность там, где ее нет. Или, точнее, где ее не больше, чем у иных, не *pluralia tantum*, существительных (ср. обсуждение этого и смежных вопросов в [Норман, Супрунчук, 2000]). Вот как, например, Л. Суботић объясняет единственное число существительного *шорц* 'шорты' в отличие от других подобных предметов (*чакишире* 'штаны; брюки', *фармерке* 'джинсы', *гаће* 'трусы', *хулахонке* 'колготки'). «...Из-за своих коротких штанин этот предмет одежды не воспринимается как двухчастный, в отличие от предметов одежды с длинными или более длинными штанинами, которые явно состоят из двух частей. У *бермуде* и *боксериче* штанины, безусловно, длиннее (*бермуде* – до колен, а *боксериче* – немного выше колен), чем у *шорц*, у которых их практически нет или есть не всегда» [Суботић, 1999, с. 89]. Против подобного «натурализма» предостерегал еще восемьдесят лет назад А. М. Пешковский: «Само собой разумеется, что то, чем эти предметы вещественно разнятся между собой, т. е., например, та сторона значения, которая из чернил делает определенную жидкость, из черники – ягоду, из черныша – птицу и т. д., грамматики не касается. Это все различия вещественные, рассматриваемые в семасиологии. А вот то, что все эти слова обозначают предметы, несмотря на то, что корень у них непредметный, не может не заинтересовать грамматиста...» [Пешковский, 2001, с. 62].

Безусловно, значение лексическое и грамматическое взаимодействуют, влияют друг на друга, однако не следует искать прямой зависимости между множественностью или расчлененностью физических объектов (дено-

татов) и языковой категорией множественного числа¹. Последняя (как и другие языковые категории) обладает достаточной онтологической и классификационной самостоятельностью. Эта относительная независимость грамматических значений от реальной действительности обнаруживается, например, в тех случаях, когда у существительного *pluralia tantum* имеется в том же языке двучисловой синоним, т. е. близкое по значению слово, располагающее полной числовой парадигмой. Примеры из разных славянских языков представлены в табл. 3.4.

Таблица 3.4

**Существительные *pluralia tantum* и их двучисловые синонимы
в славянских языках**

Язык	Примеры	Язык	Примеры
Белорусский	<i>воз – калёсы</i> <i>цвінтар – могілкі</i> <i>сахор – вілы</i>	Сербский	<i>ауто – кола</i> <i>бубањ – дауре</i> <i>тарана – трганци</i>
Русский	<i>секатор – ножницы</i> <i>день рождения – именины</i> <i>молоко – сливки</i>	Чешский	<i>brama – vrata</i> <i>matematika – počty</i> <i>list – noviny</i>

Таким образом, «расчлененность» или «целостность» самого денотата составляет не более чем объективную предпосылку для выбора языком одного из типов парадигмы. Во всяком случае это еще недостаточное основание для когнитивного или психологического «наполнения» множественного числа. Искусственность такой мотивировки (через расчлененность объекта) становится очевидной при сопоставлении материала близкородственных языков. Вряд ли русский трактует *ножницы* или *сани* более «расчлененно», чем болгарин, для которого это предметы, называемые обычными двучисловыми существительными (*ножица, ножници* и *шейна, шейни*). Многочисленные примеры подобного рода можно обнаружить при сопоставлении других славянских языков: рус. *сутки* – польск. *doba*, польск. *skrzypce* – рус. *скрипка*, рус. *потроха* – словенск. *drob*, словенск. *tla* – рус. *пол*, рус. *крупя* – бел. *крупы*, рус. *чернила* (мн. ч.) – бел. *чарніла* (ед. ч.), рус. *дрожжи* – сербск. *квасац*, сербск. *леђа* (мн. ч.) – бел. *спіна* (ед. ч.) и т. д. Еще ярче выглядят такие сопоставления на материале языков, состоящих в более далеком родстве [Mečkovska, 1982; Ђорђевић, 1984; Dąbrowska, 1996 и др.]. А. Н. Соболев [2005: 101] при-

¹ К аналогичному выводу пришел и А. Н. Соболев [2005, с. 112]: «Таким образом, ни формальных, ни семантических системно обусловленных принципиальных запретов на построение словоформ с граммемой ед. ч. при т. н. существительных *pluralia tantum* в славянских языках, и в частности в русском, не существует».

водит целый список двучисловых немецких существительных, которым соответствуют русские *pluralia tantum*: *Hose* 'брюки; штаны', *Waage* 'весы', *Heugabel* 'сенные вилы', *Pforte* 'ворота', *Rechen* 'грабли', *Holzschlitten* 'деревянные сани', *Zange* 'щипцы; клещи; кусачки', *Gestell* 'подмости; шасси', *Glockenspiel* 'куранты', *Beißzange* 'клещи; кусачки', *Panzer* 'латы; кольчуга', *Rosenkranz* 'четки' и др.

В некоторых языках существительных *pluralia tantum* нет вообще. Так, в татарском языке слова, «обозначающие парные предметы или предметы, состоящие из 2 частей», используются в среднем роде единственного числа: *итек* 'сапоги', *кузлек* 'очки', *кайчы* 'ножницы' [Татарская грамматика, 1993, с. 39].

Нередко в грамматических исследованиях предпринимаются попытки разглядеть определенную историческую мотивировку существительных *pluralia tantum*: преобразование двойственного числа во множественное, эволюция полисемии в омонимию, образование новых слов по моделям, предполагающим грамматическое оформление деривата как существительное *pluralia tantum*, вытеснение формы единственного числа формой множественного числа с тем же значением и др. [Васильева, 1972; Дегтярев, 1982в; Маројевић, 1984; Меčkovska, 1982]. В. И. Дегтярев, например, утверждал: «Лексикализация [форм множественного числа. – Н. С.] является главным, живым источником образования имен *pluralia tantum*» [Дегтярев, 1982в, с. 67]. Однако это, на наш взгляд, скорее, эволюционное оправдание, указание на путь и последовательность развития данного разряда слов, чем собственно объяснение причины.

По начальной форме нельзя с уверенностью выделить *pluralia tantum* из следующих слов: *леђа* – *лађа*, *врата* – *кравата*, *гаће* – *цвеће*, *ћале* – *жвале* – *селе* – *пиле*. Заметим, что сделать это затруднительно даже если отказаться от принципа минимальности семантических (лексических) сведений; значение приведенных слов нам мало поможет. Противопоставления здесь такие: *леђа* – *лађа*: ср. р. пл. т. – ж. р. ед. ч., *врата* – *кравата*: ср. р. пл. т. – ж. р. ед. ч., *гаће* – *цвеће*: ж. р. пл. т. – ср. р. ед. ч., *ћале* – *жвале* – *селе* – *пиле*: м. р. ед. ч. – ж. р. пл. т. – ж. р. ед. ч. – ср. р. ед. ч.

К приведенным парам добавим следующее. В русском языке слово *ици* является существительным *pluralia tantum*. Его белорусское соответствие имеет ед. ч. (*капуста*), а образование мн. ч. затруднительно. В сербском изменение происходит совершенно свободно, как и у любого другого типичного заимствования, т. е. по мужскому роду, напр. *такси*: *таксија*, *иција* – *таксију*, *ицију* и т. д.; *Ушевна болница* би могла бити простор у коме се одиграва детективско-ицијунска потрага за знаменитом колекцијом *смрзнутог иција* у драми Владимира Сорокина 'Клиника ушних заболеваний могла бы стать тем местом, где ведется детективно-

шпионский розыск знаменитой коллекции замерзших щей в драме Владимира Сорокина' (газ.). Аналогично *дерби*, *дербија*, *дербији* 'дерби; вид конно-спортивного состязания'.

Таким образом, при определении существительного *pluralia tantum* мы не можем полагаться ни на исходную форму слова, ни на его значение и вынуждены опираться на его парадигму полностью. Удовлетворительным определением можно, вероятно, признать следующее: существительное *pluralia tantum* – это существительное, имеющее окончания только множественного числа. Поскольку же признак *pluralia tantum* не выводим ни из какого другого, то без него построение парадигмы невозможно. Эту характеристику надо задавать для каждого такого существительного. Алфавитные списки существительных *pluralia tantum*, выявленных в нашем корпусе и исследованиях Л. Суботич [Суботић, 1999], приведены в приложении А. Общее количество таких слов – приблизительно 620: около 140 мужского морфологического рода, 420 женского и 60 среднего.

Из-за автоматического выбора окончаний множественного числа при согласовании мы можем узнать о реальном количестве объектов лишь зная ситуацию. Формальных показателей в одном предложении недостаточно. Так, слова типа *гусле* 'гусли', *таљиге* 'телега; дроги' могут обозначать и один предмет, и много предметов. На количество будет указывать числительное, наречие (*много*, *мало*) или контекст. Поэтому формы ед. ч., если их образовать (**таљига*, **гусла*), не имели бы своего значения (или это были бы абсолютные синонимы), ибо значение единичности и так уже передается в языке – хотя и формами с окончаниями мн. ч.

А. А. Зализняк [1967б, с. 59] квалифицировал подобные случаи как омонимию чисел. Тогда и *singularia tantum*, и *pluralia tantum* получают полную парадигму с некоторыми ограничениями на ее реализацию. Причем от большинства существительных они отличаются разными свойствами. У *singularia tantum* формы второго числа есть, но они редки. У *pluralia tantum* – часты, но омонимичны (подробнее см.: [Зализняк, 1967б, с. 55–61]). Иными словами, у *singularia tantum* есть разные подпарадигмы для обоих чисел, но формы мн. ч. редки. У *pluralia tantum*, напротив, частыми являются формы обоих чисел, но эти числовые подпарадигмы совпадают.

Итак, слово признается существительным ***singularia tantum***, если не имеет форм множественного числа. Мы имеем в виду именно отсутствие специальных форм множественного числа – о значении тут речь не идет. (Аналогично существительное признается существительным ***pluralia tantum***, если не имеет специальных форм единственного числа.) Семантически и функционально находится много разных соответствий, оформляющих соотношение «один предмет – несколько предметов», однако образцовая парадигма состоит из одного ряда форм единственного

числа и одного ряда форм множественного числа, а не из двух рядов форм одного числа. Поскольку *дете*, *брат* (*деца*, *браћа*) имеют лишь формы ед. ч., то именно их следует признать существительными *singularia tantum*. Общую парадигму им можно приписать как результат слияния, обусловленного функционально и семантически¹. Слова же типа *уље* 'масло' или *љубав* 'любовь' традиционно признаются *singularia tantum*, но это «псевдо-*singularia-tantum*», ибо, как показано выше, они имеют двучисловую парадигму с неодинаково частыми формами.

По существу, слова *singularia* и *pluralia tantum* – это один из способов реализации языком с в о е й системы, оригинальности, самобытности, проявление его свободы в характере отражения действительности. В этом смысле их состав в каждом языке условен и случаен. Не зная априори для каждого слова, к какому разряду оно относится (двучисловое, *singularia tantum* или *pluralia tantum*), или не имея своего рода «оракула» (наподобие того, к которому обращались для отбора отмеченных фраз в работах по машинному переводу в 60–70-е гг. XX в.), мы не сможем ни по форме, ни по значению распознать такой разряд абсолютно точно. Конечно, в силу своей конвенциональности, принятости данным языком *pluralia tantum* как бы «заставляют» носителя языка увидеть предмет расчлененным, но эта корреляция нерегулярна.

3.2.3. Собираемость и множественность

Выше мы уже упоминали попытки рассматривать собираемость в рамках категории числа как одну из числовых граммем. По нашему мнению, собираемость нецелесообразно включать в грамматическую категорию числа, это явление иного порядка. Идея множества тесно связана с идеей собираемости. И в том, и в другом случае мы имеем дело с множеством, но собираемые существительные «обозначают единство ряда предметов или существ, которые можно пересчитать. Таким образом, собираемость в логическом отношении, с одной стороны, есть единичность, а с другой – множественность» [Есперсен, 1958]. Формами мн. ч. обычно подчеркивается количество предметов, формами собираемости – качество, которое объединяет эти предметы, однородность предметов.

Предмет нашего исследования – словоизменение. Собираемые существительные возникают в результате словообразования, т. е. не состав-

¹ Сравним замечание В. В. Виноградова: «В древнерусском языке *литвин* – *литва*, *мордвин* – *мордва*, *русин* – *русь* были формами одного слова» [Виноградов, 1944, с. 39]. Теперь же, нам кажется, вряд ли кто-нибудь на просьбу привести форму множественного числа для слова *русин* ответит «*русь*».

ляют предмета нашей работы, но мы все же рассмотрим несколько спорных случаев.

Остановимся на слове *браћа* 'братья'. Звук *ћ* в данном случае есть штокавский рефлекс сочетания *tj*. Суффикс *-j-* здесь – это суффикс собирательности, а существительное следует считать собирательным, потому что оно обозначает множество как целое, выступая в единственном числе. Как точно заметил еще Мелетий Смотрицкий, «собирательное имя есть, еже единственным числом множество знаменует...» [Смотрицкий, 1979, с. 40].

Однако, в отличие от, например, рус. *воронье* или бел. *шмаццё*, первоначальная сема «нераздельности» в слове *браћа* практически стерта. Приписывать ему мн. ч. нельзя, ведь значение мн. ч. – грамматический элемент значения, а значит, его показатели регулярны. Признать множественное число у слов подобных *браћа* можно тогда, когда ряды *брат* – *браћа* и т. п. будут очень частым явлением. Пока же мы относим такие случаи к явлениям словообразования, а не словоизменения, т. е. собирательности, а не множественности. Вторым аргументом служит парадигма – единственного числа (*браћа, браће, браћи, браћу*, как *сестра, сестре, сестри, сестру* и т. д.).

Синтагматический критерий, т. е. согласование, свидетельствует в пользу мн. ч. ср. р. этого слова; ср. отрывок из народной песни «Браћа и сестра»:

Рани мајка девет мили сина
И десету шћерцу мљезиницу;
Ранила их док их одранила,
Докле били сини на женидбу,
А ђевојка била на удају,
Њу ми просе многи просиоци:
Једно бане, друго ценерале,
Треће проси из села комшија.
Мајка даје у село комшији,
Браћа дају с преко мора бану,
Још **су браћа** сестри **бесједила**...¹

Заметим, что в парадигме слова *брат* некоторое время присутствовал и обычный кореллят по мн. ч.: *браћа* использовалась не всегда. Дж. Даничич приводит такой пример: *Имам на дом милих девет брата...*; *Ти имадеши девет милих брата* [Данићић, 1850, с. 9].

¹ Эта песня вдохновила А. С. Пушкина на создание трогательного стихотворения «Сестра и братья» из знаменитого цикла «Песни западных славян». В примечании к нему поэт отмечал: «Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича [Караджича. – Н. С.]».

Этот пример служит еще одной иллюстрацией противоречия между морфологическими характеристиками (ед. ч.) и синтагматическими характеристиками (мн. ч.) (подробнее см. п. 3.3.1). Аналогичная конкуренция наблюдается в сочетаниях с существительными *већина* ‘большая часть; большинство’, *мањина* ‘меньшинство’, *неколицина* ‘группа из нескольких мужчин’; и с собирательными на *-ад*: *већина радника се вратила на посао* и *већина радника су се вратили на посао* ‘большинство рабочих вернулось (вернулись) на работу’; *чељад су дошла* и *чељад је дошла* ‘члены семьи пришли’.

Возможно, что грамматическое мн. ч. сказуемого обусловлено семой множества в лексическом значении, ср. использование мн. ч. в английском языке: *The police are looking for the robber* ‘Полиция ищет грабителя’; *The cattle were up in the hills* ‘Скот был высоко на холмах’ (Ernest Hemingway. *The sun also rises*). В русском языке пока преобладает грамматическое согласование (по ед. ч.), хотя тенденция к смысловому согласованию (по мн. ч.) очень сильна; о вариантах типа *ряд человек сидел*, *ряд человек сидели*, *ряд человек сидело* и *большинство стремилось*, *большинство стремились* и т. п. см. в частотно-стилистическом справочнике [Граудина, Ицкович, Катлинская, 1976, с. 25–29].

Похожие трудности демонстрирует пара слов *дете* – *деца*, о специфике согласования которых подробно рассказывается в книге [Corbett, 1983, с. 76–88].

Образования типа *цвеће*, *камење* постепенно занимают место коррелята по множественному числу для *цвет*, *камен*. Но пока все же у них доминирует сема собирательности (нераздельной множественности). К тому же сохраняются и типичные плюральные образования *цветови*, *камени* (хотя и со своими оттенками). (Так же и в белорусском *насенне* не считают мн. ч. от *семя*.) Как доказывает М. Ивич, «если формой множественного числа выражается множество определенное, исчислимое, где присутствует единичное, то собирательные формы обозначают множество как цельную совокупность, где единичное не выделяется» [Ivić, 1995a, с. 11–12]. Собирательные существительные образуются только от некоторых слов, в то время как по числу охарактеризовано каждое существительное.

В отдельных диалектах асимметрия слов *деца*, *браћа* ликвидирована: они рассматриваются носителями языка как формы множественного числа [Младеновић, 2001, с. 273] и склоняются типичным образом – по ср. р. мн. ч., как *језеро* – *језера*, напр.: тв. п. мн. ч. *децима*, *браћима*, *језерима*.

Заметим, что в начале прошлого века Е. Ф. Карский отметил прочные позиции собирательных существительных сравнительно с формами мн. ч. в белорусском языке: «В белорусском языке старинное употребление в синтаксическом отношении... и по форме имен собирательных еще до

сих пор в полном ходу, и вытеснение их множественным числом или преобразование во множественное только началось» [Карский, 1956, с. 112]. Он приводит такие продуктивные суффиксы: *-ije-* (*брусся, вараннё, звяррё, лисьця*), *-й-* (*плоць, жомойць*), *-а-*, *-ја-* (*господа, жидова, мужчизна, дзятва, блagота*) [Карский, 1956, с. 112–115]. При этом, однако, ученый отмечал, что «в современной белорусской речи *братья* в единственном, да и во множественном числе не употребляется».

Итак, в белорусском мы наблюдаем превращение собирательных существительных в формы мн. ч., т. е. регуляризацию парадигмы. Заметим, что в белорусской речи часты преобразования собирательных носителей множественности *каменне, лісце, крылле* в обычные корреляты мн. ч. *каменні, лісці, крыллі, валосі*. Такие формы обычно считаются ненормативными. Вытеснение собирательных происходит и в других славянских языках: «Существительные, выражающие собирательность... принадлежат в современном русском языке к числу малоупотребительных и непродуктивных» [Русский язык и советское общество, 1968, с. 172]. В сербском, однако, ситуация иная: собирательные существительные активно употребляются, они продуктивны и регулярны, нередко замещают формы мн. ч. в высказываниях и занимают их место в парадигме. Как обнаружила М. Ивич, собирательные существительные, заменяющие формы мн. ч., напр., *ждребѣ – ждребад* или *брат – браћа*, обязательно имеют иной род, чем слово в ед. ч. Иными словами, в таких случаях о множественности сигнализирует смена не числовой граммемы, а родовой [Ivić, 1963, с. 57; Ivić, 1964, с. 34]. Ср. далее п. 3.2.4 о существительных на *-ад* типа *дугмад, ждребад*, которые утратили формы мн. ч. *дугмадма, ждребадма* и имеют теперь парадигму ед. ч.

3.2.4. Квантификация существительных с неравносложной основой

Рассмотрим еще несколько случаев необычной передачи идеи множества. Как показано выше, в сербском языке для обозначения нескольких объектов нередко используются собирательные существительные, а не формы множественного числа: *брат – браћа, дете – деца*. Особенно продуктивны подобные параллели в виде форм на *-ад* от уменьшительных и некоторых других имен на *-е/-ет* (*пиле – пилад, теле – телад, дугме – дугмад, ћебе – ћебад*).

Эти слова плохо укладываются в грамматические схемы; как писал М. Николич, «...практически все, связанное с существительными типа *име, дугме, спорно*» [Николић, 2001, с. 78]. Разногласия касаются следую-

щих вопросов: какую форму следует считать исходной при словоизменении; каков морфемный состав этих слов; к какому типу склонения они относятся; какова их парадигма? Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Исходная форма (мотивирующая основа, производящая база и др.) – важнейшее понятие словоизменения и словообразования. К сожалению, «об исходной форме слова нет теории» [Тимофеев, 1971, с. 16]. Л. Н. Засорина высказывалась так: «Определение тождеств и различий речевых единиц, иначе, вопрос об отдельности слова, – кардинальная проблема лексикографии и лексикостатистики» [Частотный словарь, с. 11]. «...Из необходимости соотнести регулярными правилами основной вариант со всеми остальными как раз и возникает большая часть морфонологических проблем» [Касевич, 1986, с. 11]. Проблему основного варианта В. Б. Касевич [1986, с. 34] называет далее одной из двух центральных проблем морфологии. Целый ряд исследователей находит у слов по несколько исходных основ (Т. Н. Молошная, С. М. Толстая, М. Николич).

Нам кажутся справедливыми требования к исходной форме И. А. Мельчука. Она должна, во-первых, «выражать как можно меньше словоизменительных категорий, т. е. быть «категориально наиболее простой», и, во-вторых, «должна обеспечивать наиболее простое образование остальных форм... т. е. быть «формально наиболее простой» [Мельчук, 1997, т. 1, с. 329]. Неясно, правда, как поступать, если эти два принципа вступают в противоречие друг с другом.

В литературе представлены следующие варианты морфемного членения применительно к конкретной словоформе: и. п. ед. ч. *име-Ø*, *им-е* – р. п. ед. ч. *имен-а*, *име-на*, *им-ена*, *им-ен-а*, *име-н-а* (работы Дж. Даничича [Данићић, 1850]; А. Белича [1922, с. 71, 78]; Д. Брозовича [Brozović, 1977]; П. Ивича [Ивич, 1972, с. 117]; М. Станича [Станић, 1993]; М. Стевановича [Стевановић, 1981, с. 227]; В. П. Гудкова [1969]; С. М. Толстой [Славянская морфонология, 1987, с. 199–200]; Ж. Станойчича [Станојћич, Поповић, 1999, с. 86]; см. также подробную статью М. Николича с дальнейшей библиографией [Николић, 2001]). При этом статус среднего элемента (*ен* или *н*) также спорен: является ли он частью корня, инфиксом, входит ли в основу? Оригинальные (сербские и хорватские) обозначения мало проясняют дело: «наставак» '1) окончание; 2) суффикс', «уметак» 'вставка; инфикс', «проширење» 'расширение'. (См. по этому поводу [Николић, 2001], а также п. 4.1.2.)

Интерес представляет образование мн. ч. указанных существительных, которое, по словам М. Ивич, затруднено [Ivić, 1995a, с. 10]. Пусть, например, требуется описать комнату, где находятся несколько пуговиц (*дугме*), одеял (*ћебе*), мальчиков (*момче*) и цыплят (*пиле*). Идея множества может быть передана следующими формами: *дугмета* // *дугмад* // *дугмићи*, *ћебета* //

ћебад, момчићи // момци // момчад, пилићи // пилад. Видно, что самый простой способ указать на неединичность – использовать продуктивную форму на *-ад*. Однако, как было показано ранее, *дугмад, пилад* и т. п. – это собирательные существительные *singularia tantum*, а не «вторая колонка (множественного числа)» в парадигме *дугме* и *пиле*. «Основное значение этого суффикса, вероятно, абстрактное; отсюда развилось значение собирательности» [Белић, 2000, с. 121]. Стандартные формы мн. ч. – *дугмета, ћебета*. Формы типа *момчићи, пилићи* тоже не являются параллелью для *момче, пиле*. Они принадлежат парадигмам слов *момчић* и *пилић*, которые значат то же, что и *момче, пиле*¹.

Таким образом, выявляется группа существительных *singularia tantum*: *момче, пиле, ждребе, пасторче, куче* и т. д. Почти все они имеют уменьшительно-ласкательное значение (кроме *говече* 'голова крупного рогатого скота', *живинче* 'домашнее животное', *звере* 'хищный зверь', *јединче* 'единственный ребенок в семье', *кумче* 'крестник; крестница', *псето* 'собака; пес', *челяде* 'член семьи; челядин') и обозначают живых существ. Обычно их объединяют как названия детенышей или маленьких существ. Определить это можно, однако, только зная значение слова (или по сочетаемости), но не по форме. Больше ничем внешне не различаются финали у *клубе* 'моток; клубок' и *ждребе* 'жеребенок'. Или другой пример: вокабула *ишише* значит 1) 'жеребенок-стригун', 2) 'склянка'. Первое слово имеет параллель во мн. ч. *ишишићи*, второе – *ишиета*. Мы стремимся к лексическому значению обращаться минимально. Поэтому вместо признака 'маленькое или незрелое существо' предлагаем воспользоваться признаком одушевленности, который нам потребуется и во многих других случаях. Тогда *челяде* и подобные слова не будут исключением.

Примечательно, что сербские и хорватские, а за ними и зарубежные грамматисты единодушно акцентируют внимание на форманте *-е* у данных существительных. Его пытаются выделить даже в заимствованиях типа *чобанче, Аранче* или в новообразовании *бенче* (от *бебе* ← англ. *baby* 'ребенок, младенец; детеныш'). С. Стойчев отмечает, что сегодня названия на *-е* объединены семой 'молодое существо', но прежде (в праславянском) у них было другое значение – 'маленький по размерам'. Значит, признак «рост» заменился признаком «возраст». «Первоначально суффикс **-et-* мог дифференцировать молодое животное от взрослого только в комбинации с корнем, отличающимся от корня в названии взрослого животного, например: **korva – *teleḡ; *ovьsa – *jagneḡ; *kobyła – *žerbeḡ; *svinьja – *porseḡ* и др. В противном случае речь шла об уменьшительных именах с яркой

¹ Ньюансы коннотации и территориальной распространенности этих дублетов освещены в работах [Марков, 1960; Матијашевић, 1981].

экспрессивно-эмоциональной функцией, например: **kozьľ* 'козел' – **kozьľe* 'маленький козел', а не 'козленок'» [Стойчев, 1992, с. 112; см. также Бернштейн, 1974]. Между тем известен и другой носитель диминутивности – формант *н* [Котова, Янакиев, 2001, с. 450].

«Итак, тип собирательности *-ad* при генетической связи его с морфологической моделью, отраженной в праславянском собир. **čeljady*, может быть определен как сербохорватско-словенское новообразование, сформировавшееся в результате оживления, возрождения в системах данных языков древнейшего славянского суффикса собирательности **-jady...*» [Дегтярев, 1982в, с. 87].

Подчеркнем, что для грамматического противопоставления «ед. ч. – мн. ч.» важно именно наличие или отсутствие формального показателя, т. е. различие в окончаниях. Ранее собирательные на *-ad* употреблялись с окончанием инструменталиса-локатива мн. ч.: *дугмадма*, *ужадама*. Теперь такие формы встречаются, но очень редки:

– U tu kuću bratovljevu sklonio je bio Vuk Isaković ženu i dve svoje devojčice, koje su dovezli u kolima, *punim* zubuna, ćurdija, ćilimova, srme, bisernih igala i *srebrnih dugmadi*, kroz plać ćitave gomile žena i omatorelih slugu (M. Crnjanski. Seobe). – 'полных серебряных пуговиц'; *dugmadi* – р. п. мн. ч. от собирательного существительного *dugmad* 'пуговицы';

– Oko sedam sati zaista da odgrnu zavese i da puste unutra vazduh letnjeg večera, u kom se stišavaše napolju sve, i lade, i stada, i dugi redovi tovara, što su pristizali i *zveckali svojim zvončadima* (M. Crnjanski. Seobe). – 'звенели своими колокольчиками'; *zvončadima* – р. п. мн. ч. от собирательного существительного *zvončad* 'колокольчики'.

Сербские лингвисты регламентируют употребление этих существительных довольно противоречиво. Так, М. Стеванович указывал, что у собирательных существительных «нет множественного числа» [Стевановић, 1981, с. 184], далее же: «Но в дательном, творительном и предложном падежах они используются и в форме на *-има*, т. е. в форме множественного числа...» [Там же, с. 185]. Академический словарь фиксирует формы мн. ч. от собирательного *бурад* 'бочки': «дат., инстр., лок. мн. бӯра́дима, бура́дима и бура́дма» [Речник српскохрватског књижевног и народног језика, 1962, књ. 2, с. 281], однако не указывает форм других падежей, т. е. неясно: они не указаны по причине отсутствия этих форм или по причине простоты (стандартности) образования этих форм. Видный специалист по культуре речи Э. Фекете в специальной заметке по данному вопросу отмечал: «...нелитературной считается форма множественного числа именительного числа: *буради*, вместо *бурад*» [Fekete, 2002], но никак не характеризовал род. падеж.

Таким образом, целесообразно выбрать менее противоречивую трактовку, элиминирующую мн. ч. у подобных существительных¹. Парадигма собирательного нормализовалась, и, соответственно, используются формы ед. ч.

Немного отвлечемся от вопроса о грамматическом числе и обратимся к проблеме рода у этих существительных. В и.-в.-зв. п. ед. ч. они имеют окончание *-e*, характерное для среднего рода: *јагње*, *теле*, *ждребе*. М. Ивич полагает, что род существительных – это словоизменительная категория. Она считает, что *пиле* – *пилићи* (*пиле* – *пилад*) принадлежат одной парадигме, в которой происходит перемена рода: ср. р. → м. р. (ср. р. → ж. р.) [Ivić, 1966]. По нашему мнению, здесь, как в случае *брат* – *браћа*, о единой парадигме пока говорить рано. Нет причин и для того, чтобы квалифицировать это как перемену рода. Мы полагаем, что происходит формирование новой парадигмы – функциональной. Слова типа *јагње*, *теле*, *ждребе* и т. д. – существительные *singularia tantum* ср. р.

В сербском языке произошла дифференциация в способах передачи множественности: для неодушевленных используются формы на *-ета*, для одушевленных – супплетивные формы на *-ићи*. Впрочем, по подсчетам современного сербского исследователя Д. Шипки, «...свыше 70 % этих существительных имеют супплетивное множественное число на *-ад*» [Šipka, 1998, с. 13]. Э. Станкевич подчеркивал, что «для многих личных и одушевленных существительных именно коллективный плюрал [т. е. на *-ад*. – Н. С.], а не обычный [т. е. на *-ићи*. – Н. С.] является основной, базовой формой» [Stankievicz, 1986a, с. 157]. В некоторых случаях все три способа передачи множественности приобретают стилистические или семантические оттенки. «Имена собирательные на *-ад* употребляются также и в словенском языке, например: *jagdnjad*, *kurjad*, *otročad*, *perjad* и т. п., хотя в словенском языке они менее активны, чем в сербохорватском» [Дегтярев, 1982в, с. 80].

Небезынтересна ситуация и в русском языке, где конкурируют формы *телята* // *теленки*, *козлята* // *козленки*. Появление формы на *-енки* «свидетельствует о том, что эти формы вообще позднего происхождения и возникли на почве дифференциации, на почве стремления в языке особыми формальными признаками обозначить чистую множественность как сумму конкретных единичных предметов, как делимую на части совокупность»; в отличие от этого формы на *-ата* (и на *-ета* в сербской огласовке, ср. соотв. рефлексy в *язык* // *језик*) «соединимы с представлением

¹ Напомним, что в данной книге строится синтезирующая модель, т. е. модель для порождения правильных форм, а не отделения правильных форм от неправильных. Иными словами, кроме порожденных форм возможны и иные – тоже правильные.

неделимой множественности, сплошной массы предметов» [Обнорский, 1931, с. 147]. Объяснение С. П. Обнорского привлекательно, однако не очень доказательно. Возможны и иные обоснования: В. Б. Касевич [1986, с. 43] видел у суффикса *-am-* другую семантику: «суффикс *-am-* сам по себе не передает значения множественного числа, он лишь «подчеркивает», подкрепляет это значение», а о мн. ч. сигнализирует окончание. Остается не очень ясным, для чего вообще нужна подобная дифференциация суффиксов. Может быть, такая же ситуация имеет место и в сербском языке. Впрочем, похоже, справедливо мнение А. Е. Кибрика [2003, с. 37]: «Положение дел в лингвистической теории таково, что некоторые из ее утверждений адекватно описывают факты, т. е. являются (с точки зрения «всевидящего ока») истинными, а некоторые нет, т. е. являются (с точки зрения «всевидящего ока») заблуждениями. Однако носителю лингвистических знаний реальное положение дел (с точки зрения истинностных оценок) неизвестно, у него могут иметься лишь субъективные вероятностные оценки истинности/ложности тех или иных теоретических утверждений».

Особенности данного класса (коннотацию и чередования в склонении) приобрели и слова типа *буренце*, *звонце*, *стакалце*, а их суффикс не содержал носового *е*. Как известно, *буренце* заканчивалось на *ice*, а не *ice* и, следовательно, чередования *е* // *еп* не знало. Носового *е* не было также в турцизмах (*дугме*, *ћебе* и др.), а чередование в них возникло по аналогии со славянскими словами.

3.3. КАТЕГОРИЯ РОДА

3.3.1. Парадигматическое и синтагматическое понимание рода

Категория рода проявляется на различных языковых уровнях: лексическом, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом. Проявления эти очень разнообразны. Она выделяется не только у существительных, но и у прилагательных, местоимений, числительных, глаголов.

«В значительно большей мере, чем морфологическим разнообразием, формы обнаружения категории рода осложнены тем, что к конструируемой родом структуре относятся две существенно отличающиеся друг от друга группы форм. Первую группу составляют синтаксико-морфологические формы рода, не облеченные категориальной семантикой, в другую же группу входят синтаксико-морфологические формы, облеченные категориальной семантикой различий по биологическому полу, ср., с одной сто-

роны, противопоставленность существительных *пол – стена – окно*, с другой стороны, противопоставления типа *учитель – учительница* и *лев – львица*» [Мучник, 1971, с. 178]. Сочетание в структуре одной категории разных типов противопоставления также свидетельствует о ее сложности. Нельзя не согласиться с Г. Корбеттом в том, что «проблема рода остается одной из самых загадочных и захватывающих в лингвистике» [Corbett, 1988, с. 19].

Происхождение категории рода волновало еще античных философов и привлекает внимание ученых до сих пор; проведено множество исследований, высказаны разные гипотезы, и тем не менее оно остается «одним из главных и наиболее трудных вопросов, стоящих перед сравнительно-историческим языкознанием» [Маньков, 2004, с. 79]. Можно выделить три основные точки зрения на истоки рода в индоевропейских языках [Гаспаров, Сигалов, 1959, с. 260–265]. Исследователи первой группы основывали род существительных на семантических соображениях, чаще всего на реальном поле денотата (Протагор, Я. Гримм, Аделунг, В. Гумбольдт). Такая позиция сегодня очень популярна: Г. Корбетт и Н. Фрейзер обобщают достижения типологии на современном этапе следующим образом: «Нам известны случаи, когда сведения формального характера позволяют правильно определить род многих существительных, но тем не менее родовые системы всегда имеют семантический стержень» [Corbett, Fraser, 2000, с. 294] (выделено нами. – Н. С.). Однако другой современный ученый придерживается противоположного взгляда: «...уже в самый ранний период засвидетельствованной истории всех индоевропейских языков род является не только полностью сложившейся, но и десемантизированной категорией» [Маньков, 2004, с. 79] (выделено нами. – Н. С.). По второй трактовке категория рода имеет формальный характер и с предметом никак не связана (Арнобий, К. Бругман, И. М. Тронский). Третье направление определяющим фактором считает синтаксические показатели – согласование и др. (Штейнталь, А. Мартине, Г. Якоби, Р. Иоффе). «Заслуживает внимания, что языкам, свободным от родо-полового кошмара, чуждо и различие двойственного и множественного числа» [Бодуэн, 1963б, с. 315].

Свой взгляд на эту проблему имел и Е. Курилович. Как он установил, «грамматическое противопоставление «мужской род : женский род» складывается на основе трех факторов: 1) естественного рода как *prīus*; 2) явления анафоризации и соотношения, основывающегося на некоторых постоянных соотношениях между суффиксами прилагательных и существительных; 3) явления семантического господства и подчинения» [Курилович, 2000, с. 209]. Первый и третий факторы подразумевают об-

ращение к внеязыковой действительности; нас же интересует аспект структурный (формально-синхронный), т. е. второй. Обратимся к нему специально. Попробуем описать соответствие между формой слова и его родом. Предварительно рассмотрим само понятие рода.

Необходимо разграничить синтаксический и морфологический аспекты, присутствующие в традиционной категории рода. Категория рода совмещает в себе черты и функции двух грамматических классов, распространенных в ряде языков мира: морфологического рода, характеризующего парадигматические отношения, и согласовательного класса, характеризующего синтагматические отношения. Поясним эти термины.

Сведения о роде существительного используются при подборе для него атрибутивных форм (построение сочетаний) и при подборе окончаний (построение словоформ). Проведем следующую операцию. Распределим все слова по группам так, чтобы в пределах каждой группы прилагательное употреблялось со всеми словами в одной форме, – получено разбиение S . Запишем эти группы: например, S_1 {фотельа, катарка, мајка, кокош, јесен, плесан} – S_2 {брод, пањ, чича, судија} – и смешаем слова. Вновь распределим слова по группам, теперь уже так, чтобы в пределах одной группы для каждого падежа использовалось одно и то же окончание, – получим разбиение P . Запишем новые группы: например, P_1 {фотельа, катарка, чича, судија} – P_2 {јесен, плесан} – P_3 {брод, пањ}. Теперь сравним разбиения S и P . Окажется, что они не совпадают. Так, отдельные слова попадают в одно множество P_i , но в разные по S : S_i и S_j . Или наоборот: в одно S_i , но в разные по P : P_i и P_j . Иначе говоря, некоторые слова, хотя и относятся к одному роду, получают новых «соседей» при смене разбиения. В результате разбиения по сходству образуемых сочетаний выделяются группы, называемые «согласовательными классами» (S -классами). Во втором случае получаем «морфологические роды» (P -классы). S -классы и P -классы пересекаются, а не совпадают (рис. 3.1).

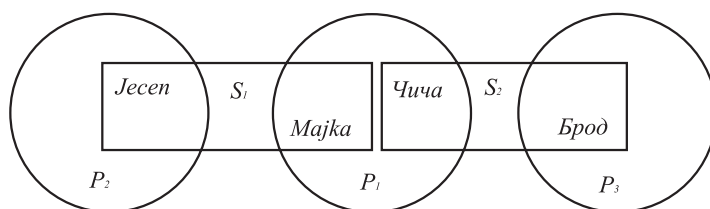

Рис. 3.1. Раздвоение категории рода на морфологический род (P -класс) и согласовательный класс (S -класс)

Для словоизменения важно понятие морфологического рода. (Ср. радикальное: «Род существительных в традиционном его понимании (который можно назвать согласовательным) в морфологической модели мы вообще считаем излишним» [Бидер, Большаков, Еськова, 1978, ч. 1, с. 9]). Слова *мајка* и *слуга* принадлежат разным согласовательным классам (так как сочетающиеся с ними слова имеют разные формы: *мој-а мајка*, *мој-Ќ слуга*), но одному морфологическому роду (так как имеют одинаковый набор окончаний *мајк-а*, *слуг-а* – *мајк-е*, *слуг-е* и т. д.).

Говоря точнее, указанное разбиение на классы по сходству образуемых форм или по сходству образуемых словосочетаний не совсем однозначно. В зависимости от степени детализации могут получаться различные группировки. Например, по сочетаемости с прилагательными слова *птица* и *деца* попадут в одну группу (*гладна птица*, *гладна деца*), а по сочетаемости с глаголами – в разные (*гладна птица је овде* и *гладан пас је овде* – *гладна деца су овде* и *гладни момци су овде*), по сочетаемости с числительными – еще в иные (*пет птица*, *ученика*, *језера* – *петоро деце*, *врата*, *ждребади*). Чем больше партнеров по сочетанию будет учтено, тем больше типов сочетаний мы получим, тем меньше окажутся выделенные классы, тем весомее будет доля лексических и селективных, а не грамматических категорий в характеристике класса. При построении высказывания непрерывно проверяется сочетаемость лексического значения употребляемого слова и грамматического значения выбираемой формы. Возможность совмещения этих двух значений – обязательное условие правильности конструкции. А это еще один довод против синтагматического принципа деления на роды.

Кроме того, в сербском языке известны группы родоизменяемых существительных. Атрибуты при них в единственном числе имеют один род, напр., мужской, а во множественном – другой, напр., средний (*тај торпедо* м. р. – *та торпеда* ср. р.; см. ниже). Значит, здесь ценность согласовательного критерия для установления морфологического рода еще уменьшается.

В русскую грамматическую традицию термин «морфологический род» ввели М. И. Откупщикова и С. Я. Фитиалов [Откупщикова, Фитиалов, 1964], а «согласовательный класс» – П. С. Кузнецов [Кузнецов, 1965]. В сербской лингвистике сходную оппозицию «парадигматический тип – согласовательный тип» исследовала М. Ивич [Ивић, 1960; Ivić, 1966], а оппозицию «альтернативный тип – согласовательный класс» – П. Пипер [Пипер, 1997]. В работе [Пипер, 2004] предложена следующая система согласовательных классов («именска конгруенцијска класа»), в которой существительные классифицируются в зависимости от рода и одушевлен-

ности (приводим диагностические контексты ед. ч. и. п., ед. ч. в. п., мн. ч. и. п., мн. ч. в. п.):

- 1) тип *песник*: *тај X, који...*; *тог X, којег...*; *ти X, који...*; *те X, које...*;
- 2) тип *речник*: *тај X, који...*; *тај X, који ...*; *ти X, који...*; *те X, које...*;
- 3) тип *село*: *то X, које...*; *то X, које ...*; *та X, која...*; *та X, која...*;
- 4) тип *девојка*: *та X, која...*; *ту X, коју ...*; *те X, које...*; *те X, које...*;
- 5) тип *војвода*: *тај X, који...*; *тог X, коег ...*; *те X, које...*; *те X, које...*;
- 6) тип *гето*: *тај X, који...*; *тај X, који ...*; *та X, која...*; *та X, која...*;
- 7) тип *финале*: *то X, које...*; *то X, које ...*; *та X, која...*; *та X, која...*;
- 8) тип *сироче*: *то X, које...*; *то X, које ...*; *та X, која...*; *ту X, коју...*;
- 9) тип *ногари*: *ти X, који...*; *те X, које ...*;
- 10) тип *врата*: *та X, која...*; *та X, која ...*;
- 11) тип *санке*: *те X, које...*; *те X, које ...*;
- 12) тип *Ланко*: *тај X, који...*; *тог X, којег ...*;
- 13) тип *фламенко*: *тај X, који...*; *тај X, који ...*;
- 14) тип *Атлантида*: *та X, која...*; *ту X, коју ...*;
- 15) тип *лишће*: *то X, које...*; *то X, које ...*;
- 16) тип *два*: *та X, која...*; *та X, која ...*;
- 17) тип *пет*: *тих X, којих...*; *тих X, које ...*;
- 18) тип *двојица*: *та X, која...*; *ту X, коју ...*;
- 19) тип *петорица*: *та X, која...*; *ту X, коју ...*;
- 20) тип *двоје*: *то X, које...*; *то X, које...*

Р. Лангакер использует термин «distributional class» ‘дистрибутивный класс’, обозначающий, видимо, сходное понятие: «Каждая конструкция определяет некоторый класс, состоящий из элементов, которые появляются в ней. Так как это связано с проблемой дистрибуции, т. е. с указанием на то, какой элемент появляется, в какой конструкции, классы, определенные таким образом, называются «дистрибутивными классами»¹. Далее автор подчеркивает особую важность таких группировок: «Нет сомнения, что знание этих классов жизненно важно для хорошего владения языком»².

Часто указанные два аспекта – согласовательный и словоизменительный – смешивают, даже считают синтаксические показания главными при определении рода. Подход к роду как к категории синтагматической, неразличение морфологической и синтаксической стороны приводят к таким

¹ «Every construction defines a class consisting of the elements that appear in it. Since they pertain to the problem of distribution – that of specifying which elements occur in which patterns – the classes defined in this manner are called distributional classes» [Langacker, 2008, с. 335].

² «Knowledge of these classes is clearly vital to speaking a language properly» [Там же].

высказываниям: «Нет ... никаких сомнений, что сегодня грамматический род в сербском языке уверенно определяется только с помощью атрибутивных слов: прилагательных, указательных и определительных местоимений, которые всегда в именительном падеже единственного и множественного числа, а в женском и мужском роде и во всех других падежах единственного числа имеют свои отдельные формы» [Вукомановић, 1997, с. 224] (аналогичные высказывания см.: [Ivić, 1995б, с. 129; Mrazović, Vukadinović, 1990, с. 191; Stankiewicz, 1968; Dalewska-Greń, 1991] и др.). Показательные примеры путаницы и противоречивости из-за двойственного использования термина «род» приведены в статье В. Пьянки [Пјанка, 2002].

Логика подобных рассуждений ясна: ориентируясь на окончания прилагательного или глагола, легко определяем род. Однако эта схема отражает поведение слушающего и не объясняет, как же прилагательное или глагол получили именно такое окончание, как, почему говорящий выбрал женский или мужской род для своего слова. «Таким образом, оказывается разорванной связь между значением и основным средством выражения рода – согласованием: род, вообще говоря, определяется по согласованию, но чтобы правильно согласовывать (такая задача встает, например, перед изучающим язык), надо знать род имени еще до согласования» [Ревзина, 1976, с. 10] (выделено нами. – Н. С.). Действительно, изучающие, например, немецкий язык с трудом овладевают родами, слова приходится заучивать вместе с родовыми артиклями. В славянских языках ставить на каждом существительном подобную метку нужды нет: большую помощь оказывает звуковая оболочка. (О том, как именно предлагается использовать эту звуковую оболочку, см. п. 3.3.5.)

3.3.2. Конкуренция мужского и среднего родов у заимствований

Адаптация заимствований во всех языках сопровождается определенными трудностями. Для чужих слов не всегда легко найти подходящие словообразовательные, словоизменительные и сочетаемостные модели.

Так, в русском языке до сих пор продолжаются споры о роде слов *кофе, сирокко, авто, виски, евро, кепи*. Статистические обследования речи показывают, что разногласия существуют в умах не только филологов, но и рядовых носителей языка: в первом издании книги Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской

речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» для слова *авто* указывались женский и средний роды [1976: с. 78], во втором издании – непонятно, непоследовательно: то все три рода [2001: с. 102], то лишь средний [2001: с. 104]. Так же для *виски* и *боржоми* был добавлен мужской род [2001: с. 102]. Примечательна и запутанная судьба слова *кофе*. Сравним, как это отразили лингвисты в упомянутых двух изданиях (табл. 3.5).

Как видим, во втором издании уже нет оптимистического прогноза на устранение исключения, нет уверенности, что системность победит.

Таблица 3.5

**Описание существительного *кофе* в двух изданиях книги
«Грамматическая правильность русской речи»
(1976 и 2001 гг.)**

Первое издание	Второе издание
«... <i>Кофе</i> , м. (франц. <i>le café</i>), этот вариант в XIX в. поддерживался склоняемыми дублетами <i>кофей</i> и <i>кофий</i> . В настоящее время в широком употреблении утвердился несклоняемый вариант, в разговорном языке – в среднем роде: <i>черное кофе с лимоном</i> , <i>хорошее кофе</i> , <i>кофе остыло</i> и под.; Обед окончен. <i>Кофе</i> со столетним коньяком выпито (А. Толстой. Гиперboloид инженера Гарина)... Но: Антенна им явно гордится, и я хвалю: <i>отличный кофе</i> , совершенно <i>особенный кофе</i> (Г. Альтов. Ослик и «аксиома»). Очевидно, слово <i>кофе</i> ждет судьба семантически близкого к нему слова <i>какао</i> : еще в начале XX в. <i>какао</i> тоже относили к словам мужского рода (см. рекомендации В. И. Чернышева), сейчас – только к среднему. Слово <i>кофе</i> В. И. Чернышев относил к словам ср. р. ...» [1976: 79].	«... <i>Кофе</i> , м. (франц. <i>le café</i>), этот вариант в XIX в. поддерживался склоняемыми дублетами <i>кофей</i> и <i>кофий</i> . В настоящее время в литературном употреблении утвердился вариант в муж. роде, в разговорном языке – в среднем роде: <i>черное кофе с лимоном</i> , <i>хорошее кофе</i> , <i>кофе остыло</i> , например: Обед окончен. <i>Кофе</i> со столетним коньяком выпито (А. Толстой. Гиперboloид инженера Гарина)... Но: Антенна им явно гордится, и я хвалю: <i>отличный кофе</i> , совершенно <i>особый кофе</i> (Г. Альтов. Ослик и «аксиома»). Интересно, что слово <i>кофе</i> В. И. Чернышев относил к словам ср. р. ...» [2001: 104].

Ситуация в сербском языке оказалась в некоторых случаях сложнее, чем в русском. Например, в русском языке окончаниям *-е*, *-о* довольно последовательно соответствует средний род, особенно у неодушевленных существительных (а их намного больше, чем одушевленных). В сербском же языке действует требование употреблять заимствования, в том числе на *-е*, *-о*, в мужском роде. Поскольку сербский язык открыт для иностран-

ных слов (а в последнее время – особенно¹), однозначной аналогии русскому правилу тут нет.

В сербском языке, в отличие от, скажем, русского или белорусского, заимствования активно включаются в «отечественные» словоизменительные и словообразовательные процессы. Они разделяются на основу и окончания, приобретают стандартные парадигмы, склоняются, являются мотивирующей базой в словопроизводстве: *о ауту*, из *фоајеа*, *бифеић* 'буфетик', *аутић* 'машинка', *хитић* 'уменьшит. от *хит* (популярное произведение, популярная вещь)'. Эта адаптация сопровождается значительными сложностями. Как отмечала М. Ивич, «хотя сербскохорватский благодаря своему обращению с заимствованиями является одним из интереснейших славянских языков, наши грамматики даже не упоминают такую проблему. Это происходит потому, что данная проблема еще не поставлена, а тем более не решена» [Ивић, 1960, с. 205].

Некоторое упорядочение данной сферы с тех пор, конечно, произошло, но в целом склонение заимствований – это по-прежнему серьезный и слабо нормированный раздел. «Основная проблема в связи с нормированием изменения иностранных слов у нас... состоит в следующем: в каком случае последний гласный считать окончанием, а в каком – частью основы?» [Ивић, 1960, с. 194–195]. Этим и обусловлены неясность рода и другие сложности.

Если заимствования заканчиваются на *-а*, то этот гласный почти всегда считают окончанием и причисляют их к женскому роду. Если на согласный, на *-и*, *-у*, *-о* долгое или *-е* долгое, – приписывают мужской род и нулевое окончание (искл. *желе* ср. р.). Сложности возникают со словами на *-о*, *-е* краткие: *тореро*, *бијенале*. Они встречаются то в м. р., то в ср. р.

Многие исследователи отмечают колебания между мужским и средним родом у слов *ауто*, *финале*, *либрето*, *тореро*. В грамматике [Mrazović, Vukadinović, 1990] сделана попытка семантизировать родовую характеристику: предлагается названия живых существ изменять по мужскому роду (*наш тореро* 'наш тореадор' – *наши торери*, *наш бајацо* 'наш клоун, скоморох' – *наши бајаци*), прочие – по среднему (*наш либрето* 'наше либретто' – *наша либрета*, *наш бијенале* 'наше бьеналле' – *наша бијенала*).

В последней хорватской грамматике также фиксируются формы ср. р. для неодушевленных заимствований: *кина*, *југа*, *динама*, *торза*, *салда*. Формы *бијенали*, *финали* // *бијенала*, *финала* приводятся как варианты, для *ауто* сохранен мужской род [Hrvatska gramatika, 1995, с. 112–113].

¹ Впрочем, об активном проникновении иностранных слов писал еще Юрай Крижанич (1618–1683): «Хервати, ди, и Сербљани всими језикми говорет, а ничегоже неговорет. Перва бо у нѣх рич јест Руска, втора Вугерска, третја Нимечска, четверта Турска, пета Гречска или Влашска, или Арбанаска. Сице тамо говоренје јест изкажено...» («Граматично исказанје об руском језику попа Јурка Крижанища, презванјем Сербланина»).

Похожие мысли не очень внятно звучат и в руководстве [Српски језички приручник 2004, с. 125]. В будущем такое разделение, видимо, победит. Однако сегодня не все авторы поддерживают предложенную кодификацию. Скажем, действующий орфографический кодекс [Правопис, 1995] предписывает формы мн. ч. *кимоно* – *кимони*, *студио* – *студији*, но *ласо* – *ласа*. Реальная же практика слишком вариантна, чтобы в данном вопросе на нее можно было с уверенностью положиться. Так, в «Корпусе современного сербского языка» (Д. Витаса) нами были обнаружены следующие высказывания с заимствованиями разного рода.

1. Мужской род.

*Основали смо одборе, односно **биро**е не само у матици већ и у иностранству...* 'Мы основали комитеты, соответственно бюро, не только «в гнезде», но и за границей»;

*Принцип рада је утолико пожељнији за земље у којима се отварају **биро**и јер се запослени бирају од домаћег становништва* 'Принцип работы тем более желателен в тех странах, где открываются бюро, так как сотрудников набирают среди местного населения»;

*Није нарушаван спољашњи изглед зграде, већ су направљени **нови депо**и за књиге на дубини од четрдесет метара* 'Внешний вид здания не нарушался, а были созданы новые склады для книг на глубине от четырехсот метров»;

*...**Фотографски клише**и су од тада састављани помоћу великог броја тачака различите величине...* '...Фотоклише с того времени составлялись с помощью большого количества точек разной величины...'¹;

*Усљедили су **деманти**ји, чак и најаве тужби због клевете* 'Последовали опровержения и даже судебные иски из-за клеветы»;

*...У тим разговорима био тек само наговештај, који можда још није био добио **свој трагични финале**...* '...В тех разговорах было лишь предостережение, которое еще не получило своего трагического завершения...»;

*Завршни балет «Симфонијски триптихон» био је **узбудљив финале** вечери, који се обликовао високим степеном уметничке изведбе* 'Завершающий балет «Симфонический триптих» стал возбуждающим финалом вечера, который воплотил высокий уровень художественного исполнения».

2. Средний род.

*Зато овај ратни злочин није стандардни, «обични» масакр, већ најмонструознији, геноцидни акт. **Хашко финале**?* 'Поэтому данное военное преступление является не стандартной, «обычной» резней, а наичудовищнейшим актом геноцида. Гаагский финал?»;

*Из ове упоредне статистике следи **неочекивано салдо**: Коштуница добија готово дупло од Лабуса, иако грађани Лабуса недвосмислено оцењују као супериорно компетентнијег за оно што сматрају као супериорно највећи проблем,*

¹Альтернативная форма – *клишеј*, которая заканчивается на согласный и благодаря этому лучше вписывается в стандартные словоизменительные модели – склоняется по образцу существительных мужского рода с мягкой основой и нулевым окончанием, как *коњ*, *чај* и т. п.

економију! 'У этой сравнительной статистики неожиданное сальдо: Коштуница получает почти вдвое больше голосов, чем Лабус, хотя граждане недвусмысленно оценивают Лабуса как абсолютно более компетентного в том, что они считают самой большой проблемой, – в экономике!';

*Најтиражнији норвешки дневник «Verdens Gang» наглашава да је **финале било и изузетна реклама за Норвешку*** 'Ежедневная норвежская газета «Верденс Ганг», обладающая самым большим тиражом, подчеркивает, что финал был и исключительной рекламой для Норвегии';

***Отворено либрето** оставља могућност наставка...* 'Открытое либретто оставляет возможность продолжения...';

*До 28. марта на Коларцу ће бити одржана етапна такмичења у дисциплини обоа, а **финале ће бити одржано 30. и 31. марта, уз учешће Београдског гудачког оркестра «Душан Сковран»*** 'До 28 марта в университете имени И. Коларца пройдет этапный конкурс по игре на гобое, а финал состоится 30 и 31 марта с участием Белградского струнного оркестра имени Душана Сковрана';

*Квалификационе борбе трају месецима, а за **велико финале** резервисан је последњи фебруарски викенд* 'Квалификационные состязания длятся месяцами, а для большого финала зарезервирован последний февральский уикенд';

*То питање са свом драматичношћу постављено је после Француске револуције за Марксом и његовим следбеницима, да би **право трагично финале** доживело у нашем веку* 'Этот вопрос со всем своим драматизмом был поставлен после Французской революции 1789 г., разрешался далее Марксом и его последователями, чтобы настоящую трагическую развязку получить в нашем веке'.

3. Мужской и средний род.

*И још нешто – у тзв. модерном фудбалу нису **важна финала*** [ср. р.] *и **дербији*** [муж. род]: *важни су конгреси* 'И еще кое-что: в т. н. современном футболе финалы и дерби неважны – важны съезды'.

Такая асимметричная ситуация не совсем удобна, поскольку осложняется языковая система и узус (в случаях, подобных данному, мы можем вести речь о формировании избыточной парадигмы). Выход из нее – в подчинении всей парадигмы какому-либо одному роду. Примеры таких «побед» нечасты. Так, у слова *кино* средний род распространился с мн. ч. на ед. ч., и теперь оно используется в ср. р., что противоречит общему правилу о получении заимствованиями мужского рода¹. Возможен выход и через супплетивизм: *фламинго, кабаљеро, мунго – фламингоси*², *кабаљероси, мунгоси*. (Заметим, что в качестве мн. ч. для слова *кабаљеро* в русском языке предлагался вариант *кабаљерос* [Бидер, Большаков, Еськова, 1978, ч. 1, с. 23].)

¹ Ср.: «Так, *кино* в основном ср. рода в тех регионах, где используется...» [Српски језички приручник, 2004, с. 124]. Заметим, что слово это малоупотребительное, его заменяют *филм* 'кино = кинофильм', *биоскоп* 'кино = кинотеатр', *кинематографија* 'кино = кинематография, киноискусство'.

² Возможен вариант с чередованием: *фламинзи*.

Как указывалось выше, основанием для отнесения заимствования к среднему роду предлагается считать неодушевленность. Это вполне логично. Кроме того, предполагается, что и исторически первичным было разделение всего мира сущностей на живой и неживой. А дальнейшее деление первого на самцов и самок – это только вторичное разбиение.

Может быть, кроме одушевленности, здесь присутствует еще один фактор. Известно такое соотношение окончаний: «если в ед. ч. -о (-е), то во мн. ч. – -а». Это очень древнее соответствие, стремление к нему сильно в разных языках. И в нашем случае его следует учитывать при объяснении.

Впрочем, большинство спорных заимствований не особенно употребительны, а формы, где различие между мужским и средним родом проявляется, составляют лишь малую долю от этого незначительного числа. Поэтому, похоже, указанная проблема не слишком распространена, однако описанная тенденция сильна. Представляется, что периодические наблюдения за данным сегментом грамматики в перспективе позволят построить динамическую модель парадигмы, изменяющейся от дефектной к избыточной и наоборот.

3.3.3. Родоизменяемые существительные

Еще Вук Караджич указал на группу существительных, изменяющих род: *слуга, владика, војвода* [Караџић, 1966, с. XXXIX]. По его мнению, в ед. ч. у них м. р., а во мн. ч. – ж. р., напр., *мој слуга – моје слуге*. Более того, великий реформатор утверждал, что в народной поэзии эти существительные полностью перешли в ж. р., поскольку согласование и в ед. ч. происходит по ж. р.: *Слуго моја, Облачићу Раде...; Да ти да Бог, Сибињска војвода...* Сегодня такие формы атрибутов не встречаются, используются *мој, сибињски*. Нет основания квалифицировать описываемый случай и как перемену рода, поскольку в нашей трактовке род рассматривается не с синтагматической точки зрения, а с парадигматической и, следовательно, зависит не от формы согласующихся слов, а от формы самого существительного. Поскольку имена типа *слуга, војвода* имеют те же окончания, что и *змија*, мы относим их к женскому морфологическому роду (подробнее см. в п. 3.3.5).

Позже, в 1960 г., М. Ивич настаивала на перемене рода у существительных *акт, факт, докуменат – та акта, факта, документа* [Ивић, 1960, с. 199]. Однако сегодня преобладают мужские окончания: *ти акти, факти, документи*, хотя возможно и *та акта, документа, факта* (см. п. 4.2.3).

Большая продуктивная группа родоизменяемых существительных сформирована с помощью суффикса *-ист-(а)*: *таксист(а)*, *лингвист(а)*, *юрист(а)*. В единственном числе находим женский морфологический род: *нема жене, таксисте, лингвисте, юристе*, во множественном – мужской: *овим студентима, таксистима, лингвистима, юристима*. Близкие образования с *-ат-(а)* сохраняют женский род: *нема дипломате, аристократе, атлете*; *овим дипломатама, аристократама, атлетама* (мужской встречается тоже, но редко).

Как отмечалось выше, некоторые заимствования на *-о* в ед. ч. имеют мужской род, а во мн. ч. – средний: *тај либрето – та либрета, тај казино – та казина, тај торпедо – та торпедо* и т. д. (По классификации [Пипер, 2004] это – т. н. 6-й согласовательный класс; см. п. 3.3.1.)

Существительные, обозначающие лиц обоих полов, типа *блебетало* 'болтун, пустомеля', *закерало* 'брюзга, придира', *оклевало* 'нерешительный или медлительный человек', в ед. ч. могут быть м. или ср. р., а во мн. ч. только ср. р.: *тај / то блебетало – та блебетала*.

Еще одна позиция изменения рода – вокатив прозвищ на *-а* (*кукавица, пијаница, пропалица*). «...Имена мужского рода с женской формой возникли вследствие перенесения женских кличек, атрибутов, прозвищ, качеств и абстракции на мужчин» [Вольтеръ, 1882, с. 151]. Такие существительные, и при обозначении лиц мужского пола, принадлежат к одному склонению с *другарица, пријатељица* и имеют те же окончания (*другарице, другарицом – кукавице, кукавицом*). Однако в вокативе прозвища мужчин получают отличные флексии: *другарице! – кукавицо!, пијаницо!, пропалицо!*. А. М. Пешковский писал о существительных на *-а* в русском языке: «...мы видим здесь нечто вроде “маскулинизированного женского рода”, или, вернее, “феминизированного мужского” с особым сочетанием значений...» [Пешковский, 2001, с. 94]. Такие существительные довольно долго получали согласование только формальное, т. е. прилагательные и причастия выступали при них в форме женского рода. Еще Ю. Крижанич в своем труде «Грамматично изказанје об руском језику» возмущался этой «феминизацией»: «А что Лехи говорит, Ов *возница*, ов *пијаница*: то јест згола нестерпен блуд. Таковож јест Сербско *Потурица, Свадљивица*. Реци: *Возник, Пијанец, Потурченец, Свадљивец*» (Цит. по: [Вольтеръ, 1882, с. 53]).

Существительные типа *таксиста, дипломата* в ед. ч. имеют женский морфологический род, т. е. склоняются по образцу *жена*, однако в вокативе они принимают мужское окончание *-е* (*таксисте!*, как *професоре!*), а не *-о* (*жено!*). Постепенно рядом с *оне дипломате, спортсисте, кукавице, судије* появились и *моји дипломати, спортисти, кукавици, судији* с мужским согласовательным классом. Изменения в сербском довольно уме-

ренные. Хорватский более последовательно приводит в соответствие морфол. род, согласовательный класс и лексическое значение (понятие, реальный пол носителя): сербское *наше патриоте* (мужской пол, женский морф. род и женский согласовательный класс) заменяется хорватским *naši patrioti* (мужской пол, мужской морф. род, мужской согласовательный класс). Польский язык в этом отношении еще более радикален. В нем возможно изменение не только согласовательного класса, но и морфологического рода: такие существительные на *-a* начинают склоняться по мужскому консонантному склонению [Szober, 1962]. Так же и в белорусском языке *гарэза, калека, п'яніца, сведка* и т. п. склоняются по женскому роду при обозначении лиц женского пола и по мужскому при обозначении лиц мужского пола: *з вясёлай гарэзай* и *з вясёлым гарэзам*. (Современная ситуация в разных славянских языках представлена в [Dalewska-Greń, 2002, с. 300–302].)

Поскольку из имен на *-a* только названия лиц могут быть мужского рода, мы не можем построить более ясную оппозицию и провести границу между одушевленностью, личностью и «мужскостью».

Морфологический род некоторых сербских существительных изменяется по одной из двух схем: во-первых, некоторые существительные, имеющие в ед. ч. женский морфологический род, во мн. ч. приобретают мужской, и, во-вторых, некоторые существительные, имеющие в ед. ч. мужской морф. род, во мн. ч. получают средний род:

а) ж. р. → м. р.: *таксиста* → *таксисты*, иногда *ерудита* – *ерудити* (чаще ж. р. сохраняется: *ерудите*);

б) м. р. → ср. р.: *либрето* → *либрета*, *блебетало* → *блебетала*.

Нередко называют еще и пары *око* – *очи*, *ухо* – *уши* в качестве случаев перемены рода по схеме «ср. р. → ж. р.». С другой стороны, можно просто признать у данных слов нестандартное окончание *-и*, так как вся остальная парадигма, кроме р. п. мн. ч., остается типичной для ср. р.: *очима, ушима*, как *селима*.

Итак, приведенные существительные употребляются в двух родах. Иными словами, это не существительные общего рода, типа бел. *сведка, гарэза, п'яніца*, имеющие разные формы в зависимости от пола (*сведкай* для ж. р. и *сведкам* для м. р.), и не два омонима с разным родом, как, напр., рус. *тюль* или *шампунь*, которые изменяются по парадигме либо слова *ясень* (м. р.), либо *осень* (ж. р.) (об аналогичных сербских существительных, колеблющихся в роде, см. следующий подраздел). Принципиальное отличие сербских существительных в том, что оба рода принадлежат к одной парадигме, т. е. род изменяется в пределах одного слова.

Укажем одну параллель в русском языке: «Введено две подпарадигмы рода, отдельно характеризующих ед. и мн. число... Например, лексеме

глаз приписан муж. род в ед. ч. и сред. род во мн. ч., что позволяет представить подпарадигму мн. ч. *глаза – глаз – глазам...* как имеющую только стандартные окончания. Из тех же соображений, например, лексеме *колесико* в мн. числе приписан муж. род (*колесики – колесиков...*)» [Бидер, Большаков, Еськова, 1978, ч. 1, с. 9]. Здесь, впрочем, не следовало бы из-за одного окончания рушить всю грамматическую систему.

Видно, что это – проблемный узел. Возможно, его попытаются кодифицировать в ожидаемой вскоре новой сербской грамматике, возможно, будут еще некоторое время внимательно наблюдать за языковой практикой. Наши наблюдения позволяют констатировать смещение неодушевленных заимствований к среднему роду, но итог этого процесса точно предсказать трудно.

3.3.4. Колебания в роде

Некоторые сербские существительные употребляются и в мужском, и в женском роде. Это слова: *глад, хрид, бол, сол, пелен, гар, звер, влас, скрлет, снет, нит, мрест, прхут, шаш, раскош*. И в ед. ч., и во мн. ч. мы находим у них окончания обоих родов; оба же рода могут быть и у согласующихся с ними слов: *стравичног глада // стравичне глади, чврстим нитом // чврстом нити; Ноћас једи и сувише, а сјутра јаучи од глади* (Српске народне пословице од Вука); *Јегуље и круха није више било; глад је био страшан* (В. Назор. Песме); *Облаци дима... помешани с гаром и прашином куљали [су] кроз пусте сокаке* (Ђ. Јакшић. Дела); *Духну вихор... помијешан с гари* (Р. Невесињски. Збирка речи из Црне Горе, Босне и Херцеговине).

Родовая характеристика некоторых из приведенных слов зависит от региона, напр., в сербском варианте слово *бол* имеет м. р., в хорватском – ж. р.: *Чинило му се да би којем му драгом беседом осврнуо њихову бол* (И. Типико. За крухом); *Колико љутих боли оћути срце моје* (А. Шеноа. Приповијести) – ж. р.; *И данима вечног бола* (С. Винавер. Приче које су изгубиле равнотежу); *Никада је нисмо видели за време окутних болова* (В. Петровић. Сабрана дела) – м. р.

Выше уже упоминались эмоционально окрашенные отадъективные и отглагольные образования на -ло: *врзало 'бродяга'; блебетало 'болтун; пустомеля'*. В ед. ч. они колеблются между м. р. и ср. р. (Об их происхождении см. [Розова, 1958].) Такая неустойчивая ситуация обусловлена взаимодействием и противоборством различных факторов: семантики лица, негативной коннотации, обозначения обоих полов и др. Во мн. ч. они принимают ср. р. Например: *Ни највећи закерало није могао наћи замер-*

ке (Ј. Веселиновић. Целокупна дела); *Нико није био такав злопамтило*, као *Маљута* (Даница, 1865) – м. р.; *Они постају раздражљиви и несносни, себични и велика закерала* (Д. Поповић. Народни лекар); *Ми нисмо злопамтила...* (И.-Б. Тито. Изградња нове Југославије) – ср. р.

Существительное *вече* в ед. ч. употребляется и во м., и в ж., и в ср. р., а во мн. ч. – только в ж. р. (подробнее см. п. 4.2.3).

3.3.5. Формальное определение рода сербских существительных

Рассмотрим зависимость морфологического рода от формы существительного. Поскольку в славянских языках словоизменительные показатели сосредоточены в конце слова, нас прежде всего будут интересовать окончания. Таким образом, при распределении по родам мы используем два знания: 1) исходная форма слова и 2) принадлежность к *pluralia tantum* (приложение А).

Все названия музыкальных нот (*ла, фа*), букв (*иже, ел, јат, ти, ича*) и нескольких музыкальных терминов (*гес, дес, гис, дис, еис, хис, цис*) в сербском языке имеют средний род. Строго говоря, такая характеристика условна: им может быть приписан любой морфологический род, ведь он, как категория *с л о в о и з м е н е н и я*, для названий букв, которые не изменяются, нерелевантен. Другое дело – согласовательный класс, который здесь, безусловно, средний. Поэтому, собственно, и морфологический род лучше приписать тоже средний¹.

Существительные на согласный имеют м. р. (чаще) и ж. р. (реже), напр. *кревет, интеграл* м. р. – *крв* ж. р. Существительное ср. р. одно – название молитвы *верујем*². Существительных м. р. абсолютное большинство, ж. р. имеет около 200 в основном непроизводных существительных и многочисленная группа с суффиксами *-ад-* и *-ост-* (приложение Б).

Существительные на гласные -и, -у. Фонемы *-и, -у* в качестве финалей и. п. ед. ч. нетипичны для славянских имен. В основном их имеют

¹ Нелишне подчеркнуть, что мы ориентировались на согласовательный класс (и выбрали средний) только потому, что собственно морфологических предпочтений нет. В других случаях, т. е. когда слово изменяется, решающим фактором остается парадигма.

² У данного существительного среднего рода, надо полагать, нулевое окончание, что необычно. Впрочем, известна полемика по поводу морфемного состава слов типа *име, дугме* и т. п. А. Белич и другие считали, что в и. п. ед. ч. происходит усеменение, а *-е* входит в основу. Тогда, видимо, число слов среднего рода с нулевым окончанием возрастет значительно. Подробнее см. пп. 3.2.4 и 4.1.2.

заимствованные слова, которые, по общему правилу (см. п. 3.3.2), принимают мужской род. При выбранном подходе разрешается также противоречие между окончаниями и родом для существительных *pluralia tantum* типа *прси, крсти, поткисли* (женского согласовательного класса). Они склоняются по образцу множественного числа слов типа *фењер, двори: фењери, двори, прси; фењерима, дворима, прсима* и т. д., а потому закономерно получают мужской морфологический род. Исключения: название молитвы *верују* ср. р., *беби* ж. р. и обозначения лиц женского пола: *леди, миледи, мати, кћи, фрау* ж. р.

Существительные на -а имеют женский род, исключения в среднем роде малочисленны: *доба, прадоба, недоба, шва* (лингвистический термин), *ја* и *не-ја* (философско-психологические термины), и существительные *pluralia tantum* (приложение А).

Существительные на -е. На -е заканчивается много существительных *pluralia tantum* женского рода (*беневреке, гусле*), что не позволяет создать простые правила. К сожалению, признак *pluralia tantum* для построения парадигмы необходимо задавать явным, списочным, образом.

Типичное соответствие таково: если -е долгое (-ē), то слово мужского рода, если -е краткое, то среднего¹. Женский род имеют существительные *pluralia tantum*. Ниже приводятся только существительные, не удовлетворяющие этому правилу:

м. р. – *реге, геније, камиказе, милоје, ноје, лепоје, златоје, кале* 'монах', *бијенале, тријенале, брале, тале, салтомортале, ћале, зеле, креле, перпетуум мобиле, миле, чиле, воле, коине, кураре, побре, карате, конте, дуче*;

ж. р. – *селе*; ср. р. – *желē*².

Существительные на -о имеют не только привычный для славистов средний род. У непроизводных слов на -о частый и мужской род. Мужской род имеют также заимствования на долгие -о, -е, ряд уменьшительно-уничижительных образований на -ко (*плашљивко, неваљанко*), гипокористики *вујо, медо* и т. п. В результате перевес среднего рода у слов на -о сохраняется только благодаря продуктивным моделям с суффиксами -ств-, -штв- (*морнарство, надзорништво*) и -л- (*крекетало, купатило*). Следует помнить и об отмеченных выше колебаниях рода у заимствованных слов и названий деятеля типа *блебетало, закерало*. Отступления от указанных правил приведены в приложении Б.

¹ Долгота конечного *о* на письме фиксируется только в лингвистических целях, в обычных текстах она не отмечается.

² Ср. р. указан по [Правопис, 1995]. Предыдущий орфографический свод [Правопис, 1960] рекомендовал мужской род.

Как видим, соответствие согласного во флексии мужскому роду, а гласного *-a* – женскому соблюдается довольно последовательно. Такая соотнесенность существует давно – с раннего индоевропейского [Ревзина, 1976, с. 9]. Однозначности тут нет из-за открытости языковой (лексической) системы, где непрерывно исчезают и появляются новые слова. Они не сразу, а лишь постепенно осваиваются, принимают типичную «одежду» и «поведение». Одновременно действует постоянная тенденция к устранению иррегулярностей и неоднозначностей. Поэтому *либрето* и *финале* начинают употребляться не в мужском роде (*талијански либрети, финали*), а в среднем (*талијанска либрета, финала*); *деца* воспринимается как мн. ч. ср. р. (*дивним децима*); *ухо* получает нормальную форму среднего рода *уха*; существительное *ствар* меняет женский род на мужской (*стварови*) и т. д.

Существительное *доба* часто обсуждается в исследованиях: во-первых, как уникальное – среднего рода на *-a!* – и, во-вторых, как спорное с точки зрения склоняемости. Выше мы указали еще несколько имен среднего рода на *-a*. Тем не менее окончание *-a* действительно нетипично для среднего рода единственного числа. Возникшее напряжение разрешается несколькими способами. Во-первых, в современном сербском литературном языке косвенные падежи от таких существительных редки (но возможны: *дивног доба, дивном добу* и т. д.). И во-вторых, в диалектах из-за форманта *-a* *доба* стало существительным ж. р. [Младеновић, 2001, с. 304]. В западных говорах штокавского наречия возможно склонение *доб*, как *кост*, т. е. по женско-консонантному типу.

Действие указанных правил можно наблюдать и на примере таких частых, важных слов, как *мати* и *ћџи*. В литературной разговорной речи, во многих диалектах они вышли из употребления, заменившись на *мајка* (чаще) или *матер(а)* (реже) и на *(к)ћерк(а)*, которые склоняются по типичным «женским» образцам на *-a*.

Рассмотрим еще несколько вопросов, связанных с категорией рода.

3.4. КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ

Одушевленность – категория, близкая к роду и тесно с ним связанная. Как обычно, приходится констатировать противоречие во взглядах на природу и этого языкового феномена. Одни ученые считают, что это – грамматическая категория (Н. Н. Дурново, В. В. Виноградов, А. А. Реформатский, Н. Ю. Шведова, А. А. Зализняк, В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, Р. Мароевич и др.), другие – лексико-грамматическая группировка

(А. В. Исаченко, А. В. Бондарко, П. П. Шуба, Б. А. Плотников и др.). Г. Корбетт квалифицирует ее как подрод («subgender») [Corbett, 1991, с. 165–167]. Он отрицает бинарную оппозиционность категории одушевленности и предполагает, что противопоставление здесь градуально. Он выделяет четыре не имеющие строгих границ, равномерно «перетекающие» одна в другую группы существительных, охарактеризованных по одушевленности: 1) одушевленные и действующие как одушевленные; 2) одушевленные, но не действующие как одушевленные; 3) неодушевленные, но действующие как одушевленные; 4) неодушевленные и действующие как неодушевленные [Corbett, 1983, с. 120–121]. В. А. Виноградов [1998, с. 342] и вовсе выводит этот вопрос за пределы грамматики. Он полагает, что одушевленность/неодушевленность – понятийная категория, которая имеет лишь отдельные проявления в грамматике (а также в лексике). Ср. также обзор различных точек зрения в [Helden, 1993 и Rappaport, 2003].

Из всех славянских языков категория одушевленности лучше всего сохранилась в восточнославянских. Однако и здесь ее реализация специфична. Так, Т. В. Кузьменкова, специально изучавшая эту категорию в белорусском языке, отмечала: «Наиболее полная характеристика и адекватная грамматическая репрезентация категории одушевленности – неодушевленности может быть получена при использовании полевой методики исследования. Существительные мужского рода не образуют двух четко противопоставленных классов (одушевленные – неодушевленные), а в соответствии со свойственными им семантическими и формальными характеристиками разбиваются на множество группировок, объединяющихся в систему, которая может быть описана в статическом и динамическом аспектах и охарактеризована как лексико-грамматическое поле сложной конфигурации, где выделяются два противопоставленных центра и периферийные зоны» [Кузьменкова, 1980, с. 120–121].

Как мы уже упоминали, явления и отношения в окружающем мире необходимо всегда отличать от грамматических. Так и в данном случае, одушевленность – это формальная характеристика. Безусловно, большинство имен одушевленных обозначает живых существ, а большинство неодушевленных – предметы, явления, процессы, понятия и т. п. Тем не менее главным¹ критерием в славянских языках является только форма, а именно несовпадение падежных окончаний одушевленных и неодушевленных существительных, напр. в. п. ед. ч.: *видим човека* (как в р. п.), но *прозор* (как в и. п.). Но разные окончания – не причина одушевленности,

¹ Дополнительными критериями могут быть детерминативы – прилагательные, числительные, местоимения.

а следствие, признак, по которому мы определяем принадлежность к первым или вторым. Почему же то или иное существительное является одушевленным, сказать трудно: «В самом деле, «одушевленным» и «личным» считается все то, что в действительности является им, а также все то, что может при определенных условиях считаться «одушевленным» или «личным»» [Ельмслев, 1972, с. 118]. А. Е. Михневич мотивирует это различие активностью//неактивностью предмета: «Можно было бы сказать, что за категорией «одушевленности//неодушевленности» стоит внеязыковое представление о живом – неживом, которое связано с другим представлением: несомненно активное (живое) – несомненно неактивное (неживое)» [Михневич, 1976, с. 118].

Возможны несовпадения понятийной и морфологической неодушевленности. Так, в кашубском языке одушевленными являются названия монет: *talara*, *fāńiga*, в верхнелужицком – некоторые названия грибов: *brezaka*, *prawaka*, само слово *hrib*, однако, неодушевленное [Гаспаров, Сигалов, 1974, с. 268; см. также Корбетт, 1985], по-польски мы, однако, скажем *znaleźć grzyba*. В сербском *покојник*, *покојни*, *мртвац*, *лутак* 'кукла (мальчик)', *робот*, *Израиль* 'еврейский народ (устар.)'¹ – одушевленные.

Итак, первое, общеславянское различие, присутствующее в сербском языке, – это совпадение винительного падежа ед. ч. или с родительным падежом ед. ч. (у одушевленных), или с именительным падежом ед. ч. (у неодушевленных).

Есть и несколько специфически сербских следствий одушевленности, проявляющихся, впрочем, нерегулярно. Как мы указывали в п. 3.3.2, заимствования на краткие *-o*, *-e* колеблются в роде. В ряде случаев находим такое разделение: *наша либрета* (ср. р.), *финала*, но *наши торери*, *фламингоси*//*фламинзи* (м. р.), т. е. одушевленность обуславливает склонение по мужскому роду.

В мужском роде мы рассмотрели правило отнесения имени к одушевленному или неодушевленному. Как же быть в женском и среднем? Исследователи единодушно считают все сербские существительные женского рода морфологически неодушевленными, так как форма в. п. всегда совпадает с формой и. п.

От исходной позиции (логика, природа против морфологии) зависит и иерархия деления. Опираясь на биологию, вначале следует разделить все объекты на живое и неживое, а лишь затем живых распределять по

¹ Напр.: *Или не знате шта говори Писмо за Илију како се тужи Богу на Израиља говорехи...* 'Или не знаете, что говорит Писание в повествовании об Илии? как он жалуется Богу на Израиля, говоря...' (Римл. 11:2); *И разгневи се Господ на Израиља...* 'И воспыал гнев Господень на Израиля...' (Судьи 2:14).

полам (родам). В такой последовательности происходило и развитие категорий одушевленности и рода в индоевропейских языках. С грамматической же точки зрения мы сначала выделяем родовые группировки, и уже внутри них происходит дифференциация по одушевленности/неодушевленности (см. также [Corbett, 1988; Бондарко, 1976a]).

Напомним, что И. А. Мельчук [2000, т. 3, с. 201] понимал под одушевленностью «признак, значения которого указывают, обладает ли данное существительное сочетаемостными свойствами, типичными в языке *L* для названий живых существ». Указанный признак обычно принимает одно из двух значений: либо одушевленное, либо неодушевленное. Эти значения, «хотя и связаны с семантикой соответствующей лексемы, строго говоря, все же являются произвольными» [Там же].

Другой выход – выделение не трех обычных родов, а четырех: мужского одушевленного, мужского неодушевленного, женского и среднего. В 1920-х гг. Н. Н. Дурново [2001, с. 88] различал в русском языке шесть родов на том же основании: в единственном числе слова могут быть мужского одушевленного, мужского неодушевленного, женского или среднего рода, а во множественном числе слова могут быть одушевленного рода или неодушевленного. Позже И. И. Ревзин [1969, с. 70] предложил для сербского языка сходную систему классов: в ед. ч. мужской одушевленный (*орач*), мужской неодушевленный (*град*), женский (*жена*), средний (*дрво*) и во мн. ч. мужской (*орачи, градови*), женский (*жене*), средний (*дрва*).

Обычно утверждается, что во мн. ч. одушевленность в сербском языке не проявляется. Выше мы столкнулись с необычным поведением существительных ср. р. типа *ждребе, клубе*. Как оказалось, одушевленные на *-e/-et* не имеют форм мн. ч., для передачи множества употребляются или собирательное на *-ад* (*ждребад*), или дублиеты на *-ићи* (*ждребићи*). В отличие от этого неодушевленные на *-e/-et* имеют мн. ч. с обычным для ср. р. окончанием *-а* (*клубета*), которое конкурирует, не очень, правда, успешно, с собирательными на *-ад* (*клубад*). Значит, существительные, обозначающие молодых существ (*штене, маче, бебе*), также следует признать одушевленными из-за особенностей образования мн. ч.¹ Итак, одушевленность в ср. р. и мн. ч. проявляется своеобразно, косвенно, влияя на способ передачи идеи множества.

Как и многие языковые образования, категория одушевленности имеет полевую природу. Указанные формальные закономерности четко и по-

¹ Некоторые авторы к одушевленным относят еще и лексико-семантический вариант *дрво* 'растущее дерево' на основании противопоставления форм мн. ч. *дрва* 'дрова' – *дрвета* 'деревья' [Vitas, Krstev, 1992, с. 335]. Такое объяснение расщепленной парадигмы не представляется нам убедительным.

следовательно проявляются у ядерной группы, ослабевая на периферии, а именно при семантических сдвигах, при полисемии и омонимии. Так, М. Дешић упоминает следующие пары, отличающиеся именно по признаку одушевленность/неодушевленность: *годишњак* '1) ежегодник; 2) годовалое животное'; *жир* '1) желудь; 2) свинья (диал.)'; *молитвеник* '1) молитвенник; 2) молящийся, верующий'; *епископ* '1) епископ; 2) епидиаскоп'; *клинац* '1) гвоздик; 2) малыш' [Дешић, 1997, с. 188–191]. А. Мейе и А. Вайан приводят еще такой пример: *Нов ћу дух метнути у вас. – Посла им Духа светога* [Meillet, Vaillant, 1924, с. 56]. (См. также [Міхневіч, 1976, с. 117–123].)

Следовательно, в одних случаях приведенным формам будет соответствовать парадигма типа *син* (*видим сина*), в других – *зид* (*видим зид*). Более того, даже без сильного сдвига в значении возможна смена парадигмы: грамматическое «оживление» возможно при «оживлении» художественном, при олицетворении: «Существительные, обозначающие нечто неживое, могут трактоваться как обозначающие нечто живое, тогда они имеют окончание *-а* (*Тада деца упиташе ветра* 'Тогда дети спросили у ветра')» [Лалевіћ, 1979, с. 28]. В поведении названий спортивных команд, названий автомобилей, компьютеров и др. наблюдаются колебания: *победили су «Партизана» // «Партизан»*; *Вози «спачека» // «спачек»*; *Продајем «атарија» // «атари»* [Пипер, 1997, с. 26]. После предлога рекомендуется второй вариант: *навијам за «Партизан»* 'я болею за «Партизан»'. В парах типа *клинац I* (*видети клинац* 'видеть гвоздик') – *клинац II* (*видети клинца* 'видеть малыша') отчетливо проявляется противопоставление двух разных слов. Названия автомобилей, мотоциклов в речи используются неединообразно: *видим опела/опел, тражим мерца/мерц, возим фијата/фијат*. Кодифицированы вторые, «неодушевленные», формы. Только название югославского автомобиля «Застава-101» допускается склонять как одушевленное из-за омонимии с антропонимом: *Где си паркирао свог стојадина?*¹ Названия шахматных фигур также рассматриваются как одушевленные: *узети краља, топа, ловца, коња, скакача, пешака*. У существительного *топ* в значении 'пушка, орудие' аккумулятив омонимичен номинативу: *напунити топ* 'зарядить орудие'.

Причина колебаний – влияние лексического значения слова на признак (не)одушевленности, их борьба. С одной стороны, форма в. п. у *партизан* традиционно совпадает с р. п., с другой – новое, актуализированное в данной ситуации значение – неодушевленное, требует совпадения с и. п., характерного для неодушевленных. Важную роль здесь играют и явления

¹ Номер модели автомобиля 101 по-сербски читается как *сто један*; отсюда по созвучию и прозвище: *стојадин*.

персонификации, метонимии, а также потенциальная способность занятия тем или иным словом позиции субъекта или объекта, определяемая его активностью.

Своеобразную дифференциацию в зависимости от значения наблюдаем у некоторых слов ж. р. в п. п. ед. ч.: *драга* – *драги* 'дорогая, возлюбленная'¹, но *дрази* 'залив, ущелье'; *Бачванка* – *Бачванки* 'жительница Бачвы', но *бачванци* 'народный танец'. Впрочем, таких примеров очень мало, что не позволяет признать выражение одушевленности в женском роде обязательным и регулярным.

Таким образом, одушевленность в сербском языке проявляется реже, чем в восточнославянских. В женском роде она нейтрализована, в среднем – периферийна, обнаруживаясь только у некоторых существительных с чередованием *-e/-et*. Различие явственно только у существительных мужского рода. Однако и в таких, наиболее благоприятных, условиях одушевленность нередко можно установить только синтаксически – по атрибуту. В частности, в сочетаниях *запазити делију, мајку, сабљу и јатаган* определений нет, окончания одинаковы – и одушевленность неясна. И только прилагательные *запазити високог делију, његову мајку, сабљу и леп-Ќ јатаган* позволяют выявить эту категорию.

Категория личности (персональности, «мужскости») также тесно связана с родом. В сербском языке она, однако, маргинальна. Ее проявление мы находим в особенностях сочетания с числительными: *четворица војника* и *четири девојнице*.

3.5. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

При описании грамматических явлений в предыдущих разделах мы старались проникать в их сущность, обнаруживать различные отклоняющие силы, вскрывать и устранять результаты воздействия одних категорий на другие. Это было необходимо, чтобы полно и точно анализировать именно рассматриваемый объект, освободить его от контекстуальных, незакономерных, нетипичных изменений. Само формирование грамматических категорий происходило через взаимодействие более грамматикализованных и менее грамматикализованных элементов языка, через взаимодействие с лексическими, фонетическими факторами. В речи грамматические категории взаимодействуют друг с другом, выступают как связанные единства, а не изолированно. Как отмечал А. В. Бондарко, «“чи-

¹ В этом значении возможно и адъективное склонение: *драгој*.

стных” грамматических значений, свободных в их реализации от межкатегориального взаимодействия, нет» [Межкатегориальные связи, с. 3].

В некоторых работах делались попытки представить традиционные окончания как членимые морфемные комплексы. Тогда каждая граммема получает собственный материальный носитель. Так, Р. О. Якобсон дробил окончания на самостоятельные показатели числа и самостоятельные же показатели падежа: «...носовая фонема служит приметой периферийных падежей, а шумные щелинные согласные – приметой объемных падежей: -х- – предложного, а -в- – родительного» [Якобсон, 1985б, с. 190]. И далее: «В субстантивном склонении окончания всех периферийных падежей мн. ч. начинаются с -а-; в адъективном склонении окончания всех падежей мн. ч., а также Т. ед. начинаются с -и-...» [Якобсон, 1985б, с. 191]. Аналогичные попытки, и нередко убедительные, предпринимали А. А. Зализняк [1967а], Н. В. Котова и М. Янакиев [Котова, Янакиев, 2001, с. 401–411]. В их работах утверждается, что о множественном числе или о некотором падеже свидетельствует не окончание целиком, а его часть – отдельная фонема.

Однако большинство исследователей считает, что в славянских языках грамлемы выражаются в пределах одного показателя, кумулятивно, что является типичным свойством флективных языков (см. [Гухман, 1968, с. 170; Плунгян, 2000, 40–46, 234–235]. В этом случае проблема взаимодействия грамматических категорий требует рассмотрения в двух направлениях: представляет интерес, во-первых, иерархия грамматических категорий и, во-вторых, их влияние друг на друга, их совместимость.

Занимаясь проблемами иерархии, ученые предполагают, что грамматические категории – неравноправные члены языка, что есть категории более важные, а есть категории подчиненные, зависимые, второстепенные, ограниченные в каком-либо качестве. Предлагаем выделять четыре вида иерархии грамматических категорий и значений в зависимости: 1) от универсальности, распространенности в языках мира; 2) от степени типичности для данной части речи; 3) от соотношения грамлем в рамках одной категории; 4) от принадлежности к «главной» части речи. Ниже приводятся ряды категорий, упорядоченные по указанным четырем параметрам.

Исследование представленности категорий в языках мира ведется уже давно. Ф. Боас, например, всеобщим считал различение субъекта и предиката, существительного и атрибута, глагола и наречия [Boas, 1938, с. 133]. Интересны и полезны списки универсалий в работах Б. А. Успенского, И. А. Мельчука [1998, т. 2], видного современного когнитивиста Л. Талми [Талми, 1999] и др. С этой точки зрения можно предложить такую иерархию категорий существительного в сербском языке: число, род, одушевленность, падеж.

О втором параметре, т. е. о степени типичности той или иной категории для существительного, высказывались разные мнения (напр., известный спор о *медведе*: *медведь* потому существительное, что склоняется, или же *медведь* потому склоняется, что это существительное). В фортунатовской традиции конституирующим признаком считается падеж. «Другая концепция, ставящая во главу иерархии одушевленность, была выдвинута Фр. Шольцем...» [Ревзин, 1969, с. 67]. В. Пьянка предполагает, что все именные категории развились из оппозиции «активный участник (живые существа) – пассивный участник (неживые существа)» [Пьянка, 2002]. И. И. Ревзин указывал, что «категория числа оказывается ведущей категорией в плане содержания существительного, ибо 1) именно с ней связано значение предметности 2) она организует семантическую классификацию существительных. <...> Расчлененность передается именно через категорию числа, то есть число делает существительное выразителем предмета в собственном смысле слова» [Ревзин, 1969, с. 77–78]. Он предлагает такую иерархию: число, падеж, одушевленность, род.

Относительно третьего параметра, соотношения в рамках одной категории, можно выделять несколько иерархий граммем в зависимости от признака классификации: основное значение граммемы, ее маркированность, частота, способность к передаче значения других членов категории, степень сохранности в «белом шуме», появление в ассоциативных реакциях, порядок усвоения детьми, последовательность утраты при афазиях и др. По концепции Р. О. Якобсона [1985б], более маркировано множественное число, чем единственное, женский род, чем мужской, предложный падеж, чем родительный, творительный и винительный, в отличие от совсем немаркированного именительного.

Кроме трех предложенных видов иерархии, некоторые исследователи выделяют главные и подчиненные категории в зависимости от принадлежности к главным и подчиненным частям речи. На роль «хозяина» чаще всего претендуют две части речи: существительные и глаголы. Вербоцентрическая теория представлена работами Л. Теньера, У. Чейфа, Б. Ю. Нормана, А. В. Бондарко, П. Пипера и др. и достаточно известна. Много сторонников также у противоположной точки зрения (А. Белич, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, П. Ивич и др.). Так, А. Белич [1941/1998, с. 35] предостерегал: «Наша грамматика – под влиянием логики, для которой глагол имеет центральное значение как для науки о суждениях и заключениях – придала необычную важность глаголу. Его функция предиката, без которой не может быть предложения, обусловила то, что глагол был поставлен над всеми другими словами в предложении. Все это повлияло на то, что с лингвистической точки зрения на глагол не

всегда смотрят достаточно объективно. В предложении глагол (т. е. личная форма глагола), несомненно, подчинена субъекту, хотя название «подлежащее» («subjectum»), которое происходит из старой грамматики, возникло по образцу греческого термина ὑποκείμενον, обозначающего «тот, что лежит в основе [предложения]»; так и славянский термин «подлежащее» – это только перевод, и притом рабский, этого термина».

На современном этапе эта точка зрения конкретизируется, к примеру, следующим образом: «Субстантивные категории передают главные мысли в процессе категоризации сложной языковой картины мира сознанием людей, которое разделяет окружающие предметы на одушевленные и неодушевленные, лиц и нелиц, исчисляемые и неисчисляемые» [Озерова, Смольська, 1996, с. 97] (выделено нами. – Н. С.). Интересный пример иерархического описания лингвистического универсума представлен в работе В. А. Карпова [1992, с. 41–57].

Таким образом, становится ясно, что иерархия грамматических категорий – не искусственный прием, не просто тот способ, которым исследователь организует языковой материал для удобства описания, но некая внутренняя структура, свойственная семантике языка и важная для описания парадигм. Справедливо поэтому рассматривать одни категории как субкатегории по отношению к другим (напр., одушевленность и род, полнота/краткость и определенность/неопределенность, время и наклонение). Тогда реализация субкатегорий требует создания условий и выполнения определенных гарантий от категорий высшего ранга.

Рассмотрим теперь некоторые примеры взаимодействия признаков и категорий в следующем порядке: влияние граммема числа на другие категории, влияние (не)одушевленности на другие категории, влияние рода и падежа – на другие категории¹. «Следует заметить, что в изучении функциональных взаимосвязей грамматических категорий остается много неясного. Так, например, остается открытым вопрос о том, какого рода сведения, извлеченные из конкретного речевого материала, могут служить указанием на взаимосвязь тех или иных грамматических категорий. Необходимо, чтобы в установлении факта взаимосвязей грамматических категорий учитывалась не только лингвистическая интуиция, но чтобы эти взаимосвязи могли быть подтверждены, так сказать, документально» [Пупынин, 1990, с. 27]. Предлагаемые ниже закономерности показывают, какие последствия наблюдаются при фиксации одной граммемы для дру-

¹ Двусловные сочетания в русском языке, встречающиеся в них ограничения, накладываемые формой одного слова на форму второго, детально описаны в работе В. А. Карпова [Карпов, 1992, с. 102–116].

гих граммем и категорий. Иными словами, мы попытаемся обнаружить факты, когда наличие грамлемы одной категории стимулирует или, наоборот, ограничивает появление грамлемы другой категории (или даже не одной грамлемы, а всех, т. е. блокируется категория целиком).

Так, во множественном числе различается меньше падежей, чем в единственном. По формам мн. ч. нельзя определить, одушевленное существительное или нет (в отличие от русского и белорусского). Существительные *pluralia tantum* бывают только неодушевленными, не используются в счетном падеже и редко имеют средний род.

Влияние одушевленности на категорию рода легко наблюдать у новых заимствований (см. п. 3.3.2). Одушевленность также проявляется в формах вокатива, диктуя выбор того или иного окончания, определяя если не возможность, то регулярность этой формы для конкретного существительного, и в формах аккузатива через синкретизм с номинативом или генитивом. Отсутствие форм мн. ч. у некоторых существительных ср. р., вероятно, обусловленное одушевленностью, обсуждалось в п. 3.2.4.

От принадлежности к роду зависит, какие падежи будут омонимичны в той или иной парадигме. У существительных ср. р. (с неравносложной основой) редки формы мн. ч. Если существительное имеет ж. р., то оно неодушевленное. Одушевленные существительные ср. р. являются *singularia tantum*.

В рамках темы взаимодействия грамматических значений можно указать также на такие процессы, как маскулинизация и феминизация. Если требовалось наименование совокупности существ обоих полов и предметов всех родов либо если пол или род были неизвестны, то для этого традиционно использовались формы мужского рода. Правда, в XIX в. в народной речи встречались и формы, подчеркивавшие род, напр. «*A noћu doћu сусједи и сусједи, познаници и познанице, те чувају бабиње* (В. Караджич)» [Цит. по: Озерова, Смольська, 1996, с. 105]. (Формы *сусједи, познаници* имеют м. р., *сусједи, познанице* – ж. р.) Современному узусу такое раздвоение в целом чуждо, используются формы м. р. (*сусједи, познаници*). С другой стороны, под влиянием общемирового усиления (гипер)корректности в публицистике и официальных документах это разделение родов нередко начинает особенно подчеркиваться. Следует также указать, что словообразовательные системы сербского и хорватского языков благоприятствуют установлению подчеркнутого словесного равновесия партнеров, поскольку феминные суффиксы *-иц-(а)*, *-к-(а)*, *-кињ-(а)* и др. регулярны и продуктивны, ср. *министарка, професорка, јунакиња, товаришка*:

– *Драге другарице и другови, желимо да вас обавестимо...* (из выступления Т. Петрушич, председательницы соц.-дем. партии Сербии // www.sdu.org.yu/sdo/press.htm);

– *Учеснице конференције (парламентарке, чланице невладиних организација, експерткиње) једногласно су закључиле да је у променјеним околностима неопходна и промена облика и метода политичког деловања жена* (М. Пајванчић. Напомене о једној могућности успостављања институционалних механизма за родну једнакост // www.awin.org.yu/srp/arhiva/elbtext5.htm);

– *У овој шк. години уписано је 28 ученика-ца, а завршило разред 26 ученика-ца* (Летопис основне школе у Каленичком Прњавору // solair.eunet.yu/~sinisa/skola.html);

– *По одласку учитељског пара Мусулин из Смедерева у Горној основној школи радили су многи учитељи и учитељице...* (Школство у Смедереву // www.smederevo.cc/load2.php?page=obrazovanje);

– *Први ефекат је то да су наши домаћини и домаћице били просто озарени чињеницом да је дошло толико жена из толико различитих периода* (Б. Михајловић. Десет година живота за 15 дана // www.womenngo.org.yu/sajt/saopstenja/razgovori/pocni_razgovori_z_papic.htm).

Подобные феминные дериваты позволяют указать присутствие обоих полов более четко, явно, чем тонкое флективное различие «и – е» в согласованных адъективных формах типа *напржити* м. р. – *напржите* ж. р. 'вздорные' или причастных формах типа *китили* м. р. – *китиле* ж. р. 'украшали'.

Для категории падежа обнаружить подобные закономерности оказалось трудно. Кажется, нельзя построить ограничивающие импликации вида: «если слово *A* стоит в падеже *x*, то оно среднего рода» или «если слово *B* не употребляется в падеже *y*, то оно неодушевленное (или это *singularia tantum*)». Падежные граммы свободно сочетаются со всеми остальными. Можно вести речь не о значимости какого-либо падежа, а лишь о некоторых материальных носителях как о маркерах граммем других категорий. Выше уже упоминались работы Р. О. Якобсона и др., где носителями тех или иных граммем объявлялись определенные фонемы. Продолжая эту тему применительно к сербскому языку, укажем номинативное окончание *-о* как признак ед. ч., расширитель *-ов-* (*-ев-*) как признак мужского рода и мн. ч. Известно также, что окончание ед. ч. *-и* в сербском языке свидетельствует о женском роде. Нулевое окончание в сербском возможно только в ед. ч., в отличие от русского и белорусского, где оно встречается в обоих числах. Факт безразличия всех категорий к употребленному падежу важен для построения иерархии: поскольку от падежных граммем не зависит ни одна другая, но, наоборот, некоторые падежные граммы ограничены в проявлении со стороны, например, рода или числа, постольку падеж занимает подчиненное положение в иерархии.

Допустив, однако, большее привлечение семантики, удастся установить еще одну зависимость – между одушевленностью и видом актанта. Если разделить все глаголы на обозначающие активное действие (преобразователи), напр., *излити труп* 'выплавить корпус', *појести кајгану* 'съесть яичницу', и неактивное, напр., *лежати* 'лежать', *осећати* 'чувствовать, ощущать', то они будут по-разному взаимодействовать с существительными. При неактивном глаголе возможен лишь один актант – тот, которым обозначен субъект, и, значит, маркировать эту позицию незачем, поскольку при таких глаголах других позиций, где могли бы появиться омонимичные формы, нет. При активном же глаголе возможны как минимум два актанта: субъект (обычно номинатив) и прямой объект (обычно аккумулятив). Итак, существует две позиции и два вида существительных (одушевленные и неодушевленные). Трудностей не возникает, однако, и тут, так как неодушевленным позиция субъекта активного действия чужда, в ней опять-таки типичны только одушевленные (историческое обоснование см. в [Пјанка, 2002; Маньков, 2004]). Значит, если при активном глаголе один актант одушевленный, а второй – нет, то в большинстве случаев распределение ролей между ними можно предсказать довольно точно (субъект – одушевленное, объект – неодушевленное). Маркирование необходимо лишь тогда, когда оба актанта одушевленные (или, редко, оба неодушевленные). В этом случае маркируется падеж прямого объекта, в сербском – аккумулятив. Таким образом, номинатив (падеж субъекта) оказывается нечувствителен к категории одушевленности, в этой позиции она нейтрализуется. При разного рода переносах, метафорах в позиции субъекта возможен и неодушевленный агент в номинативе. Тогда необычность позиции объекта для одушевленного участника отмечается, маркируется, окончанием в. п., отличающимся от и. п.

Итак, грамматические категории сербского языка вступают между собой в многообразные парадигматические и функциональные связи. Первые проявляются в иерархичности и асимметричности грамем и категорий в парадигме. Вторые – в случаях ограничения или стимулирования проявления одной категории в присутствии другой. «В целом исследование межкатегориальных связей в грамматике может дать существенные результаты для познания закономерностей формирования и восприятия языкового содержания высказывания в его отношении к передаваемому смыслу» [Межкатегориальные связи, 1996, с. 4]. Исследование грамматики в намеченном направлении выводит нас на проблемы встречаемости, употребительности, реальной представленности форм в текстах, что означает увеличение внимания к лингвостатистическим методикам.

Таким образом, на основании обзора грамматических категорий можно сделать следующие выводы.

По нашему мнению, в описании целесообразно изменить традиционный инвентарь сербских падежей. Следует исключить датив, так как он почти утратил собственные средства выражения и совпал с локативом. Полезно рассматривать формы типа *ова (два) срећна момка* (рефлекс двойственного числа) как счетный падеж единственного числа. Статус вокатива до конца не ясен, но его важность для словоизменения бесспорна.

Основная оппозиция граммем ед. ч. и мн. ч. связана с противопоставлением «один объект – несколько объектов». Однако она может передавать и другие значения (вид, частота, длительность и др.) или вообще не отражать количественную характеристику действительности. Расчлененность или целостность самого денотата составляет не более чем объективную предпосылку для выбора языком одного из типов парадигмы. Главный критерий для отнесения той или иной словоформы к мн. ч. или к ед. ч. – окончания. Существительные *pluralia tantum* – это один из способов реализации языком своей системы, своей самобытности, проявление его свободы в характере отражения действительности. Для передачи реальной множественности объектов в сербском языке активно используются собирательные существительные. В русском и белорусском языках они, напротив, значительно менее продуктивны и частотны.

В практике моделирования словоизменения перспективным представляется вместо категории рода рассматривать категории «морфологический род» и «согласовательный класс». Это позволяет упростить описание, сделать его менее противоречивым и более «прозрачным». С другой стороны, учет сочетаний с разными диагностическими контекстами позволяет получать все более дробные группировки, причем доля грамматического значения как объединяющего признака будет убывать, а лексического – возрастать с уменьшением числа членов таких группировок.

Большая часть сербских существительных может быть распределена по морфологическим родам в зависимости от окончания на основании простых правил. При некотором (списочном или лексико-семантическом) усложнении правила справедливы для всех существительных. Категория рода – словоклассифицирующая, однако выделен ряд существительных, у которых род изменяется.

На протяжении своей истории сербский язык активно осваивал заимствования, включал их в процессы словоизменения и словообразования. Сегодня в этой сфере возрастает напряжение. Заимствования на краткие *-o* и *-e* нестабильны в роде и в схеме склонения. Общее правило о по-

лучении ими мужского рода становится необязательным, особенно во мн. ч.; возникают новые родоизменяемые существительные: у них парадигма ед. ч. характерна для одного рода, а парадигма мн. ч. — для другого. На этот процесс влияет принадлежность слова к одушевленным или неодушевленным, давность заимствования, употребительность, аналогическое выравнивание окончаний номинатива по древнему образцу: «если в ед. ч. находим *-o* (*-e*), то во мн. ч. должно быть *-a*».

Категория «одушевленное» в сербском языке не полностью соответствует понятию «живое» в реальном мире, осложняясь некоторыми лингвоспецифическими особенностями. Наряду с общеславянским способом выражения одушевленности (совпадение вин. п. ед. ч. с род. п. ед. ч. у существительных м. р.), в сербском языке эта категория также проявляется у существительных ср. р. с неравносложной основой. Как и многие языковые образования, категория одушевленности имеет структуру поля, где слова распределены в зависимости от реальной одушевленности, активности, способности быть субъектом преобразующего действия и др.

4. ОСНОВЫ СИНТЕЗА СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОФОРМ

4.1. ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

4.1.1. Классификации склонений: род vs окончания родительного падежа единственного числа

Сербское склонение постепенно приобретало современные черты, проходя долгий, многостадийный путь развития и отдаляясь от праславянских образцов. «История склонения существительных является чрезвычайно сложным вопросом в исторической грамматике... всех славянских языков, потому что склонение существительных в процессе исторического развития претерпело много изменений. Изменилась сама система склонения, многие падежные формы, а также грамматические категории существительных» [Жыдовіч, 1969, с. 202]. Сербский язык не стал в этом отношении исключением: словоизменение в нем, действительно, упростилось, однако оно и сегодня «сложное, разнообразное, отличается множеством форм, для каждого падежа почти регулярно существует несколько окончаний, что нередко обуславливает параллельные формы, которые еще и сейчас сохраняются в литературном языке (напр., р. п. мн. ч.: *прсти*, *прстију*, *прста*) и т. д.» [Станић, 1993, с. 16].

Род стал основой склонения, так как однородные, но склонявшиеся по-разному существительные стремились унифицировать свои окончания. «...Слова мужского рода с разными основами стали сближаться между собою и по окончаниям своих падежей; то же отчасти произошло и со словами женского и среднего родов; этому сближению много содействовали разные фонетические и психические факторы, часто ложная аналогия, представление физического пола у названий предметов одушевленных, так что число разрядов склонений у имен, постепенно уменьшаясь, дошло почти до трех» [Карский, 1956, с. 105].

В процессе развития типы склонения славянских имен изменялись. На формирование новых систем склонения влияли отдельные падежные, числовые формы и категория одушевленности. Но главными объединяющими факторами новых склонений были роды. Вокруг родовых групп-

ровок объединялись другие классы. Морфологический род используется нами для синхронной группировки существительных по склонениям. Процесс выравнивания родов и склонений не завершен, т. е. по-прежнему два существительных могут принадлежать к одному роду, но к двум склонениям или, наоборот, к двум родам, но к одному склонению. Поэтому мы и были вынуждены ввести определение «морфологический».

Некоторые ученые, однако, акцентируют обратную зависимость: предлагается использовать тип склонения для определения рода [Stankiewicz, 1968; Corbett, 1991; Corbett, Fraser, 2000]. Такой подход нам представляется малопродуктивным, что будет показано ниже.

Рассмотрим различные группировки типов склонения существительных.

Как указывалось выше, род стал существенной силой в формировании новых склонений. Многие ученые осознавали это. Так, родоцентрическая классификация типов склонения, предложенная Дж. Даничићем [Даничић, 1850], использовалась довольно долго. По родам описывал склонение и Т. Маретич [Maretić, 1963, с. 140 и далее]. А. Лескин усложнил и дифференцировал классификацию Дж. Даничића [Leskien, 1914, с. 333–334]:

I. м. р.:

1. твердая основа: 1) односложная (*град*); 2) многосложная (*удар*).
2. мягкая основа: 1) односложная (*мач*); 2) многосложная (*градић*).

II. ср. р.:

1. с *о*-основой: 1) твердой (*село*); 2) мягкой (*поље*).
2. с основой на согласный: 1) на *-ен-* (*племе*); 2) на *-ет-* (*зрне*).

III. ж. р.:

1. с *а*-основой: 1) на твердый (*жена*); 2) на мягкий (*душа*).
2. с основой на согласный (*ствар*).

М. Лалевич [Лалевич, 1979, с. 75] уже в новое время продолжил традицию описания изменения существительных по родам, освященную именами Дж. Даничића, Т. Маретича, А. Лескина, М. Решетара, А. Мейе и А. Вайана.

Вук Караджич в своей грамматике, приложенной к первому изданию словаря (1818 г.), разделил существительные на четыре склонения (Караџић, 1966, с. XXXVII–XLI):

I. м. р. на согласный и некоторые на *-е* (*јелен*, *мије*);

II. м. и ж. р. на *-а* (*жена*, *слуга*);

III. ж. р. на согласный (*ствар*, *мисао*, *мати*, *кћи*);

IV. м. и ср. р. на *-о*, *-е* (*село*, *име*, *пиле*, *Станоје*, *Ранко*).

А. Белич посвятил этому вопросу специальную статью [Belić, 1922], где рассмотрел предыдущие классификации и роль исторических типов склонения в современном сербском языке. Он также находил у сербских существительных четыре типа склонения, но иные, чем у В. Караджича:

I. м. и ср. р. с консонантной основой:

1) м. р. без окончания или с *-e*; 2) ср. р. с окончаниями *-o*, *-e*.

II. ср. р. с вокалической основой¹:

1) с наращением *-n-*; 2) с наращением *-m-*.

III. ж. р. с консонантной основой и окончанием *-a*.

IV. ж. р. с консонантной основой и без окончания.

Такую классификацию, немного модифицировав, принял и М. Стеванович в своем капитальном труде [Стевановић, 1981], и Ж. Станойчич [Станојћих, Поповић, 1999].

И. И. Толстой выделил почти те же четыре типа, только в ином порядке [Сербскохорватско-русский словарь, 1970, с. 697]:

I. м. и ж. р. на *-a* (*жена, слуга*).

II. м. р. на согласный и ср. р. на *-o*, *-e* с равносложной основой (*јелен, село*).

III. ж. р. на согласный (*ствар, опасност*).

IV. ср. р. с неравносложной основой на *-o*, *-e* (*време, пиле*).

Своеобразные четыре типа с учетом рода и (не)равносложности основ находим в польской грамматике сербскохорватского языка В. Франчича [Frančić, 1963, с. 117] и в исследовании В. Киллиан [Killian, 1968, с. 31]. У этих авторов существительные м. р. на *-a* оказываются без внимания:

I. м. р. на согласный (*град, коњ, јелен*).

II. ср. р.:

1. с равносложной основой (*село, поље*).

2. с неравносложной основой (*племе, дете*).

III. ж. р. на *-a* (*жена, риба, душа*).

IV. ж. р. согласный (*ноћ, ствар, дивљач*).

Д. Витас, проанализировав различные точки зрения, выдвигает такие четыре типа [Vitas, 1993, с. 333]:

I. м. р. с окончаниями *-Ø*, *-o*, *-e*.

III. м. и ж. р. с окончанием *-a*.

II. ср. р.

IV. ж. р. с окончанием *-Ø*.

¹ Речь идет о словах типа *име, дугме*. Как указано выше, А. Лескин находил у них консонантную основу и вокалическое наращение. А. Белич членит наоборот: вокалическая основа и консонантное наращение. Кроме того, у А. Лескина данное наращение – суффикс, у А. Белича – часть окончания.

Затем в его книге, однако, эти типы оказываются неважны и почти не учитываются. Вводится понятие «группа падежных окончаний», выделяется около 100 таких групп. Далее практическое описание существительных ведется по ним.

Почти одновременно с родоцентрической схемой Дж. Даничича появился другой вариант классификации склонений. Новый подход ориентирован не на род и не на именительный падеж. П. Будмани предложил трехтипную классификацию в зависимости от окончания родительного падежа ед. ч. (Budmani P. Grammatica della lingua serbo-croata (illirica). Vienna, 1867; цит. по: [Ивић, 1959–1960/1991]):

I. м. и ср. р. с окончанием *-a* в р. п. ед. ч.

II. м. и ж. р. с окончанием *-e* в р. п. ед. ч.

III. ж. р. с окончанием *-и* в р. п. ед. ч.

Во многих современных руководствах принята именно эта трехродовая схема [Mrazović, Vukadinović, 1990, с. 217; Станић, 1993; Hrvatska gramatika, 1995, с. 103–104; Hrvatski jezični savetnik, 1999, с. 139; Brozović, 1976/77; The Slavonic Languages, 1993; Гудков, 1969; Славянская морфология, 1987, с. 179; Леонова, 1988, с. 26–36; Попова, 1986, с. 59]. Отличие заключается только в том, что одни авторы приводят окончания р. п. (как и было у П. Будмани), другие – и. п.:

- м. и ср. р. с флексиями *-Ø*, *-o*, *-e* (*прозор*, *село*, *поље*);
- м. и ж. р. на *-a* (*жена*, *судија*);
- ж. р. с флексией *-Ø* (*ствар*, *моћ*).

Именно так поступают А. Мейе и А. Вайан. Анализируя пары *дан – ствар*, *мисао – смисао*, они не смогли обосновать различие в склонении этих слов исходя из формы номинатива и предложили обратиться к генитиву [Meillet, Vaillant, 1924, с. 57].

Интересная классификация предложена в [Пипер, 2009, с. 420–441]. Здесь также выделены указанные три склонения, которые дополнены новым подходом к описанию словоизменения: внутри трех склонений выделены парадигматические типы: пятнадцать в первом склонении, восемь – во втором и семь – в третьем. Такое расширение грамматики усложняет ее восприятие, однако представляется перспективным, так как открывает место в системе для существительных *pluralia tantum* и позволяет распределить по указанным типам все существительные.

В начале XX в. Л. Стоянович выделял пять типов склонения [Станић, 1993, с. 20]. Так же поступал и С. Новакович в своей грамматике [Новаковић, 1902]:

I. м. р. с окончаниями *-Ø*, *-o*, *-e*.

II. ср. р. с окончаниями *-o*, *-e*.

- III. м. и ж. р. с окончанием *-a*.
 IV. ж. р. с нулевым окончанием.
 V. ср. р. с нулевым окончанием.

П. Ивич вначале придерживался трехтипной схемы с диагностическим генитивным окончанием [Ивић, 1959–1960/1991], а затем предложил двухчленное разбиение [Ивич, 1972], принятое позже Э. Станкевичем [Stankiewicz, 19866]:

- I. м., ж., ср. р. не на *-a* краткое.
 II. м. и ж. р. на *-a*.

Попытаемся систематизировать основные точки зрения на классификацию типов склонения существительных в табл. 4.1.

Таблица 4.1

Варианты распределения существительных по типам склонения

Сторонники классификации ¹	Основы существительных						
	ср. р. с -et	ср. р. с -o, -e	м. р. с -o, -e	м. р. с -Ø	м. р. с -a	ж. р. с -a	ж. р. с -Ø
Караджич, 1818	IV			I	II		III
Даничич, 1850 ² , Лалевич, 1979 ²	III		I		II		
Будмани, 1867, Мейе, 1924, Станич, 1949, Ивич, 1959, Гудков, 1969, Браун, 1993, «Хорват. гр-ка», 1995	I				II		III
Маретич, 1899 ² , Лескин, 1914 ²	II		I			III	
Новакович, 1902, Стоянович, 1905	V	II	I		III		IV
Белич, 1922	II	I			–	III	IV
Франчич, 1963, Киллиан, 1968	II		–	I	–	III	IV
Стеванович, 1964, Станойчич, 1999	II	I			III		IV
Толстой, 1970	IV	II	–	II	I		III
Ивич, 1972, Станкевич, 1978	I		I/II	I	II		I
Витас, 1993	II		I		III		IV
Пипер, 2009	I		I/II	I	II		III

¹ Классификации приводятся в хронологическом порядке.

² Типы склонения авторами классификаций не нумеровались.

Сегодня конкурируют два типа описания: сербские авторы в основном поддерживают четырехчленную схему в версии А. Белича, хорватские и зарубежные – главным образом трехчленную в версии П. Будмани.

Итак, возможно выделение от двух до пяти типов склонения. Определяющими факторами признаются: 1) род существительного; 2) окончание и. п. ед. ч.; 3) окончание р. п. ед. ч.; 4) расширение основы; 5) мягкость (твердость) основы; 6) вокальность/консонантность основы. Самым проблемным оказывается средний род: либо его присоединяют к мужскому в один тип склонения, либо выделяют часть слов ср. р. в отдельный тип, либо находят у ср. р. два типа склонения, отличных от мужского.

4.1.2. Новая классификация типов склонения

Под «типом склонения» мы будем далее понимать класс существительных, одинаково образующих словоформы. Слова одного склонения обычно имеют один и тот же набор граммем, одни и те же окончания, правила выбора основ, акцентуацию. Главным мы считаем тождество или близость наборов окончаний.

Рассмотрим подробнее отличия между двумя доминирующими классификациями: основанными или на работах П. Будмани, или на работах А. Белича. Последователи П. Будмани насчитывают три типа склонения, которым соответствуют три генитивных окончания: *-а*, *-е*, *-и*. Последователи А. Белича выделяют существительные среднего рода с вокалической основой (*име-Ø*, *дугме-Ø* и т. п.) в отдельное склонение в противовес среднему роду с консонатной основой (*сел-о*, *поль-е*). Кроме отличающейся основы, при таком подходе постулируются и другие окончания. Они возникают из-за иного членения слова: *им-е* – *имен-а*, *дугм-е* – *дугмет-а* по П. Будмани, но *име* – *име-на*, *дугме-та* по А. Беличу. Беличевские окончания резко противостоят доминантной схеме славянских окончаний «гласный + согласный», что также удерживает нас от присоединения к его позиции.

П. Ивич вначале поддерживал точку зрения П. Будмани и его последователей [Ивић, 1959–1960/1991]. Позже, однако, он выработал свою классификацию [Ивич, 1972]: в и. п. ед. ч. приписать словам типа *име*, *дугме* нулевое окончание и усеченную основу, а в косвенных падежах – обычные окончания среднего рода и расширенную основу: *име-Ø* – *имен-а*, *дугме-Ø* – *дугмет-а*. Иначе говоря, по мнению П. Ивича, в косвенных падежах добавляется *-н-* (или *-т-*). Напомним, что выше приводилось предложение Н. В. Котовой и М. Янакиева в болгарском языке считать показателем деминутивности именно *-н-*, а не традиционное *-е*.

На наш взгляд, нет оснований для выделения неравносложных существительных среднего рода в отдельное склонение. Расширение основы описано нами через чередования (см. п. 4.2.2), а окончания едины для всего среднего рода.

Итак, можно констатировать следующее: большинство авторов сегодня согласно, что разные склонения следует выделять при наличии разных наборов окончаний. Иными словами, всеми признается: если у слова *x* набор окончаний *A*, а у слова *z* – набор окончаний *B*, то эти слова принадлежат к разным склонениям.

Целесообразно рассмотреть вопрос о том, только ли типом склонения может быть обусловлена разница в наборах окончаний. Скажем, существительные м. р. *гост* и ср. р. *поле* принадлежат к одному типу склонения, однако имеют неодинаковые окончания в и. п. ед. ч. и в и. п., в. п. ед. ч. и в и. п. мн. ч. П. Ивич приводит пять отличий между парадигмами м. р. и ср. р. [Ивић, 1959–1960/1991, с. 146–147]:

- синкретизм и. п., в. п. и зв. п. обоих чисел в ср. р.;
- усечение основы в ср. р. у существительных типа *теле*, *име*;
- расширение мн. ч. *-ов/-ев-* в м. р.;
- синкретизм в. п. с р. п. ед. ч. в м. р. у одушевленных;
- существительные м. р. на *-о*, *-е* не имеют мн. ч.

Чем же обусловлены эти различия? Нет сомнений, что они зависят от рода слова. П. Ивич даже писал: «...Намечается разделение I типа на два подтипа в зависимости от рода...» [Ивич, 1991, с. 147].

Значит, для построения парадигмы по трехтипной классификации склонений используются следующие сведения: 1) окончание и. п.; 2) окончание р. п. ед. ч.; 3) род; 4) принадлежность к классу *pluralia tantum*.

Итак, можно заметить, что трехтипная классификация является недееспособным потомком древнеславянской шеститипной, где трем современным склонениям соответствуют старые основы на *-о*, *-а*, *-і*. Зная только род, нельзя построить парадигму; сведения только о склонении также не дают такой возможности. Родовая принадлежность используется дважды: при выборе склонения и при выборе «подсклонения». Эта схема избыточна и свидетельствует о неудобстве традиционного понятия «род» для морфологии, которое уже обсуждалось ранее. Необходимо использовать давно известный морфологический род.

Но прежде чем перейти к новой классификации типов склонения, необходимо остановиться на одной важной группе слов, обычно остающейся без внимания. Так, все известные нам авторы, разрабатывая типологию склонений, оставляют в стороне существительные *pluralia tantum*. Между тем в сербском языке их не так уж мало – около 620. Напомним, что существительные ж. р. с нулевым окончанием типа *ноћ*, *мисао* выделяют в

отдельное склонение, а ведь их всего около 200 (плюс продуктивные образования с суффиксами *-ад-*, *-ост-*). Так же и десяток существительных типа *време* с сотней существительных типа *момче*, *дугме* выделяют в отдельный тип. Значит, небрежение не менее крупной группой *pluralia tantum* вряд ли целесообразно.

Как было показано ранее (п. 3.2.2), ни по форме, ни по значению нельзя точно определить, двучисловое существительное или нет. Значит, при классификации по типам склонения признак *pluralia tantum* должен быть известен.

П. Ивич предпринял замечательную попытку распределить все существительные по двум типам склонения [Ивич, 1972]. Однако в его статье оставлены без внимания многие группы имен, например *pluralia tantum*, *singularia tantum*, существительные типа *маче*, *пасторче*, *мату*, *кѝи*, *вече*, женские имена и др.

Мы предлагаем следующее решение: прежде всего необходимо отделить существительные нулевого и адъективного склонений, тогда для отнесения всех остальных существительных к тому или иному типу склонения необходимо и достаточно знать начальную форму слова. Далее выбор склонения происходит в соответствии с рис. 4.1.

В первое склонение объединяются существительные мужского и среднего морфологического рода, а также существительные женского морфологического рода с ненулевым окончанием. Во второе – женского морфологического рода с нулевым окончанием и слово *кѝи*. Например, слово *оловка* относится к первому склонению, так как оканчивается не на согласный и имеет окончание *-а*. В первое же склонение входят и *небо*, *јеж*. Аналогично решаем вопрос и для слова *маст*: оно имеет нулевое окончание и заканчивается на согласный. Для определения морфологического рода используется алгоритм из п. 3.3.5. Находим, что у слова *маст* женский морфологический род, следовательно, это второе склонение.

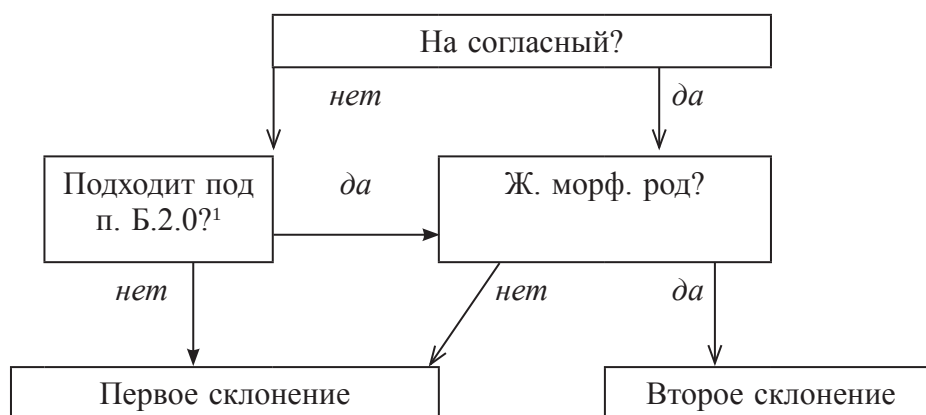

Рис. 4.1. Определение типа склонения существительного

¹ См. приложение Б.

Первое склонение имеет несколько наборов окончаний. Выбор между ними определяется морфологическим родом слова.

Ниже приведены основные окончания выделенных склонений (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Основные окончания существительных

Падеж	Первое склонение						Второе склонение	
	единственное число			множественное число			ед. ч.	мн. ч.
	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.		
Зв.	о	е	о	е	и	а	и	и
И.	а	Ø			а		Ø	
В.	у							
Р.	е	а		а			и	има
Т.	ом			ама	има			
П.	и	у						

Как видим, основные трудности возникают при классификации существительных на согласный (с нулевым окончанием). Сходные проблемы с опознаванием рода известны и в других славянских языках: «...Больше всего трудностей вызывает определение грамматического рода болгарских субстантивов, оканчивающихся на консонант» [Котова, Янакиев, 2001, с. 412] (см. также [Мучник, 1971, с. 186–188]).

Ко II склонению относится намного меньше существительных, чем к первому: оно содержит только существительные ж. р. на согласный. В диалектах и разговорной речи в него проникают окончания из I склонения (ж. р. на *-а*): *стварношћом*, *звером* вместо *стварношћу*, *звери*; *косте* (как *сестре*) вместо *кости* и др. [Ивић, 1959–1960/1991; Радовић-Тешић, 1999]. Известно, что к современному склонению типа *савест* – *савести* принадлежат замкнутые группировки с определенными древними основами: на согласный, на **-и* и **-i*. Эта архаическая связь в определенной мере проявляется и сегодня. В частности, «большинство основ на *-и* слилось с *а*-основами» [Соболев, 1998, с. 131]. Иными словами, сокращение количества слов данного склонения происходит в разных группах и обусловлено несколькими факторами.

Мы видим, что II, «женско-консонантное», склонение слабее первого. Если оно исчезнет, то, в соответствии с семиотическим законом $n - (n - 1) = 0$, субстантивных склонений вообще не останется и надобность в феномене «субстантивный тип склонения» (или род) отпадет. Единственным определяющим фактором тогда станет морфологический род, завершится важный этап длительного процесса упрощения системы словоизменения. Однако исчезновения женского консонантного склонения вряд ли следует ожидать в ближайшее время: хотя склонение слов т. н. **и*-основ выравнивается со склонением **ā*-основ, но слова **i*-основ устойчивы и сохраняют свою парадигму. К этому же склонению принадлежат многочисленные продуктивные дериваты с суффиксом *-ост-* (см. также приложение Б.1).

4.1.3. Дополнительные окончания

В исследованиях Пражского лингвистического кружка Д. Брозовича, А. В. Исаченко, Н. И. Толстого, Н. Б. Мечковской и других ученых была создана типология литературных языков. Важное место в ней занимает степень стандартности того или иного идиома. Сербский язык, как отмечалось, выделяется очень слабой нормированностью, допускает множественность решений, в нем вариантность кодифицирована. Эти черты проявляются и на уровне морфологии. Так, во многих падежах возможны альтернативные окончания. Рассмотрим их подробнее.

В парадигмах сербских существительных используется 17 окончаний, «из которых одно представляет собой фонологический нуль /Ø/, десять состоят из одного гласного: *a, ā, o, o/e, e, ē, u, ū, y, ŷ* – и шесть – из гласного (гласных) и согласных, причем три односложных: *ам/ем, ом, ју* – и три двусложных: *ама, има, ијѷ*» [Славянская морфонология, 1987, с. 182]. Говоря точнее, окончаний больше. Поскольку всякая морфема двупланова, постольку и окончание, скажем, *-е* или *-ама* существует только в единстве с выражаемой граммемой. Значит, нет абстрактного окончания *-е*, а есть шесть окончаний *-е*: в форме номинатива ед. ч. м. р., в форме вокатива м. р. ед. ч. и т. д. (табл. 4.3). На каждый падеж приходится как минимум два окончания [Ивић, 1959–1960/1991, с. 140].

Перечисленные окончания употребляются по-разному: одни в одном падеже, другие в нескольких, одни обязательны, другие факультативны, третьи нежелательны и т. д. На основании исследований [Об одном подходе к типологии, 1963; Славянская морфонология, 1987; Симић, 1993] они систематизированы в табл. 4.3.

Омонимия окончаний существительных¹

Окон- чание	Падеж	Окон- чание	Падеж
-Ø	1) и.-в. ед. м. (<i>прозор</i>) 2) и.-в. ед. ж. (<i>ствар</i>)	и	1) и.-зв. мн. м. (<i>прозори</i>) 2) п. ед. ж. (<i>жени</i>) 3) р.-зв.-т.-п. ед. ж. (<i>ствари</i>) 4) и.-в.-зв. мн. ж. (<i>ствари</i>)
а	1) р. ед. м., ср. (<i>прозора, села</i>) 2) и. ед. ж. (<i>жена, слуга</i>) 3) и.-в.-зв. мн. ср. (<i>села</i>)	у	1) п. ед. м., ср. (<i>прозору, селу</i>) 2) в. ед. ж. (<i>жену</i>) 3) зв. ед. м. (<i>мужу</i>)
ā	р. мн. м., ж., ср. (<i>прозора, жена, села</i>)	ī	р. мн. м., ж. (<i>сати, ствари, бом-би</i>)
о	1) и.-зв. ед. м. (<i>побро</i>) 2) зв. ед. ж., м. (<i>жено, чико</i>)	om/ ем	т. ед. м., ср. (<i>прозором, мужем, селом, пољем</i>)
о/е	и.-в.-зв. ед. ср. (<i>село, поље</i>)	dm	т. ед. ж. (<i>женом, слугом</i>)
е	1) и.-в.-зв. ед. м. (<i>ћале</i>) 2) зв. ед. м. (<i>прозоре</i>) 3) и.-в.-зв. мн. ж. (<i>жене</i>) 4) в. мн. м. (<i>прозоре</i>) 5) зв. ед. ж. (<i>другарице</i>) 6) и.-в.-зв. ед. ср. (<i>прасе</i>)	ју	т. ед. ж. (<i>стварју</i>)
		ама	т.-п. мн. ж. (<i>женама</i>)
		има	т.-п. мн. м., ср., ж. (<i>прозорима, селима, стварима</i>)
ē	р. ед. ж. (<i>жене</i>)	иј̄	р. мн. м., ж., ср. (<i>прстију, кокошију, очију</i>)

Сербские окончания образуются комбинациями фонем по одной из четырех схем: или -Ø, или гласная, или гласная + согласная, или гласная + согласная + гласная. Единственное исключение – тв. п. ед. ч. ж. р. с консонантным началом (*дивљачју* и т. п.)². П. Ивич приводит такие примеры:

- и. п. ед. ч. – Ø или однофонемное окончание;
- р. п., в. п., зв. п. ед. ч. и и.-зв. п. и в. п. мн. ч. – однофонемные окончания;
- р. п. мн. ч. – однофонемные или, реже, трехфонемные;

¹ В соответствии с п. 3.1.3 формы дательный и предложный падежи признаются омонимичными, поэтому в данной таблице окончания дательного падежа не выделены.

² В то же время можно избавиться от этого исключения, если признать здесь чередование *j/Ø* и наличие алломорфа *дивљачј-*.

- тв. п. ед. ч. — двухфонемные;
- тв.-п. п. мн. ч. — трехфонемные.

Данные соответствия позволяют сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, «смысл этих отношений в том, что количество фонем в окончании в основном пропорционально степени семантической маркированности падежа (т. е. окончание тем короче, чем семантическое место падежа центральнее)» [Ивич, 1991, с. 142].

Второе важное замечание, которое необходимо сделать, заключается в том, что количество разных окончаний некоторого падежа, как правило, «обратно пропорционально степени его маркированности» [Ivić, 1967, с. 995]. Сравним, к примеру, и. п. ед. ч. с пятью окончаниями *-Ø*, *-o*, *-e*, *-a*, *-и* и п. п. ед. ч. с двумя окончаниями *-у*, *-и*.

Как видим, окончания редко закреплены за одним родом или числом. Заметим только, что окончания *-Ø* и *-o* однозначно сигнализируют о ед. ч., а трехфонемные — о мн. ч. Все остальные окончания возможны и в ед. ч., и во мн. ч. Большинство окончаний многофункционально. Попробуем объяснить такую омонимичность аффиксов, такое безразличие к числу как категории. Обратимся к концепции Н. В. Котовой, М. Янакиева и рассмотрим для примера окончание *-a*. По их мнению, окончания — не предел членения, в них еще необходимо выделять глубинные морфемы. Указанное окончание *-a* находим и в формах ед. ч., и в формах мн. ч. потому, что в ед. ч. это — «результат слияния морфемы агрегативности в роли гипоморфы с морфемой грануальности в роли эпиморфы» [Котова, Янакиев, 2001, с. 428], а во мн. ч. это — «результат слияния гипоморфной морфемы грануальности с эпиморфной морфемой агрегативности» [Там же]. (Противопоставление «грануальность — агрегативность» рассмотрено в п. 3.2.1.)

Последовательно по падежам рассмотрим окончания, не отраженные в табл. 4.2. Ряд дополнительных окончаний выступает в рамках обычных чередований, напр., чередование *o/e* в тв. п. закономерно после мягких. Однако в большинстве случаев нормирование чрезвычайно затруднено, «в настоящее время невозможно дать исчерпывающие списки существительных, принадлежащих к открытым классам исключений или вариантов (например, в отношении флексии зват. п. ед. ч., или р. п. мн. ч., или распространения основы посредством *-ов-* во мн. ч.)» [Ивич, 1972, с. 106–107].

Особый случай представляет собой существительное *мати*. Во всех падежах, кроме и.-зв. ед. ч., оно получает «наращение» *-ер*. В в. п. ед. ч. оно имеет нулевое окончание, во всех остальных — обычные по I склонению: *без матере, видим матер, драгом матером*. Как было указано ранее (п. 3.3.5), это слово вытесняется существительным *мајка*.

Слово *кћи*, в отличие от *мати*, присоединилось ко второму склонению и имеет обычную основу (на согласный) во всех падежах. Заметим, что

в древнесербском совпадений в формах *мати* и *кћи* было больше: «им.-зват. *мати*, *кћи*, род. – *матере*, *кћере*; дат. – *матери*, *кћери*; вин. – *матерь*, *кћер* (но один раз и *матере*); твор. – *матерю*, *кћерю*...» [Шахматов, 1957, с. 112].

Аккузатив ед. ч. Выбор окончания *-Ø* или *-а* в вин. п. ед. ч. у существительных м. р. обусловлен одушевленностью, которая обсуждается в разделе 3.4.

Вокатив ед. ч. Ученые отмечают, что «среди падежей с наибольшими колебаниями в форме оказывается вокатив единственного числа, преимущественно мужского рода» [Српски језички приручник, 2004, с. 120]. Конкуренцию основному окончанию *-е* составляет окончание *-у*. Оно выступает после мягких и исторически мягких: *коњу*, *орачу*. Выбор окончания после *р* нестабилен: *писаре//у*, *лекаре//у*, *столаре//у*, но только *господару*, *фризеру*, *царе*, *докторе*, *трубадуре* (формы на *-оре*, *-уре*). Утвердились формы *витеже*, *Французу*, *Енглезу*, *алаху*, *коњицу*, *страху*. Многие существительные с беглым *-а* получают окончание *-у* для избежания ассимиляции и утраты узнаваемости: *мачак* – *мачку*, *патак* – *пачку*, *паучац* – *паучу* и т. д. (подробнее см. [Гудков, 1990]).

В современном сербском языке при обращении все чаще используются формы номинатива. (Об этой и иных тенденциях в сфере вокатива см. [Војводић, 2003].) Окончание номинатива сохраняют термины родства: *баба*, *тетка*, *сестра*.

В женском роде, кроме отмеченных случаев замены вокатива номинативом, используется окончание *-е*: у многосложных существительных с суффиксом *-иц(а)*, обозначающих лиц женского пола: *сестрице*, *другарице*. При обозначении лиц мужского пола сохраняется обычное окончание *-о*: *пијаницо*, *пропалицо*.

Интересно свидетельство о болгарской ситуации: «Концовка *-е* в болгарском языковом сознании ассоциируется с положительным эмоциональным отношением, в отличие от концовки *-о*, которая связывается с чувством пренебрежения, даже грубости, или официального отношения к объекту обращения» [Котова, Янакиев, 2001, с. 428]. Ср. у М. Стевановича: «А и многосложные существительные м. и ж. р. на *-ица* с оттенком ругательства в значении чаще употребляются в вокативе и с окончанием *-о*: *пијаницо*, *пропалицо*, *кукавицо*, *изелицо*» [Стевановић, 1981, с. 233] (выделено нами. – Н. С.). Впрочем, известны и другие трактовки.

В одних славянских языках у вокатива есть собственные, особые, окончания (в болгарском, верхнелужицком, македонском, польском, русинском, сербском, хорватском, украинском, чешском), а в других – практически нет (в белорусском, нижнелужицком, русском, словацком, словенском). Заметим, что звательный падеж без специфических окончаний – не нова-

ция, не новое состояние, ибо, по словам А. А. Шахматова [1957, с. 22], «исконно форма звательного падежа не принимала окончаний и представляла основу обыкновенно в том или ином измененном (ослабленном или, напротив, усиленном) виде». (Возможно фонетическое изменение основы.)

Инструменталис ед. ч. Существительные второго склонения кроме окончания *-и* могут получать окончание *-(j)у*. О выборе одного из них велись долгие дискуссии, в качестве факторов называли значение слова, наличие суффиксов, предлогов, прилагательных, сферу употребления и др. Наличие вариантов ведет к их дифференциации. Тогда появляются пометы «чаще, реже, разговорное, диалектное, устаревшее» и т. д., может расширяться или сужаться значение или парадигма. Иногда описанная дифференциация вносится искусственно, ср. полемику о расширении во мн. ч. между [Gudkov, 1964] и [Nametak, 1964] и в [Стевановић, 1981]. Здесь мы имеем дело с таким аспектом поливариантности сербского языка, как метаязыковой; см. главу 2.

В некоторых случаях окончание *-(j)у* действительно употребляется чаще, однако окончание *-и* никогда не ошибочно, «обе формы правильные»: *с речју* и *с речи*, *с ноћу* и *с ноћи*, *са стварју* и *са ствари* [Hrvatski jezični savetnik, 1999, с. 146]. Поэтому мы постулируем единое окончание *-и* для всех существительных, кроме существительных с суффиксом *-ост-*. Для последних почти всегда выбирается окончание *-у*, которое мы и фиксируем как основное. Более подробно см. в статьях [Гудков, 1988а; Младеновић, 1977].

Номинатив мн. ч. Существительные *око*, *ухо* имеют формы *очи*, *уши*.

Генитив мн. ч. У существительных ж. р. возможно окончание *-и*. Авторы по-разному квалифицируют его, единодушно констатируя экспансию этого окончания. Правила его конкуренции с обычным *-а* чрезвычайно сложны.

Как писал еще М. Решетар, р. п. мн. ч. «вопреки всем попыткам объяснения все еще остается темным местом» (цит. по: [Симић, 2002, с. 11]). «Не может найти приемлемого объяснения появление и обобщение данной флексии *-а* в генитиве мн. ч. существительных всех родов: *јунака*, *села*, *жена*» [Соболев, 1998, с. 132]. Исследованию этого падежа посвящено множество статей, напр. [Гудков, 1987; Николић, 1981; Остојић, 2000; Stankievicz, 1986б], и целая книга Р. Симича [Симић, 2002]. Р. Симич, в частности, констатирует, что появление окончания *-а* обусловлено общими тенденциями развития форм множественного числа существительных. А точнее, в основном двумя: смешением старых деklinационных основ и утратой двойственного числа при смешении форм двойственного числа и множественного. Важной нам представляется и утрата сверхкратких. К сожалению, современному сербскому литературному языку в книге

Р. Симича уделяется мало внимания, главное – его история и диалекты. (Обзор литературы см. [Симић, 2002, с. 11–56].) Поэтому выявить авторскую позицию относительно развития окончаний р. п. мн. ч. и их сегодняшней дистрибуции не удастся.

В. П. Гудков [1987, с. 238] следующим образом подводит итог многолетним разысканиям по данному вопросу:

«1. Если в генитиве мн. ч. сочетание согласных разбивается “непостоянным” *-a*, то автоматически выступает окончание *-a*.

2. Существительные с основой на *зд, жд, ст, шт, шћ, шч* в генитиве мн. ч. регулярно имеют окончание *-a*, но отдельные существительные эпизодически получают и окончание *-и*.

3. Остальные существительные с группой согласных в основе, куда не вставляется “непостоянное” *-a*, оформляют генитиво мн. ч. в екавских и центральноекавских регионах сербскохорватского литературного языка в основном окончанием *-и*, тогда как в западном екавском регионе сосуществуют без определенного преобладания оба возможных окончания генитива мн. ч.».

Формы данного падежа, действительно, чрезвычайно варианты и спорны: необходимо проверять и наличие чередований, и выбор окончаний. Кроме основных правил действует еще целый ряд дополнительных закономерностей семантического, фонетического, традиционного и другого характера. Из-за этого одному грамматическому содержанию нередко соответствует две, а порой и три формы. Для синтеза словоформ следует руководствоваться указаниями В. П. Гудкова, определяя наличие «непостоянного» *-a* по правилам, изложенным в п. 4.2.2. В случае колебаний мы, согласно нашей установке (давать однозначные правила синтеза), ограничиваемся одним вариантом, поддержанным и сербами, и хорватами [Српски језички приручник, 2004, с. 122; Hrvatski jezični savetnik, 1999, с. 86]: при выборе между *-a* и *-и* «предпочтение надо отдать *-a*»; напр., *примедаба, цигала*, а не *примедби, цигли*. Следует повторить, что в современном сербском языке окончание *-и* более активно, с ним начинают употребляться все новые типы существительных. Мы, однако, в качестве основного рассматриваем окончание *-a*, так как экспансия *-и* еще не привела к полному его вытеснению.

Несколько существительных все же имеют окончание *-и*: *хвати, месеци, сати, минути, волти, људи, гради* ‘градусов’ в отличие от *градова* ‘городов’, *пути* ‘раз’ в отличие от *путева* ‘дорог, путей’, *сати* ‘часов (60 минут)’ в отличие от *сатова* ‘часов (хронометр)’.

Некоторые существительные получают окончания *-у*: *ногу, руку, слугу* – обязательно; *очију, ушију, костију, вашију, гостију, прстију* – обычно. Формы *кокошију* // *кокоши*, *ноктију* // *ноката*, *прсију* // *прса* конкурируют.

4.1.4. Адъективное склонение

Принадлежность существительного к адъективному типу склонения означает то, что такое существительное приобретает падежные окончания, свойственные прилагательному. Адъективная парадигма существительных в грамматиках выделяется чрезвычайно редко. Лишь в некоторых из них упоминается особенность фамилий типа *Бугарски* и названий стран типа *Хрватска*, *Шведска* (у них вокатив тождествен номинативу).

Отадъективные существительные остались без внимания потому, что их очень мало. Случаи конверсии редки, «они встречаются в сербскохорватском как исключение» [Buјas, 1972, с. 41]. Если в русском по адъективной схеме изменяется около девятисот существительных, то в сербском, по нашим данным, около пятидесяти, и встречаются они редко.

Это объясняется особенностями словообразовательной системы сербского языка. В ней ведущий способ словообразования – суффиксация, и она не только доминирует, но и «подавляет» все другие способы. Аналогия с наиболее массовыми случаями подталкивает говорящих выбирать типичные модели – аффиксальные. Так, многим русским отадъективным существительным соответствуют либо суффиксальные, либо описательные сербские переводы: *родословная* – *родословље*, *холодная* – *халс/затвор*, *леговая* – *птичар*, *леговый* – *ухода*, *мостовая* – *колник*, *жаркое* – *печење*, *слагаемое* – *сабирак*, *кормчий* – *кормилар /вођа*, *стряпчий* – *судски чиновник*, *половой* – *конобар/слуга* и др.

Сообразуясь с потребностями ситуации, речевого акта, говорящий в качестве предмета сообщения может выбирать любые образования, а значит, практически любая языковая единица (и не только номинативная) способна занять позицию субъекта или объекта (подлежащего или дополнения), которая типична для существительных. Постановка в новую, нехарактерную функционально-синтаксическую позицию, закрепленную обычно за существительным, обуславливает перенос некоторых свойств типичного ее заполнителя на новый, временный, субъект или объект. Ясно, что подобную ocasionальную конверсию, т. е. единичное употребление разных частей речи в роли существительных, найти нетрудно: *Сит гладнومه не верује* 'Сытый голодного не разумеет'; *Идемо сплитским брзим* 'Мы едем сплитским скорым'; *Следеће питање, преосвећени, тиће се вашег професорског посла* 'Следующий вопрос, Ваше преосвященство, касается Вашей преподавательской деятельности' (Интервју: епископ браничевски Игнатије // НИН. 08.01.1998). *Очигледно је да су одбојкаши «плавих» другом победом против Кубе ближи пласману на финални турнир* (Политика. 20.06.2004.) 'Очевидно, что баскетболисты «синих» со второй победой над Кубой приближаются к выходу в финальный турнир';

Аустралијанци, који су пре три дана намучили «**плавe**» на Ташмајдану... јуче су припитомљени (Политика. 20.06.2004.) 'Австралийцев, которые три дня назад поиздевались над «синими» на Ташмайдане... вчера приручили'.

Довольно продуктивна модель образования абстрактных существительных среднего рода от прилагательных с отвлеченным значением: *Мене привлачи фантастично и бизарно; Тражење апсолутног спада у подручје филозофије* (примеры из: [Vuјas, 1972, с. 50]).

В некоторых таких случаях переход завершен, окончания прилагательного утрачены, получены окончания существительного: *добро, добра, добру*, а не *добро, доброг, добром*; так же *зло*. В других сохраняется двойственность: *сухо* 'суша; сухая земля' – *сухом* и *сухим*.

Отдельные подобные слова уже употребляются только как существительные, т. е. в роли определения сами не выступают, но могут его иметь, напр. *мушко, женско*. Другие выполняют обе функции с преобладанием той или иной, т. е. переход здесь не завершен, напр. *драмско (позориште), социјално (осигурање), персонални (референт), јагњеће (печење), предвојничка (обука): отишао сам на предвојничку* 'я отправился на сборы/занятия по военной подготовке'.

Представляется справедливым замечание А. А. Зализняка [2002, с. 197]: «Невозможно, однако, провести строгую границу между случаями, где подобная пара уже сформировалась (т. е. где отадъективное существительное несомненно существует), и случаями, где отадъективное существительное следует считать лишь потенциальным словом». Используя только форму и. п. ед. ч., определить, что́ перед нами – прилагательное или существительное, – нельзя. Поэтому мы вынуждены вновь прибегнуть к списку.

К адъективному типу склонения принадлежат: *бели* 'белогвардеец; «белые» в шахматах', *Бели* 'белый (расовая характеристика)', *велечасни, глувонери, дежурни, дипломски, домаћи, домовој, драга, драмско, женско, зелени* 'защитник окружающей среды', *млада, млади, мобилни, мушко, незапослени, неписмени, одрасли, патролни, персонални, пожарни, посилни, предвојничка, председавајући, преосвећени, преосвештени, слатко, слепи, социјално, стара, стари, сумасишавши, црвени* 'красноармеец', *црни* '«черные» в шахматах», *Црни* 'чернокожий'.

Функцию существительного могут получать и притяжательные местоимения: *Моја је љубоморна* 'Моя ревнива'; *Наши долазе!* 'Наши идут!' [Vuјas, 1972, с. 50].

Для слависта привычно, что окончание *-и* сигнализирует о мн. ч. В данном же склонении *-и* – показатель ед. ч. Этот феномен объясним с помощью концепции Н. В. Котовой, М. Янакиева, о которой уже упоми-

налось в п. 3.2.1. «Поскольку фонема *и* реализуется одновременной контракцией GG и SG (одновременная реализация морфемы агрегативности и морфемы партитивности), представление о “мн. ч.” возникает в случае, когда эпиморфна морфема агрегативности, а представление о “ед. ч.” — когда эпиморфна морфема партитивности» [Котова, Янакиев, 2001, с. 407–408].

Все ли такие существительные появились именно благодаря субстантивации, сказать трудно. Некоторые авторы полагают, что часть их не проходила стадию прилагательного, а сразу функционировала как существительное. Например: «Несомненно, что при таких словах, как *родной, больной, хромой, слепой, глухой* и т. д., слова *человек* никогда и не было» [Пешковский, 2001, с. 136]. Аналогично А. В. Исаченко [1954, с. 235] считал термин *бутербродная* не образованным от прилагательного. Количественных исследований сербского языка на этот предмет, насколько нам известно, не проводилось. Для русского же указывается 119 существительных, склоняющихся по адъективной схеме, но не имеющих омонимичных прилагательных, напр. *разнорабочий* (всего было обследовано около 100 тыс. слов) [Iola, Mustajoki, 1989, с. 17–18].

Ранее мы рассматривали вопрос о счетной форме. Долгие и запутанные дискуссии велись о ней еще и потому, что у нее нет своего особенного выражения: она совпадает с р. п. ед. ч. (*три куће, стола, села* и *без куће, стола, села*). Однако особые окончания находим как раз у отадъективных существительных: *Оба председавајућа изабрана су из групе осталих народа у БиХ* ‘Оба председателя выбраны из группы остальных национальностей Боснии и Герцеговины’ (газ.); но: *без председавајућег, ти председавајући*.

Описание адъективного словоизменения представляет собой самостоятельную проблему и здесь не приводится.

4.1.5. Нулевое склонение

Падеж, склонение — основные, неотъемлемые признаки существительных в сербском языке. Собственно, падеж и в других языках нередко признается одной из главнейших характеристик имени, только тогда порой имеется в виду глубинное (семантическое, ролевое) представление.

Довольно долго считалось, что несклоняемых существительных в сербском языке нет. Такая убежденность основывалась не на системных соображениях, по которым мы, например, утверждаем, что в белорусском языке склоняются все существительные, в том числе и *паліто, метро* тоже склоняются, только по нулевому типу склонения. Или, как справед-

ливо отмечал А. И. Смирницкий [1955, с. 34], в словах типа *метро, депо, такси, бра* «имеется в сущности омонимия ряда различных форм».

Сербской лингвистике такая изошренность была чужда. Просто исследователи не уделяли внимания несклоняемым существительным. Некоторые дискуссии велись о словах *доба* 'время, пора, эпоха, возраст' и *подне* 'полдень'. Сначала они считались неизменяемыми, но затем было обнаружено достаточно противоположных примеров, и сегодня подавляющее большинство языковедов признало их изменяемость, что позволило М. Ивич сделать такое заявление: «Все существительные без исключения склоняются в сербскохорватском» [Ivić, 1963, с. 51]. (Далее в статье под склоняемостью подразумевается именно изменяемость.) Подобные констатации сохранились до настоящего времени: «Имена существительные – это изменяемые слова, которые обозначают какое-либо существо, предмет или явление, понятие в общем, как совокупность свойств» [Станојћих, Поповић, 1999, с. 78].

Ни в грамматиках, ни в специальных статьях о склонении нулевой тип склонения не выделяется [Belić, 1922; Ивич, 1972; Ивић, 1959–1960/1991; Станић, 1993]. И в этом нет большой практической проблемы. Вопрос здесь, скорее, в методологической последовательности, в полноте описания. В сербском языке неизменяемые существительные есть, однако их очень мало (если не считать несклоняемые фамилии женщин на согласный типа *Поповић, Јерков* и др.), их доля в словаре незначительна, а еще меньше их доля в тексте. Для сравнения укажем, что в русских словарях несклоняемых существительных около 700, что составляет около 1,5 % всех существительных, причем среди них такие частые слова, как *ателье, жюри, зам-директора, кафе, кофе, меню, пальто, пианино, хобби, шоссе*.

Известно, что в большинстве славянских языков основная масса неизменяемых существительных – это заимствования. В сербском же языке, как уже отмечалось, заимствования активно адаптируются, включаются в систему словоизменения. К их основам присоединяются обычные падежные окончания (*депоа, кенгуруа, жиријума*) – они изменяются.

Отдельные существительные обладают только функциональной несклоняемостью. Они не изменяются, выступая в форме и. п. ед. ч., когда находятся перед именем собственным: *баба Стана – баба Стане, кир Јања – кир Јањем* [Николић, 1995/96, с. 16]; *Сава изговорио је поуку коју је забележио Доментијан: поука преосвещенога кир (господина) Саве на светоме сабору лавре свете Богородичне Студеничке* (интернет). Не склоняются также некоторые аббревиатуры.

Ниже приводится перечень нарицательных существительных, изменяющихся в сербском языке **по нулевому типу склонения**:

• *леди, миледи, мис, мадам, мисис, мадемоазел, фрау, скво, деци, ефенди, гази, хаџи, чарбаџи, фра, ча* 'дядюшка';

• *оригами, хаику, бакара, форте, мачо, бричес, карго, кошер, ултимом, мерино*;

- *аз-буки 'азбука', верују, верујем, врстелези, нишкористи*;
- названия букв и музыкальных нот, напр. *ге, шча, фа, сол*;
- философские термины *ја, не-ја*.

Члены первой группы близки существительным типа *кир* 'господин': для них также характерно употребление при обращении.

Подобная фиксация неизменяемого обращения наблюдается и в русском языке. В подобных и иных случаях «налицо своеобразное и сравнительно новое единство означаемого и означающего: типичные для языка элементы плана содержания – падежные значения – сочетаются с новыми элементами плана выражения. Своеобразие этих новых единств означаемого и означающего заключается прежде всего в том, что они отличаются весьма сложным переплетением синтетических и аналитических черт» [Русский язык и советское общество, 1968, с. 44].

В то же время и в русском, и в сербском языках перечисленные случаи принадлежат к периферии сербской языковой системы, подобные существительные нередко малопонятны или малоупотребительны. Они вызывают трудности и при включении в высказывание, и при его восприятии. Возможно, говорящий сохраняет их в начальной форме, отказываясь изменять, чтобы гарантировать правильное опознание слушающим. Аналогично в русском, белорусском языках наблюдается тенденция к неизменяемости сравнительно редких слов, ср. : *из города Минска – из города Тронхейм; из Пушкина (из Пушкино), из Болдино (из Болдина) – из Нови-Сада (из Нового Сада), из Трентино, из Осло* и т. д.

4.2. ЧЕРЕДОВАНИЯ

4.2.1. Общие замечания

В настоящем разделе будут рассмотрены чередования, которые наблюдаются у сербских существительных при склонении. Это чередования гласных, согласных, гласных с согласными, гласных с нулем, согласных с нулем. Акцентуационные чередования очень сложны, у исследователей нет единства во взглядах на позиции и обязательность этой группы чередований. В современной речи они не всегда регулярны. Поэтому акцентуационные изменения не описываются.

Некоторые авторы понимают чередование (альтернацию) узко: «замена в слове одной буквы (или нескольких букв) другой буквой (или несколькими буквами), имеющая грамматическое значение» [Волоцкая, Молошная, Николаева, 1964, с. 163]; ср. схожее определение в [Мельчук, 2000, т. 3, с. 42–46].

Утверждается, что морфонологические чередования – это чередования в определенных грамматических позициях, формах, «в тождественных морфемах» [Бернштейн, 1974, с. 13–14]. Из этого, однако, нельзя делать вывод, будто для словоизменения другие чередования (фонетические) неважны. Поскольку образование формы нужно описать полностью, постольку должны быть учтены все типы чередований. Тем более что «границы между различными типами чередований изменчивы и непостоянны» [Бернштейн, 1974, с. 13–14]. Для морфологии существенны не только грамматические, но и автоматические чередования, т. е. все преобразования звукового состава слова, происходящие при словоизменении.

Более правильно вести речь о чередованиях не букв, а фонем или звуков. Именно они имеются в виду. В то же время, как отмечалось в «Предисловии», данное исследование ориентировано преимущественно на письменную форму языка. Возможные недостатки такого выбора, как нам представляется, будут меньшими, чем для русского или белорусского языков, поскольку в сербской орфографии преобладает фонетический принцип правописания и, одновременно, правила чтения указывают на минимальную редукцию гласных и согласных. Таким образом, фонетическая и орфографическая записи оказываются довольно близкими.

Чередования занимают важное место в системе субстантивного словоизменения. «Одной из характерных черт славянских языков является богатство морфонологических чередований» [The Slavonic Languages 1993, с. 7]. В то же время они редко являются единственным средством формообразования, обычно выступая вместе с флексиями. Иными словами, для образования того или иного падежа часто кроме добавления соответствующего окончания нужно еще «подготовить» основу.

«Что касается консонантных альтернатив, то сербскохорватский язык и с географической, и с эволюционной точки зрения находится на перекрестке. В соседнем словенском языке номинативно мн. ч. вовсе не имеет чередований и собственные кайкавские диалекты сербскохорватского языка проявляют сильную тенденцию к такому типу основы: эта тенденция ослабевает по направлению к югу и востоку» [Studies, 1983, с. 130].

Не во всех падежах чередования одинаково часты, многочисленны и регулярны, что обычно обусловлено исторически и семантически. Так, «слияние деклинационных типов послужило импульсом для необыкновенно многочисленных вторичных морфонологических процессов в более маркированных падежах, тогда как формы менее маркированных падежей оставались гораздо более консервативными» [Ivić, 1967, с. 1005].

В ряде случаев условия чередования коротко описать не удастся. Дело в том, что на его наличие или отсутствие влияют факторы разных языковых уровней, здесь еще раз проявляется системность языка, взаимосвязь

всех его единиц. Грамматические, фонетические, морфонологические процессы проходят через своего рода «лексические» фильтры, подтверждая тезис о том, что язык – это система систем.

4.2.2. Регулярные чередования

Чередования, сопровождающие словоизменение существительных, представлены в табл. 4.4; «С» значит «согласный». Применять их далее будем именно в указанной последовательности. Так, например, образуя формы слов *маст*, следует вначале выполнить чередование $\emptyset \rightarrow j$, а затем $t \rightarrow h$. В противном случае просто не возникнет необходимых условий. В то же время для слова *мати* порядок другой: сначала $\emptyset \rightarrow ep$, а затем $\emptyset \rightarrow j$. Иначе если прежде не провести чередование $\emptyset \rightarrow ep$, то основа *мат-*, получив йот, изменится в *маћ-*. Аналогичная ситуация, например, с чередованиями $\emptyset \rightarrow ов$ и *ин* $\rightarrow \emptyset$. Если мы изменим порядок и у слова *Србин* вначале осуществим чередование *ин* $\rightarrow \emptyset$, то получим односложную основу, которая закономерно получит «наращение» *ов* во мн. ч.: *Србин* $\rightarrow$ *Срб-* $\rightarrow$ **Србови*. Такая цепочка неверна, правильная последовательность следующая: *Србин* $\rightarrow$ **Србини* (чередования *ов* нет, так как многосложная основа) $\rightarrow$ *Срби*.

Таблица 4.4

Чередования, возникающие при склонении существительных

1) $a \rightarrow \emptyset$	12) $г, к, х \rightarrow з, ц, с$
2) $a \rightarrow \bar{a} (\emptyset \rightarrow \bar{a})$	13) $з, с \rightarrow ж, ш$
3) $o \rightarrow л$	14) $\emptyset \rightarrow ен$
4) $\emptyset \rightarrow л$	15) $\emptyset \rightarrow ет$
5) $л \rightarrow o$	16) $\emptyset \rightarrow ес$
6) $\emptyset \rightarrow ов$	17) $ин \rightarrow \emptyset$
7) $\emptyset \rightarrow ер$	18) звонкий С $\rightarrow$ глухой С
8) $\emptyset \rightarrow j$	19) глухой С $\rightarrow$ звонкий С
9) $в, м, н, л, б, п, д, т \rightarrow вљ, мљ, нљ, бљ, пљ, ћ, ћ$ (йотация)	20) $д, т \rightarrow \emptyset$
10) $o \rightarrow e$	21) утрата одного из двух одинаковых согласных или гласных
11) $г, к, х, ц \rightarrow ж, ч, ш, ч$	

Рассмотрим содержание и условия проявления этих чередований. Оговорим характер приводимых ниже примеров. Если они указаны для иллюстрации закономерности, то являются именно примерами, т. е. все остальные слова, подпадающие под действие правила, обязательно пре-

терпевают соответствующее чередование. Если же слова указаны как исключения, то они являются не просто примерами, а исчерпывающим списком отклонений. (По крайней мере мы стремились добиться полноты в пределах нашего корпуса.)

1. *a* → *Ø*. Явление известно как «непостоянное *a*», или «беглое *a*». Гласный *a*, содержащийся в номинативе ед. ч. перед нулевым окончанием имен, исчезает в косвенных падежах. Чередования гласных с нулем – характерный признак славянских языков. Они «представлены как в корневых, так и в аффиксальных морфемах» [Бернштейн, 1974, с. 55]. Здесь, однако, трудно добиться простого экономного описания, слишком много нарушений и непоследовательностей.

Чередование проявляется у следующих существительных:

1) *молебан, раван, ован, жрван, пријазан, бојазан, саблазан, бесан, плесан, пљосан, појам, сан, огањ, шуштањ, вепар, ветар, пас, хрбат, лакат, нокат, отац*;

2) у заимствований на *C + a + m*: *субјекат, елеменат*;

3) на *-ao*: *погибао, орао, посао, мисао, смисао*, кроме *као* 'грязь, лужа, трясина', *какао, макао, канао, курасао*;

4) у незаимствованных слов на *-eo*: *вео, део, анђео, пепео, гњетео*.

5) на *C + a + ц*: *жгебац, рубац*; искл.: *мртвац, наћвац, ерзац, лац, палац* 'палец' (но *палац* 'спица' – *паоца*), *јаглац, подлац, куртелац, козлац, плац, маслац, сраслац, светлац, витлац, ковитлац, свитлац, котлац, мангулац, мац, шакмац, јармац, рожнац, казнац, близнац, преснац, теснац, пац, штрапац, ребрац, добрац, мадрац, ведрац, модрац, мудрац, крстац, коштац, слацац, мачац, зденчац, клинчац, звончац, кончац, сунчац, дупчац, лупчац*;

6) с суффиксом *-ак-* (не *-а̋к-*), на *-изам*, на шумный + *a* + сонорный: *почетак, ручак*; *архаизам*; *калибар, ритам*.

2. *a* → *ā* (*Ø* → *ā*). Чередование осуществляется перед окончанием *-a* в р. п. мн. ч. Данное чередование – одно из самых нерегулярных. Особенно велики колебания у имен ж. р. с консонантными группами в исходе основы [Славянская морфонология, 1987, с. 186]. Это вызвано наличием конкуренции двух флексий *-a* и *-и*: перед *-и* чередование запрещено. «Наличие или отсутствие чередования *Ø* → *a* перед флексией р. мн. *-ā* зависит от характера консонантной группы в исходе основы, числа слогов в слове, от значения слова, его частотности и освоенности в лексической системе. Однако все эти признаки могут быть более или менее значимыми, но ни один из них не предопределяет с безусловностью наличия или отсутствия чередования» [Славянская морфонология, 1987, с. 186]. Ср. обсуждение окончаний р. п. мн. ч. в п. 4.1.3.

Итак, рассматриваемое чередование проявляется у существительных:

- имеющих чередование $a \rightarrow \emptyset$;
- ж. р. на $C + \kappa$: *коцка, мачка, мајка* (наряду (и даже чаще) с ожидаемым *мајака* употребляется *мајки*) и др.; но: род. п. мн. ч. *хумки, сијамки, замки, станки, црнки, купки, Црногорки* (и др. этнонимы); *војски, твртки, вотки*;
- на $C +$ сонорный (кроме *бл, јл, рл*): *катедра, буква, усне, метла*, но *бодља*; из Cn только *сн*: *басана*, но *рерни, јакни*; из $Cъ$ только *гъ, шъ* (кроме *трешња* 'тряска', *тишња, ношња, прошња, потрошња, кушња, шушња*): *лигања, вишања*; из Cm только *зм, см, чм*: *клизама, песама, кичама*; $Cв$ (кроме *рв*): *тикава, цркава*, но *конзерви, курви*;
- ж. р. на *дб, џб, жб, нт, рт*: *примедба, наруџба, компонента, карта* и др.; но *вежби* без чередования;
- ср. р. с суффиксами *-џ-(е)* (кроме *лишце – лишица, ошце – ошца*), *-анџ-(е), -енџ-(е), -ств-(о), -штв-(о)*; но *-аиџ-(е), -еиџ-(е), -ишт-(е), -ј-(е)/-љ-(е)* без чередования;
- ср. р. на группу шумный + сонорный (в слове *рондо* чередования нет): *тло – тала, друштво – друштава* и др.;
- *овца, наранџа, наранча, балча, клупко*.

3. $o \rightarrow л^1$. Это чередование происходит в косвенных падежах существительных м. и ж. р. на *-ао, -ео, -уо* перед ненулевым окончанием: *погибао, орао, посао, мисао, смисао* и др.; кроме *као* 'грязь, лужа, трясина', *какао, макао, курасао, видео, родео, стерео, лениуо, качуо*.

4. $-\emptyset \rightarrow л$. Это чередование происходит в косвенных падежах следующих существительных м. р.: *во, ђаво, биво, до, соко, сто, престо, продо, расо*, а также в р. п. мн. ч. существительных ср. р. на *-оце*: *огледаоце – огледалаца, гроце – грлаца* и др. – и у существительного ж. р. *со*: р. п. ед. ч. *соли* и т. д.

5. $л \rightarrow o$. Это чередование происходит в косвенных падежах, кроме р. п. мн. ч., отглагольных существительных м. р. на *-лац*²: *читалац – чи-*

¹ Это и следующее чередования обычно не выделяются, слова, где они происходят, рассматриваются в рамках чередования $л \rightarrow o$. Действительно, мы заменяем *o* на *л* в слове *предео*, так как в конце XIV – начале XV в. *л* в одной позиции (в конце слога) заменялось на *o*, образуя иногда *o* долгое, в других – сохранялось. Сейчас, по нашему мнению, наблюдаются т р и чередования: $л \rightarrow o$ (*читалац – читаоца*), $o \rightarrow л$ (*предео – предела*) и $\emptyset \rightarrow л$ (*во – вола*).

² Нередко отмечается, что такие имена обозначают субъект действия. Этот факт мы использовать не станем, так как по возможности избегаем обращаться к лексическому значению. Да оно и не нужно: все отглагольные существительные на *-лац* обозначают деятеля.

таоца и др.; кроме¹ *прегалац, ткалац, неваљалац, зналац, усталац, земљоделац, погорелац, прелац, стрелац*². У неотглагольных – чередования нет: *пчелац* – зв. п. ед. ч. *пчелче!* 'трутень', и. пад. ин. ч. *телац* – *телци* '1) теленок; 2) дурень'. Омоформы (совпадение в и. п. ед. ч., различие при склонении): *Палац* 'большой палец' – р. п. ед. ч. *палца, палац* 'спица на колесе' – р. п. ед. ч. *паоца*.

6. $\emptyset \rightarrow ов$. Данное чередование – одно из самых сложных и непоследовательных. Утверждается, что «слог *-ов-*, соотв. *-ев-*, перед окончанием мн. ч. получают прежде всего односложные существительные м. р. на согласный, и делают это они почти все. От существительного *брод* мн. ч. *бродови*, от *бод* – *бодови...*» [Стевановић, 1981, с. 200–201].

Далее профессор М. Стеванович приводит разного рода исключения – мы к ним обратимся ниже, а пока рассмотрим, что такое «односложное существительное». Можно предположить, что это существительное, состоящее только из одного слога. Но ведь большинство славянских окончаний косвенных падежей обязательно содержат гласную, значит, видимо, часть слова без окончания должна быть неслоговой? В сербском таких слов мало, и ведут они себя по-разному: и. п. *нас*, р. п. *пса*, и. п. мн. ч. *пси* без *-ов-*, *сан*, р. п. *сна*, и. п. мн. ч. *снови*, *шав*, р. п. *шава*, и. п. мн. ч. *шавови*. Вдобавок в р. п. мн. ч. происходит описанное выше чередование $\emptyset \rightarrow а$, получается двусложное *паса*.

Возможно, имеются в виду существительные с односложной основой ед. ч., напр., *син* – *сина*, *град* – *града*? У них действительно находим закономерное *синови* и *градови*. Не забудем тогда отнести к односложным и существительные с беглым *-а*: в номинативе у них двусложные основы, но в косвенных падежах односложные: *орао* – *орла* – *орлови*, *чешаль* – *чешља* – *чешљеви*. Тогда переформулируем правило: «Чередование $\emptyset \rightarrow -ов-$ происходит во мн. ч. у существительных мужского рода на согласный с односложной основой».

Здесь мы, однако, сталкиваемся с нарушениями двоякого рода. Некоторые имена с односложной основой не знают чередования: *дан* – *дани*, *јард* – *јарди*. Некоторые имена с многосложной основой, наоборот, получают: *галеб* – *галебови*, *лимун* – *лимунови*. Одни слова с беглым *а*

¹Отсутствие чередования часто связано с наличием долгого восходящего ударения на слоге перед финалью *-лац*. Однако в нашей модели мы стремимся минимально опираться на акцентные характеристики, поэтому этот признак не считается критерием для осуществления чередования.

²В современной разговорной речи и диалектах употребляются унифицированные основы, т. е. без *ла*, и в номинативе ед. ч. (*ствараоц, слушаоц*, вм. *стваралац, слуша-лац*), и в генитиве мн. ч. (*ствараоца, слушаоца*, вм. *стваралаца, слушалаца*). Формы и. п. и род. п. без *л* неверны.

расширяют основу (*петао – петлови, посао – послови*), другие – нет (*старац – старци, центар – центри*). Во многих случаях допустимы два (или даже три) варианта (*брк – бркови//брци, зрак – зракови//зраци, млаз – млази//млазеви//млазови*). Отметим, что присоединение приставки или второй основы к односложному существительному не влияет на это чередование: *прадедови, чукундедови, видеофилмови* так же, как *дедови, филмови* (но *шах, шахови – падишах, падишаси*).

Итак, простота правила кажущаяся, за ней скрывается много исключений. Это привело даже к такому курьезному «обратному» определению: «“Односложные” – в данном случае условное название для существительных, принимающих во множественном числе *-ов-/-ев-*. “Многосложные” – все остальные» [Цивьян, 1965, с. 59]. Конечно, подобный порочный круг трудно рекомендовать для описания, однако исчерпывающе правильным будет, похоже, только списочное задание части слов. А это, понятно, тоже неудовлетворительное описание, так как оно неэкономно. Более того, построение полного перечня вообще проблематично: в начале прошлого столетия А. Белич указывал, что никакой закономерности еще не сформировалось, она – в будущем [Belić, 1922, с. 77]. Однако и в конце XX века, по словам Д. Витаса, занимающегося компьютеризацией сербской лексикографии и грамматики, точно выделить слова с этим чередованием нельзя, списки имеют открытый характер [Vitas, 1993, с. 84].

Попытаемся перечислить исключения максимально коротко. «Расширение основы через *-ов- // -ев-* в мн. числе не происходит у значительно-го числа существительных, прежде всего у тех, множественное число которых употребляется чаще, чем единственное» [Ивич, 1972, с. 113]. Обычно нет чередования и у существительных на шумный + сонорный:

1) *Власи, Грци, Кучи, Пруси, Руси, Саси, Чеси, Баски, Турци, Франци* и т. д.;

2) *вођи, гости, суци, ћаци, жреци, псари, момци, барди, жбири, јоги, маги, преци, лари, ловци, ћавли, ткаћи, дуси;*

3) *коњи, мрави, црви, псићи, птићи, коки, пси;*

4) *власи, зуби, нокти, прсти, гени, нерви, бронхи;*

5) *дани, ари, вати, волти, ерги, инчи, јарди, јони, хвати, метри, морфи;*

6) *злоти, јени, леји, леки, шкуди, центи;*

7) *јади, кекси, кифли, кнедли, меци, спектри, списи, иницили.*

Односложные существительные с беглым *а* в суффиксах *-ац-, -ак-* чаще не расширяют основу: *белци, глумци, ланци, чланци, венци, врапци, писци;* но *вишкови, ручкови, точкови, трошкови, ћошкови;* с беглым *а* и другим согласным чаще расширяют: *лактови, дрозгови, вепрови, витлови, рогљеви, овнови, дојмови, сајмови.*

7. $\emptyset \rightarrow ep$. Чередование сохранилось во всех в косвенных падежах существительных *кћи, мати* (кроме зв. п. ед. ч.), *вече* (кроме в.-зв. ед. ч.): *кћери, матере, вечере*.

8. $\emptyset \rightarrow j$. Это и следующее чередования связаны с сонорным *j*. В силу своей природы этот звук во всех славянских языках требует внимательного отношения. А. Белич так это характеризовал: «В его¹ написании существует больше всего условного и неправильного» [Белић, 1968/2000, с. 81]. «...Нет ни одного звука в нашем языке, – уточнял позже М. Стеванович, – с которым было бы связано столько звуковых процессов и изменений, как с согласным *j*» [Стевановић, 1981, с. 139].

Чередование $\emptyset \rightarrow j$ рекомендуется после *-и* перед окончанием:

- у существительных на *-и* м. р. с нулевым окончанием (*жири, харакири*) во всех падежах: *жирија, харакиријем* и др.;
- у немногочисленных существительных м. р. на *-ио* (*радио, импресарио* и др.) во всех падежах не перед *-о*, т. е. не в и. п. и не в тв. п.: *радија, импресарији*, но *радиом, импресариом*;
- у существительных женского рода на твердый согласный или на *-о* перед окончанием тв. п. *-у*: *стварју, дивљачју, мишљу* и др.

9. *в, м, н, л, б, п, д, т + j \rightarrow вљ, мљ, њ, љ, бљ, пљ, ђ, ћ* (йотация). Это историческое чередование хорошо сохранилось, оно обязательно: *крв – крвљу, смрт – смрћу*. В склонении находим его в тв. п. ед. ч. ж. р.

Поскольку суффикс *-j-* участвует в образовании новых слов с собирательным значением, то и там есть эта йотация (*цвет – цвеће*). Однако, как было указано ранее, собирательные формы мы выводим за пределы словоизменения и потому здесь не анализируем; о чередовании в них см.: [Стакић, 2002, с. 45–80].

10. $\emptyset \rightarrow e$. Чередование происходит не в пределах парадигмы одного слова, а в расширителе мн. ч. (*ветрови – очеви*) по правилу: после мягких *-ев-*, после твердых *-ов-*. Но: *цареви, путеви*², *кутеви*³. Иными словами,

¹ Имеется в виду *j*.

² *Пут* – любимое слово орфографов. По поводу условий выбора *путем/путем, путови/путеви* прошло немало дискуссий. Авторы последнего сербского правописания не рискнули указать какую бы то ни было форму и. п. мн. ч. [Правопис, 1995, с. 283], хотя обычно ее приводят, напр., при словах *вук* ‘волк’ [Там же, с. 190] или *врач* ‘знахарь; чародей; колдун; предсказатель’ [Там же, с. 188] и даже *вотка* ‘водка’ [Там же]. Выбрав *путеви*, мы следуем за справочником [Српски језички приручник, 2004, с. 122]: «форма *путови* сегодня ощущается как устаревшая или хорватская».

³ В работе «Славянская морфонология» [1987, с. 194] упомянуто еще одно существительное на *-т* с наращением *-ев-* – *шутеви*, однако и «Српски језички приручник» [2004, с. 122], и «Правопис српскога језика» [1995, с. 325] рекомендуют *шутови* (что и логично после твердого *т*), критикуя форму *шутеви*.

это не чередование в пределах одной парадигмы: просто некоторые слова получают вариант *-ов-*, другие – *-ев-*. Много колебаний наблюдалось у существительных на *з, с, ц*: некоторые употреблялись преимущественно с «наращением» *-ов-*, некоторые с *-ев-*, третьи параллельно, о четвертых единого мнения у лингвистов не было (*млаз, мраз, појас, крос, бас* и др.). Сегодня повсеместно укрепились «наращение» *-ов-* [Српски језик, 1996, с. 115; Hrvatski jezični savetnik, 1999, с. 139–141] с несколькими традиционными исключениями: *појасеви, носеви, курсеви, плацеви*.

Вторая позиция проявления данного чередования – это тв. п. ед. ч. существительных м. и ср. р. (*ветром – оцем, оком – пољем*). В первом приближении условием для такой замены стоит считать наличие предшествующей мягкой согласной. В этом проявляется несовпадение с женским родом, где мягкое склонение полностью ликвидировано и *-ом* употребляется всегда: и после твердых, и после мягких (*зимом, књигом, машом, кухињом*).

Указанная закономерность имеет, однако, довольно много отклонений. Они обусловлены лексическим значением, фонетической диссимилятивной тенденцией, историей языка, традиционной приверженностью к тем или иным формам и др.

Для системного выбора окончания существительного м. р. в тв. п. ед. ч. можно использовать схему на рис. 4.2.

Часть существительных в и. п. ед. ч. имеет окончание *-е*, однако не все они приобретают окончание *-ем*. У существительных среднего рода, расширяющих основу при склонении (типа *име, дугме*), выступает гласная *о* (*именом, дугметом*), у остальных – гласная именительного падежа (*море – морем, небо – небом*).

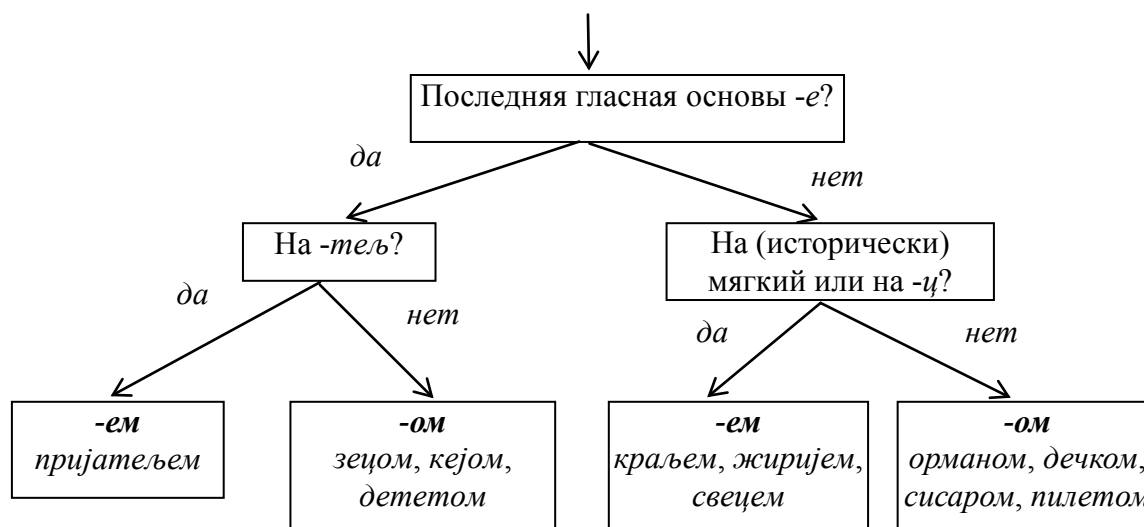

Рис. 4.2. Выбор окончания *-ом* или *-ем* в тв. п. ед. ч.

Исключения: *царем* (это слово приводится с окончанием -ем у всех известных нам авторов, кроме П. Ивича, который считает равноправной и форму *царом* [Ивић, 1972, с. 112]), *путем*¹; ласкательные на -о, -е типа *бралем, вујом, бајом*; новые заимствования *тиражом, стажом, детаљом, шпицом, блицом, филцом, кибуцом, ерзацом, принцом, апашом, каучом, бенцом* и др.

В диалектах в тв. п. наблюдается экспансия окончания -ом за счет окончания -ем не только у слов ж. р., как в литературном языке, но и у слов м. р. и ср. р. [Радовић-Тешић, 1999, с. 105]. Это свидетельствует о том, что различие между твердым и мягким склонением продолжает уменьшаться.

11. *г, к, х, џ → ж, ч, ш, ч*. Позиция: перед флексией -е зв. ф. в м. р. ед. ч. : *друг – дружже, старац – старче*. Чередование *џ → ч* происходит также в м. р. мн. ч. перед -ев-: *зеџ – зечеви, стриџ – стричеви*².

12. *г, к, х → з, џ, с*. Позиция 1: существительные м. р. в и., тв., п. п. мн. ч., существительные ср. р. в тв., п. п. мн. ч. перед -и: *Грци, белезима, Чесима, блазима*. Искл. : *динги, маги, Баски, Оски, Пелазги, Сики, јоги, бронхи, дечки*.

Позиция 2: существительные ж. морф. р. в п. п. ед. ч. перед -и. В этой позиции чередование менее регулярно, чем в предыдущей, «точных правил нет» [Српски језички приручник, 2004, с. 119], «датив и локатив ед. ч. существительных ж. р. на а с основами на к, г или х непрясны» [Станић, 1993, с. 19], много лексических, морфонологических, этимологических и других отклоняющих факторов. Рассматриваемая палатализация ранее была обязательна, однако сегодня это «больше исключение, чем правило» [Hrvatski jezični savetnik, 1999, с. 34]. В данном пункте нам пришлось, к сожалению, значительно опереться на неформальные соображения и отказать от желаемой исчерпывающей полноты. Существительные – названия лиц, как правило, сохраняют задненебные: *Босанки, Београђанки, Балканки, библиотекарки, чедоморки, пасторки; маћехи, снахи; аги, бабароги*. Искл.: *девојци, мајци, свастичи, унуци, супрузи, владици, пепељузи*; но *Пепељуга – Пепељуги* (имя персонажа).

¹Выше отмечалась спорность форм *путеви // путови*. Такая же широкая дискуссия велась и по поводу творительного падежа этого слова: *путем // путом*; см.: [Стевановић, 1981, с. 197–198; Лалевић, 1979, с. 114; Hrvatski jezični savetnik, 1999, с. 139–140; Попова, 1986, с. 67; Славянская морфонология, 1987, с. 192; Леонова, 1988, с. 28; Гудков, 1989 и др.]. В качестве критерия предлагалась разница в значении, наличие предлога, степень адвербиализованности, принадлежность к западному или восточному региону и пр. Остановившись на форме *путем*, мы придерживаемся справочника «Српски језички приручник» [2004, с. 121].

²Звук *џ* здесь возник на месте **k*, поэтому можно было бы не выделять отдельно чередование *џ → ч*. Оно, тем не менее, указано для большей наглядности.

Рассмотрим неличные существительные с основой на задненебный. «Наиболее многочисленную группу составляют существительные с финалью *-ка* – всего около 3 тысяч слов» [Славянская морфонология, 1987, с. 195].

«Двусложные существительные, в которых перед *-к-* стоит гласный, в отношении чередования *к//ц* бессистемно неединообразны» [Гудков, 1988б, с. 45]. У многосложных чередование регулярно: *азбуци, кашици, фиоци*. Искл.: *мусаки*.

У существительных с согласным перед *-ка* колебаний еще больше. Наличие чередования часто зависит от предшествующего согласного.

Основы на *чк, ħк, цк, тк* не знают чередования: *алатки, кучки, мачки, коцки, воħки*. Искл.: *љуляшка – љуляшци* (дублет: *љулячка – љулячци*).

Остальные основы в своем большинстве претерпевают чередование: *колевка – колевци, бајка – бајци, алка – алци, булка – булци, болька – больци, снимка – снимци, банка – банци, зипка – зипци, барка – барци, војска – војсци, белешка – белешци*. Искл.: *пловки, сименталки, нарицаљки, симки, бенки, женки, канаринки, мандаринки, бисерки, зверки, марки, црвенперки, ласки, паски, кокошки, шишки*.

Существительных ж. р. на *-г(а), -х(а)* около 300. В этом чередовании они непоследовательны. Влияют звуковая структура и происхождение слова. Существительные с исходом на согласный + *га* сохраняют основу: *алги, фаланги* (искл.: *кавзи*¹). Существительные с исходом на гласный + *га* изменяют основу: *истрази, слози*. Чередования нет у заимствований и периферийной лексики (*анчуги, вуги, доги, дроги, други, дуги, еклоги, затеги, интриги, ичаги, јоги, кациги, каштиги, кечиги, колеги, куги, лиги, малаги, омеги, папиги, пегги, раги, реги, роги, саги, синагоги, сиги, стоги, стоноги, тојаги, траги, фуги, цоги, шпаги, шпароги, шуги*).

Чередование *х → с* почти уже не происходит, его находим только в следующих примерах: *оврси, одуси, сврси* [Гудков, 1988б, с. 50]. Авторы книги «Hrvatski jezični savetnik» [1999, с. 34] чередование *х → с* вообще рекомендуют только в одном слове: *svrha – svrsi*.

Иногда, как отмечалось выше, радикальное влияние оказывает семантический фактор: «...шесторка имеет чередование, если речь идет о неодушевленных предметах, и не имеет чередования, если речь идет об одушевленных объектах счета» [Славянская морфонология, 1987, с. 196], аналогично *драга – драги* 'дорогая, возлюбленная'², но *дрази* 'залив, уще-

¹ В 1980-е гг. В. П. Гудков отмечал, что «...факты из писательской практики свидетельствуют, однако, о факультативности чередования» [Гудков, 1988б с. 49]. По нашим наблюдениям, тенденция к сохранению *г* сегодня усиливается.

² В этом значении возможно и адъективное склонение: *драгој*.

лье', *Бачванка* – *Бачванки* 'жительница Бачвы', но *бачванци* 'народный танец'.

13. *з, с* → *ж, ш* перед палатальными: *маст* – *маишћу* и др.

14. *-Ø* → *ен*. Мена происходит во всех падежах, кроме и.- в.- зв. п. ед. ч., у существительных *бреме, виме, време, име, племе, раме, семе, слеме, теме* и производных от них (*невреме, презиме* и др.): *имена, семеном*.

15. *-Ø* → *ет*. Мена происходит во всех падежах, кроме и.- в.- зв. п. ед. ч., у существительных ср. р., оканчивающихся в и. п. ед. ч. на твердый согласный + *е*: *детета, кубета, дугмета, мачета, шиљежета*. Так же и *сирће – сирћета, јање – јањета*¹.

Исключения: названия букв; перечисленные в пункте 14 слова с чередованием *-е/-ен*; существительные на *ит*, напр. *гледииште, земљиште; ложе, финале, тле, подне, моаре, море, лице, сунце, ливаче*.

В ед. ч. существительные с суффиксом *-це-* (*дрвце, крилце*), а также *јаје, дерииште, псето, стакло, уво* «наращение» получают факультативно: *јаја // јајета, дрвца // дрвцета*. Во мн. ч. этого чередования у них нет. Во мн. ч. нет чередования и у одушевленных типа *пиле* (см. п. 3.2.4).

У слова *дрво* в ед. ч. это чередование обязательно (*дрвету*), а во мн. ч. – только при использовании в значении 'растение, отдельное дерево' (*прићи високим дрветима* 'подойти к высоким деревьям'), иначе – *дрва* (*тешко је брзо наложити ватру влажним дрвима* 'трудно быстро разжечь костер сырыми дровами').

16. *-Ø* → *ес*. Чередование сохранилось только у существительных *небо, тело, чудо* во мн. ч.: *небеса, телесима, чудеса*. Высказывались различные мнения об условиях и обязательности этого чередования, см., напр.: [Belić, 1922, с. 71; Гудков, 1969; Николић, 2001; Ивић, 1972, с. 118; Killian, 1968, с. 248; Стевановић, 1981, с. 227–228; Mrazović, Vukadinović, 1990, с. 229; Станојћих, Поповић, 1999, с. 87; Лалевић, 1979, с. 102; Славянская морфонология, 1987, с. 200–201; Леонова, 1988, с. 32; Попова, 1986, с. 66; Сербскохорватско-русский словарь, 1970, с. 701] и др. Мы принимаем точку зрения П. Ивича: формы *небеса, телеса, чудеса* отличаются «специфическими экспрессивными оттенками значения» и факультативны [Ивич, 1972, с. 118]. Иными словами, будем считать это чередование необязательным.

17. *ин* → *-Ø*. Традиционно условия проведения этого чередования формулируются так: «Существительные на *-ин*, обычно означающие занятие, этническую, социальную или региональную принадлежность, в и. п. ед. ч.

¹ У существительных мужского рода *Миле, Раде, Дуле* и т. п. возможен вариант с чередованием и без него: *Мила//Милета, Рада//Радета, Дула//Дулета* и т. п.

теряют этот суффикс во мн. ч., напр.: *чобан-ин* – *чобан-и*, *грађан-ин* – *грађан-и*, *Срб-ин* – *Срб-и*, *Ирачан-ин* – *Ирачан-и...*» [Mrazović, Vukadinović, 1990, с. 223]. Как и ранее, мы хотели бы не обращаться дополнительно к значению и не вводить новый семантический признак («обычно означающие занятие, этническую, социальную или региональную принадлежность»). Достаточно воспользоваться признаком одушевленности (чтобы исключить, напр., неодушевленное *бензин* 'бензин') и констатировать наличие суффикса (чтобы исключить, напр., одушевленное *мујезин* 'муэдзин').

Искл.: *властелин*¹, *гончин*, *господин*, *госпин*, *Грузин*, *домаћин*, *радин*, *земљорадин*, *Јелин*, *Латин*, *пелин*, *Русин*, *туђин*.

18. **звонкий С → глухой С**. Чередование автоматическое. Позиция 1: ассимиляция по глухости; звонкие всегда переходят в глухие, когда при склонении оказываются перед другими глухими: *редак* – *ретка*, *полазак* – *поласка*, *безбожац* – *безбошца*. Позиция 2: р. п. мн. ч., где восстанавливается корневая согласная: *једнаџба* → *једначаба* (от *једначити*).

19. **глухой С → звонкий С**. Позиция 1: р. п. мн. ч., где при вставке *а* восстанавливаются корневые звонкие: *приповетка* – *приповедака* (от *приповедати*), *опаска* – *опазака* (от *пазити*), *белешка* – *бележака* (от *бележити*), *клуџко* – *клубака*. Позиция 2: только у трех слов: *брезак* – *брезга*, *дрозак* – *дрозга*, *мозак* – *мозга*.

20. **д, т → ѿ**. В комбинации *з (с, ж, ш) + д (т) + б (к, л, љ, м, н, њ)*: *напрстак* – *напрска* – и перед аффрикатами (*судац* – *суца*, *отац* – *оче*)². Но: *заљуштак* – *заљуштка*.

21. **Утрата одного из двух одинаковых гласных**. В сербском языке сочетания одинаковых звуков недопустимы, поэтому происходит регулярное упрощение: *беззвучни* (от **беззвучни*), *шездесет* (от **шестдесет*); исключение – образование степеней сравнения и сложных слов: *најјачи*, *црноок*). Если в словообразовании повсеместно происходит упрощение консонантных групп, то в словоизменении мы имеем дело только с преобразованием вокальных, и то в редких случаях типа *радио* – *радио+ом* – *радио³*.

В словах типа *депо* – *депоом* упрощения нет, так как первый *-о* долгий, а значит, звуки разные.

¹ Ранее слово *властелин* 'аристократ, дворянин, феодал' было отнесено к *singularia tantum*, так как для обозначения множества используется собирательное *властела*. Однако встречаются и формы мн. ч. *властелини*. Более того, Г. Корбетт считает, что «*господа* и *властела* могут, скорее, относиться к классу, чем к индивидуумам, и это влияет на возможность согласования» [Corbett, 1983, с. 92]. Тогда, стало быть, раздельному множеству соответствует форма *властелини*.

² В хорватском языке сочетания *dc*, *tc* сохраняются: *sudci*, *letci*, *patci*.

³ В других падежах у этого слова появляется *j*, см. выше чередование 8 (*Ø* → *j*).

4.2.3. Особые случаи

Распространенность перечисленных выше чередований в языке различна: одни автоматичны, другие нерегулярны, одни встречаются довольно часто, другие – редко. Поскольку же мы ограничились только словоизменением существительных, исключив словоизменение других частей речи и словообразование, сфера их проявления сужается еще больше.

Заметим, что сегодня, «возможно, как следствие диалектной дифференциации или общей тенденции в развитии и многие старые слова, и многие новые или заимствованные избегают альтернатив или проявляют их лишь как возможный вариант сербского (соотв. хорватского) стандарта. Так, в именительном падеже единственного числа, наряду с нормальными чередованиями *јунак – јунаци*, зафиксированы формы типа *дечко – дечки*, *цуцак – цуцки*, *Баск – Баски*, *ерг – ерги*. Часто формы на *-и* избегаются и заменяются длинными формами множественного числа, напр. *итрајк – итрајкови*, *шах – шахови* (но *падишах – падишаси*), *жиг – жигови*. Очень часто избегают чередования велляр//альвеолар в вокативе, заменяя в таких случаях вокативное окончание *-е* на *-у*, а именно: *херцегу*, *ризику*, *цуцку*, *Баску*. Колебаний очень много. Ни один сербскохорватский словарь или справочник не кодифицирует эти случаи системно» [Studies, 1983, с. 130–131].

У следующих слов наблюдаются особенности образования форм.

Мн. ч.: *мунго(с) – мунгоси*, *динго(с) – дингоси*, *кабальеро(с) – кабальероси*; *Турчин – Турци*, *Турака* и т. д.; *човек – људи*, *нечовек – нељуди*; *ауто – аутомобили* (редко *аути* или *аута*), *радио – радио-апарати* (редко *радији*).

Р. п. мн.ч.: *бресква – бресака*.

Зв. п. ед. ч.: *Арбанас – Арбанаше*, *кнез – кнеже*, *витез – витеже*, *маркиз – маркиже*.

Р. п. мн. ч. без расширения: *гроша*, *лаката*, *пари*, *пута* 'раз' (два *пута* 'два раза') – при чередовании в остальных падежах мн. ч.: *грошеви*, *лактови*.

Горячая полемика велась по поводу форм множественного числа слов *акт*, *фак(а)т*, *докумен(а)т* [Gudkov, 1964; Nametak, 1964; Лалевих, 1979; Стеванових, 1981 и др.]. Сегодня формы *акта*, *факта*, *документа* отвергнуты нормативистами в пользу *акти*, *факти*, *документи*, хотя еще употребляются. Однако оставлена и форма *актови* в терминологическом значении 'изображения обнаженного человеческого тела'. Формы на *-и*, хотя и более стандартны (обычный мужской род), все же остаются нетипичными: ведь слова *акт* и *факт* односложны, а значит, должны были бы во множественном числе испытать чередование: *актови*, *фактови*. Этого пока нет.

Слово *подне* при склонении получает вставку *-ев-*: *овог поднева* и т. д.

Слово *Христос* теряет *ос* при склонении: *Христа*, *Христу* и т. д.

Существительные *око*, *ухо* имеют нестандартное мн. ч. (*очи*, *уши*) только в прямом значении органа чувства. В других случаях употребляется стандартное для с. р. индоевропейское окончание и. п. мн. ч. *-а*: *ока на мрежи* 'ячейки сети', *ока кромтира* 'картофельные глазки', *уха на ланцу* 'звенья цепи' и др.

В некоторых случаях употребление или неупотребление *-ов-* во мн. ч. связано со значением: *сат*, *сати* '60 минут' – *сат*, *сатови* 'хронометры'; *зуб*, *зуби* 'зубы' – *зуб*, *зубови* 'зубья, зубцы'; *град*, *гради* 'градусы' – *град*, *градови* 'города'; *пар*, *парови* 'пара особ противоположного пола' – *пар*, *пари* 'пара (два или несколько любых объектов)'; *палац*, *палци* 'большие пальцы' – *палац*, *паоци* 'спицы; лопасти'; *отац*, *оци* 'отцы' (переносное; ограничено стилистически и фразеологически связано: *градски оци*, *оци нације* и т. п.) – *отац*, *очеви* 'отцы' (в буквальном смысле).

Как было указано выше, слово *вече* ср. р. признается *singularia tantum*. Для передачи множества используются формы ж. р. от *вечер*: и. п. *вечери*, тв. п. *вечерима* и т. д. Вообще же в художественной литературе, словарях и грамматиках находим формы и м. р., правда, встречаются они почти только в составе приветствия *Добар вечер!*¹. На основании работы [Гудков, 1998] и анализа реального употребления складывается такая совокупность (табл. 4.5).

Как видим, в единственном числе возможны формы и м., и ж., и ср. р. Во множественном более часто употребляется ж. р. Симптоматично появление форм мужского согласовательного класса во мн. ч. (*добри*). И здесь ликвидируется асимметрия между мужским (консонантным) завершением – и следовательно, мужским же морфологическим родом – и женским согласовательным классом.

Таблица 4.5

Функциональная парадигма существительного *вече*(р)

Падеж	Единственное число	Множественное число
И. - В. - Зв.	<i>добар вечер</i> , <i>добар вече</i> , <i>добро вече</i> , <i>добра вече</i> , <i>добра вечер</i>	<i>добри вечери</i> , <i>добре вечери</i>
Р.	<i>доброг вечера</i> , <i>добре вечери</i>	<i>добрих вечери</i>
Т.	<i>добрим вечером</i> , <i>доброј вечери</i>	<i>добрим вечерима</i>
П.	<i>добром вечеру</i> , <i>доброј вечери</i>	<i>добрим вечерима</i>

¹Ср. примеры из сборника Вука Караджича «Српске народне приповијетке» (Вена, 1853): *И она се склони за врата, али ето ти сунца, па назвавши матери добар вече, рече јој...* («Опет змија младожења»); *Човек онај ушавши у кућу, назове домаћину: «Добар вече!»* («Усуд»); *Примакну се они близу и назову: «Добар вече, има ли то тамо?»* («Дивљан»).

Варианты типа *отац* – *оци/очеви* – это еще одно проявление фундаментальной языковой асимметрии между планом выражения и планом содержания. Слова, совпадающие в плане выражения, могут иметь мало общего в значении (*палац* ‘1. большой палец. 2. спица в колесе’ – *палци* ‘большие пальцы’, *паоци* ‘спицы в колесе’), а близость значений может сопровождаться разницей в форме (*човек* – *људи*).

4.3. ПОСТРОЕНИЕ СУБСТАНТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

При разработке модели мы стараемся последовательно придерживаться потребностей синтеза, т. е. стоим на позиции говорящего. «Задача собственно морфологического описания сводится при таком подходе к установлению соответствий между глубинно-морфологическим («морфолексемным») представлением словоформ и их фонетической (или графической) репрезентацией» [Булыгина, 1977, с. 16]. Практически это значит, что допускается некоторое упрощение, пренебрежение нерегулярными вариантами для большей простоты модели. Тогда наша модель будет не эквивалентна языку, а имманентна ему. Иными словами, она будет порождать не все единицы языка, однако все единицы, порождаемые ею, будут принадлежать языку. Останутся единицы, не выводимые по предложенным правилам и тем не менее верные, принадлежащие системе сербского языка. Таким образом, руководствуясь нашими правилами, не всегда можно сказать, что некоторая форма ошибочна, однако по нашим правилам всегда строятся верные формы.

При образовании форм возможны сомнения: существует ли такая форма в действительности? Может ли быть, например, слово *конзерва* в вокативе или *превозарина* в генитиве множественного числа? Обследование реального употребления предпринималось, но в центре внимания нашей работы находится образование форм, а не проверка фраз на существование. Как справедливо отмечал В. В. Мартынов, «грамматические категории, поскольку они связаны с формальными структурами конкретных языков, по необходимости также формальны, и их разнообразие во многом определяется разнообразием самих языков» [Мартынов, 1982, с. 176–177].

В этой связи нельзя не согласиться с видным современным когнитивистом Л. Талми, который утверждает, что грамматика структурирует мысль, а передача ее содержания обеспечивается лексическими единицами [Талми, 1999]. Кроме того, необходимо различать грамматическую правильность и онтологическую возможность. По нашему мнению, для любого грамматически правильного высказывания можно подобрать такой контекст, где оно окажется осмысленным, возможным в действительности.

Вообще же это две принципиально разные позиции: исследование реально употребляющихся форм предполагает статистический анализ текстов и элиминирование редких явлений, тогда как стремление к завершенной картине, к абсолютному заполнению всех позиций подразумевает пристальное внимание ко всем случаям, даже единичным и окказиональным.

Используя изложенные выше сведения и установленные закономерности, приведем **алгоритм порождения парадигм сербских существительных**.

1. Получить исходные сведения: начальная словоформа того существительного, парадигму которого требуется построить; морфологическая одушевленность или неодушевленность анализируемого слова.

2. Установить, является ли существительное *singularia tantum* или *pluralia tantum*. Используется: перечень в п. 3.2.2, приложение А.

3. Установить морфологический род существительного. Используется: исходная словоформа, знание о *pluralia tantum*, правила из п. 3.3.5, приложение Б.

4. Установить, является ли существительное родоизменяемым. Используется: исходная словоформа, правило из п. 3.3.3.

5. Установить тип склонения. Используется: исходная словоформа, морфологический род, рис. 4.1.

6. Подобрать окончания. Используется: исходная словоформа, морфологический род, (не)одушевленность, тип склонения, системы окончаний из п. 4.1.2 и 4.1.3.

7. Установить наличие чередований. Используется: исходная словоформа, морфологический род, (не)одушевленность, правила из раздела 4.2.

8. По указанному алгоритму получают все сведения, необходимые для построения парадигмы.

Приведенный алгоритм, как и все классификации в нашей работе, являются лишь одним из возможных. У нас также нет оснований утверждать, что человек, строя фразы, каждый раз выполняет преобразования исходной формы имени, т. е., желая, например, соединить слова *продавати*, *зеџ* и *пет* ('продавать, заяц и пять'), мы добавляем расширитель мн. ч. *ов*, затем преобразуем *ов* в *ев* из-за предшествующего *џ*, потом *џ* чередуется с *ч*, и в завершение присоединяется окончание *-а* (*зечева*). Нам неизвестно точно, хранится ли слово в какой-то одной (исходной?) форме, или во всех, т. е. неясно, происходит порождение или просто извлечение слов при речепроизводстве. Высказывались доводы и в пользу первой, и в пользу второй точки зрения. Например, И. А. Бодуэн де Куртенэ считал, что «все подобные “переходы” и “изменения” являются досужими измышлениями грамматиков... Никто не посмеет утверждать, что присут-

ствовал при том, как на слове *mat'* (мать) “нарастал” *er* (ер), для того чтобы могли возникнуть слова *mát'ér'-i* (матери), *mát'ér'-ju* (матерью) и т. д. Каждый новый член данного языкового общения, в настоящем случае каждый новый индивид, подвергающийся оязыковлению на русский лад, получал готовыми все эти слова» [Бодуэн де Куртенэ, 1963а, с. 267]. В конце XX в. данную точку зрения отстаивал Б. М. Гаспаров [Гаспаров, 1996]. В нашу задачу, однако, не входит исследование этих, психолингвистических, аспектов грамматики.

Уместно вкратце остановиться также на том, как образовался список категорий, которые следует учитывать при синтезе именной словоформы. Попытаемся понять, почему для вышеприведенного алгоритма требуется задавать признак, скажем, «одушевленность», но не требуется «определенность».

Выбор сведений «на входе» обусловлен, с одной стороны, особенностями нашей конкретной модели, т. е. просто практически оказалось полезным, например, учитывать финали существительных и иногда количество слогов, а не, скажем, тип или место ударения, которые, впрочем, тоже оказывают влияние, но могут быть и обойдены вниманием в подавляющем большинстве случаев. С другой стороны, на выбор исходных сведений влияет (точнее, определяет его) и природа самого моделируемого объекта – сербского языка. Общеизвестно, что в разных языках обязательного выражения требуют разные сущности. Как писал Ф. Боас, грамматика «определяет те аспекты опыта, которые должны быть выражены» [Boas, 1938, с. 132]. Значит, отбор признаков для нашего алгоритма в наибольшей степени определялся самой структурой сербского языка.

* * *

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

В истории науки о сербском языке от Вука Караджича до конца XX в. предлагались различные классификации существительных по типам склонения. Сегодня наиболее распространены две классификации: трехчленная П. Будмани и четырехчленная А. Белича. Обе эти схемы учитывают не все существительные и дают недостаточно сведений для построения парадигм. Более перспективным представляется выделение двух субстантивных, адъективного и нулевого типов склонения. Распределение существительных по ним можно произвести по формальным признакам. Некоторые ученые отказываются от понятия «тип склонения», считая, что такие крупные группировки слишком огрубленно отражают особенности словоизменения, и вводят вместо этого альтернативные классы, количеством до 100.

Изменение многих существительных в сербском языке сопровождается различного рода чередованиями. На их осуществление или неосуществление влияют фонетическое окружение, грамматическая позиция, принадлежность к той или иной лексической группе, к активному или пассивному запасу, происхождение и др. Взаимодействие этих факторов очень сложно, и в некоторых случаях строгого и одновременно простого описания добиться не удастся из-за нерегулярности чередований (появление *-ов/-ев-* во множественном числе, чередования в вокативе и др.). Тогда целесообразно приводить более или менее исчерпывающие списки исключений, а не усложнять общий алгоритм синтеза слов. Важным следует считать и порядок проведения чередований, предложенный выше.

Все формы сербского существительного в абсолютном большинстве случаев можно построить, используя предложенный в работе алгоритм, по следующим минимальным сведениям: начальная форма, система окончаний по склонениям, правила проведения чередований, знание о принадлежности к (не)одушевленным, к *pluralia* или *singularia tantum*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Единства мнений о некоторых фундаментальных лингвистических понятиях и отношениях нет. Причинами различия выступают исходная позиция исследователя, приверженность к широкому или узкому пониманию грамматической правильности, к активной или пассивной грамматике. Слабая разработанность многих вопросов грамматики штокавских языков, обусловленная интересом южнославянских ученых к другим разделам языкознания – к диалектологии, истории, стилистике, а также исключительная вариантность описываемых идиомов оказываются дополнительными дестабилизирующими факторами.

Изучение грамматической семантики позволяет выделить не только грамматические, но и лексические группы. Для членов многих лексико-семантических групп характерна корреспонденция словоизменительных и сочетаемостных показателей. Набор грамем, допустимых для некоторого слова, оказывается знаком принадлежности к той или иной лексико-семантической группе. Лексические и грамматические значения не разделены жестко, а пересекаются, влияют друг на друга. Изучая систему первых, мы выходим на проблемы вторых и наоборот. Грамматические категории формировались во взаимодействии более грамматикализованных и менее грамматикализованных элементов языковой системы.

Несмотря на обычное представление о строгих зависимостях и жестких оппозициях в сфере грамматики, все более очевидной становится полезность и перспективность полевого представления грамматических категорий и разрядов, которое в дальнейшем должно быть дополнено процедурами измерения и новыми, количественными, критериями, поскольку традиционные, качественные, позволяют выявить лишь ядерные группировки.

Сербский язык формировался в сложных языковых, национальных и политических условиях Балкан. Даже уровень морфологии, обычно «прозрачный» и жесткий, в сербском языке содержит много вариантов, спорных форм, условия употребления которых неясны и кодифицированы по-разному. В работе предлагается выделять четыре аспекта вариантности: социолингвистический (сербский, хорватский, босняцкий и черногорский как самостоятельные языки или варианты), собственно лингвистический (вариантные формы), металингвистический (вариантные трактовки язы-

ковых фактов) и экстралингвистический (вариантные названия единого общего языка в случае признания существования такового, а также варианты названия языков в Боснии и Герцеговине). Наибольшей однозначности и непротиворечивости модели при необходимости описания таких колебаний удастся добиться в рамках синтезирующего подхода (построение «грамматики говорящего»), что также подтверждает его перспективность.

Системный синтезирующий подход и достижения лингвистической типологии позволяют более строго и непротиворечиво описать категории сербского языка. В частности, из инвентаря сербских падежей целесообразно исключить датив в связи с перестройкой сербской падежной системы и возрождением единого датива-локатива, не только выражающего комплекс значений обоих падежей, но и перетягивающего в свою сферу пространственные значения других падежей. Формы типа *ова (три) срећна момка* полезно рассматривать как особый, счетный, падеж единственного числа. Функциональная принадлежность вокатива к парадигме имени спорна, но необходимость его учета при описании словоизменения несомненна.

Соотношение граммем единственного и множественного числа с действительностью в ряде случаев особенно сложно и несимметрично. Особенно трудно осмыслить и описать значение и использование существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*. У существительных с чередованием *-e/-et-* (*дете, дугме*) и некоторых других наблюдается преобразование парадигмы из-за изменения противопоставления «единственное число – множественное число» через установление числовой корреляции с собирательными (*деца, дугмад*).

Фундаментальная оппозиция синтагматики и парадигматики пронизывает всю грамматику. Ее, в частности, полезно использовать для расщепления категории рода на «морфологический род» и «согласовательный класс». Это позволяет упростить описание, сделать его менее противоречивым и более «прозрачным». С другой стороны, учет сочетаний с разными диагностическими контекстами позволяет получать все более дробные группировки, причем с уменьшением числа членов таких группировок доля грамматического значения как объединяющего признака будет убывать, а лексического возрастать. Абсолютное большинство сербских существительных можно распределить по родам в зависимости от окончания на основании простых правил. Эта же процедура распространяема на все существительные при некотором (списочном или лексико-семантическом) усложнении правил. Категория рода – словоклассифицирующая, однако выделен ряд существительных, у которых род изменяется. На протяжении своей истории сербский язык активно осваивал заимствования, включал их в процессы словоизменения и словообразования. Сегодня в этой сфере

возрастает напряжение, обусловленное противоречиями между структурой заимствований и правилами сербского языка. Заимствования на краткие *-o* и *-e* особенно нестабильны в роде, числе и склонении.

Категория «одушевленное» в сербском языке не полностью соответствует понятию «живое» в реальном мире, осложняясь некоторыми лингвосоциальными особенностями, например, при квантификации существительных с неравносложной основой. Признак одушевленности проявляется у всех существительных мужского рода и у некоторых существительных среднего.

На протяжении XIX и XX вв. доминировали различные классификации сербских существительных по 2, 3, 4 или 5 типам склонения. В качестве критериев отнесения к тому или иному типу предлагались род, вид основы, наличие чередования в основе и др. Другой подход предполагает выделение более мелких группировок – альтернативных классов. На наш взгляд, полное и экономное описание словоизменения сербских существительных возможно через выделение следующих типов склонения: двух субстантивных, адъективного и нулевого.

Изменение многих существительных в сербском языке сопровождается чередованиями. На их осуществление или неосуществление влияют фонетическое окружение, грамматическая позиция, принадлежность к той или иной лексической группе, к активному или пассивному запасу, происхождение и др. Взаимодействие этих факторов сложное, и в некоторых случаях строгого и одновременно простого описания добиться не удастся из-за нерегулярности чередований (напр., появление *-ов-/-ев-* во множественном числе, чередования в вокативе и др.). Тогда приходится приводить более или менее исчерпывающие списки слов. При синтезе словоформ следует соблюдать определенную последовательность чередований, предложенную выше.

Для построения некоторой субстантивной словоформы в сербском языке необходимы и достаточны следующие сведения: начальная форма слова, список чередований, система окончаний по склонениям, знание о принадлежности слова к (не)одушевленным существительным и к *singularia (pluralia) tantum*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Существительные *pluralia tantum* в сербском языке¹

Мужской морфологический род

бадљеви	андраволји	ефекти	подгревци
уљеви	цигани	хлоропласти	погревци
арњеви	макарони	Благовести	исевци
вигови	близни	ости	осевци
жигови	чини	крсти	филеци
струкови	десни	челусти	беневреци
Духови	сапи	Алеути	поредници
пробади	тропи	мошти	позајменици
ефилиди	суптропи	плећи	бедриници
каротеноиди	утвари	шкембићи	подножници
стероиди	Страгари	сиротићи	позајменици
пластиди	ногари	циганчићи	бедреници
фитонциди	прелиминари	трганчићи	подножници
брахиоподи	кулоари	заранчићи	позајмници
походи	мемоари	подочићи	вратници
груди	наочари	сирочићи	наочници
пређи	двери	кучићи	заушници
бисази	хозентрегери	Хацићи	вавежњици
пенези	полдери	бабињаци	одвејци
прегризи	сијери	ластињаци	овејци
улози	цвикери	заимњаци	тројци
заузи	пеленгири	димњаци	покрилци
пропилеји	двори	подочњаци	жганци
пејсики	омнивори	заушњаци	трганци
јасли	пејаси	чангараци	резанци
поткисли	пејеси	мравци	загребенци
протисли	прси	саставци	младенци
мусли	нити	уставци	родинци
русаљи	спакти	преуоставци	млинци

¹ Существительные отобраны из словарей [Николић, 2000; Сербскохорватско-русский словарь, 1970] и статьи [Суботић, 1999] и приведены в обратном алфавитном порядке (a tergo).

ластинци
очинци
трнци
жгањци
тргањци

непци
загрепци
штипци
уроци
рци

чварци
жмарци
набирци
жмирци
петорци

протисци
ђозлуци
преслачци
подстришци
напрушци

Женский морфологический род

карабе
катакомбе
стубе
ставе
негве
лестве
остве
наћве
рачве
ошве
мрежаге
фалаге
шараге
бисаге
акратопеге
таљиге
кариге
вериге
галге
пранге
фашанге
менинге
шкрге
рагаде
покладе
иде
ефилиде
циприниде
салмониде
лабриде
гајде
киселводе
брахиоподе
неходе
походе
гаћурде
очурде
понуде
бермуде

месојеђе
протеазе
маказе
мумаказе
дерезе
чезе
спиритуозе
суђаје
пропилеје
егзиквије
букагије
студије
мађије
теразије
микротеразије
етезије
сакије
архивалије
регалије
музеалије
реалије
цереалије
универзалије
фекалије
музикалије
дидаскалије
колалије
маргиналије
девоционалије
персоналије
сатурналије
комуналије
камералије
генералије
натуралије
вегеталије
гениталије
казуалије
евентуалије

шараглије
ерделије
пондерабилије
импондерабилије
меморабилије
вегетабилије
имобилије
утензилије
атмосферилије
рептилије
димлије
схолије
пошурлије
кишлије
димије
помије
каније
инсигније
ксеније
бабарије
радиоларије
капитуларије
сваштарије
циврије
цагрије
митохондрије
серије
ферије
дикирије
бунгасије
финансије
посије
питије
пиктије
настије
пихтије
бронхије
овације
телекомуникације

комиције
ауспиције
официје
роборанције
кочије
санџе
фалаке
пунишаке
беневреке
керефеке
прилике
папагајке
тројке
бебидолке
удараљке
стрмке
хеланке
санке
фашанке
хеланке
загребенке
оке
хулахопке
кожухарке
фармерке
траперке
комбинирке
четворке
левиске
заруке
мацке
тачке
колечке
заушке
жвале
зјале
бијенале
тријенале
(на)очале

родле	чвргуље	цвикерчине	хаљете
менгеле	оргуље	кучине	кастањете
граделе	ходуље	смучине	репете
менђеле	рашље	овршине	левите
зеле	акратотерме	саоне	пандекте
чинеле	органе	панталоне	килоте
салмонеле	шпилхозне	шалоне	пата-карте
крпеле	пумпхозне	ноне	пуге
варицеле	рајтхозне	припоне	клеште
варичеле	бабине	макароне	гаће
кучеле	зазубине	шмарне	даће
крезле	падавине	лазање	лажигаће
презле	пречавине	бабиње	пеленгаће
бризле	мердевине	богиње	шаренгаће
морбиле	осјевине	мекиње	двогаће
виле	новине	детиње	праће
зиле	зидине	споње	расохе
тонзиле	опрдине	крње	бабице
шненокле	леђине	протозое	карабице
циркле	верижине	трипе	гребице
жижоле	пролизине	шалваре	зазубице
бронхиоле	падалине	ногаре	стубице
равијоле	коралине	шкаре	плакавице
дипле	торталине	комаре	лесивице
зурле	фурмине	зоонаре	лествице
јасле	оклепине	солфатаре	наћвице
гусле	спирине	пухаре	ошвице
мусле	гађурине	наочаре	таљижице
фарбуле	очурине	кучаре	верижице
каникуле	отресине	калавре	ножице
скрофуле	змајотресине	плундре	маказице
шкрофуле	трисине	тезгере	димлијице
проминцле	омлатине	даире	димијице
паље	увратине	дикире	кочијице
раље	кочијтине	жмире	зекице
карабље	јаслетине	фришефире	флекице
грабље	шалваретине	чакшире	тачкице
рогље	чаширетине	карниворе	жвалице
бадље	гађетине	уторе	дрхталице
ракље	севотине	аспре	караблице
брукље	струготине	кватре	вилице
шрукље	одвејотине	шалукатре	штарамиле
андрамоље	овејотине	комостре	нидоклице
конопље	омућине	лигуре	двоколице
грабуље	сплачине	лабијате	диплице
дромбуље	сврачине	уврате	сурлице
рогуље	лисичине	шпагете	јаслице

звонарице
гулсице
карабљице
грабљице
грабуљице
рогуљице
оргуљице
пахуљице
рашљице
бројанице
зазубнице
наћвенице
боденице
двојенице
бројенице
прекораменице
пораменице
ножнице
мердевине

новинице
двојнице
прекостојнице
саонице
панталонице
тарнице
прснице
вратнице
смртнице
колешнице
мешнице
околишнице
заушнице
задушнице
богињице
крњице
шалварице
шкварице
ступарице

фармерице
нитнерице
траперице
пумперице
дуксерице
боксерице
пеленгирице
чакширице
корице
трице
изнутрице
лигурице
лисице
клештице
гаћице
влачице
хлачице
сечице
ножичице

машичице
очице
потрчице
каручице
машице
ушице
подушице
потркушице
пушице
прце
каруце
трогаче
ногаче
хлаче
паче
приче
дрче
руче
котлоноше

Средний морфологический род

блаженства
објага
леђа
правилеђа
гвожђа
хетерогенеа
крижа
железа
мултимедија
масмедија
евентуалија
архивалија
нормалија
импондерабилија
воћија

колечка
лагала
вешала
лазила
бројила
шипила
мерила
крила
ветрила
гасила
носила
крстила
мучила
кола
јасла

носиља
темена
паралипомена
трања
амара
ебра
недра
омнивора
колеса
прса
дата
вертебрата
врата
ерата
егбета

шивета
клегита
пандекта
скрипта
регеста
дигеста
крста
уста
клешта
плећа
враца
цревца
колица

Б. Существительные с нестандартными родовыми показателями в сербском языке

Б. 1. Следующие существительные на согласный имеют женский род:

*доб, зоб, коб, злакоб, дроб, скрб; љубав, нарав, жерав, опорав, клетав, цев, крв, некрв; глад, млад, горопад, изед, јед, злед, груд, студ, ћуд, с суффиксом -ад-, с корнем -вед (кроме ревед, медвед); млађ, чађ, глеђ, цеђ, жеђ, глеђ, буђ; лаж, раж, драж, кураж, сврабеж, грабеж, сврбеж, стрвеж, младеж 'молодежь' (кроме младеж 'родинка'), смрдеж, палеж, гњилеж, шилеж, трулеж, раскриж, недостиж, рж, срж, дуж; слуз; печал, мадемоазел, загорел, изгорел, удол; погибель, плевель, крмель; мадам; раван (и производные), поган, бежан 'беглецы', пријазан, бојазан, саблазан, неман, незнан, плесан, црвен, студен, зелен, голен, црљен, стрмен, румен, сен, јесен; заравањ, плесањ; кап; твар, ствар, звер, матер, кћер, вечер, измир; јерес, мис, мисис, ос; суват, благодат, својат, гојат, напрат, по-
стат, авет, плавет, шћавет, руковет, зановет, туровет, клет, благодет, голет, врлет, памет, снет, кострет, кочет, забит, добит, добробит, обавит, лит, нит, четврт, самрт, смрт, сваст, цваст, ласт, сабласт, област, власт, преласт, сласт, маст, снаст, напаст, препаст, пропаст, росопаст, зараст, прораст, страст, част, обест, на -вест, жест, дра-
жест, прелест, болест, пест, чест, завист, ненавист, леполист, корист, нечист, почист, прочист, с суффиксом -ост, врст, зврст, суврст, грст, чельуст, кленут, пут 'плоть, тело' (но пут 'путь'), перут, кострут, сућут, прегриш, краљуш, крелуш, крљуш; плећ, пећ, на -моћ (кроме каламоћ), на ноћ (и производные); нејач, дивљач, млеч, наколеч, реч, тањич, црво-
точ, поточ, источ, жуч, луч, наруч; ваш, голеш, карт-бланиш, кокош, варош, метош, пустош, површ, уш, мекуш, послуш, кржљуш.*

Б. 2.0. Правило о том, что большинство существительных на -о имеет либо мужской род, либо средний, требует корректировок. Ниже они приводятся.

Б. 2.1. *Прегибоа, погибоа, угибаа, помрзаа, смрзаа, пикаа, никаа, по-
никаа, распукаа, мисаа, нарастаа, израстаа, со – ж. р.*

Б. 2.2. Далее перечисляются существительные либо среднего, либо мужского рода: те, которых меньше. Если слово заканчивается на указанный звук и не приведено ниже, то оно имеет противоположный род. То есть если указаны слова мужского рода и анализируемого слова среди них нет, то оно среднего рода, например *грло*. Если же приведены слова среднего рода и анализируемого слова среди них нет, то оно мужского рода, например *дечко*.

-ао, -бо, -го, -ђо, -ео, -жо, -зо, -ио, -јо, -љо, -њо, -по, -со, -ћо, -уо, -цо, -чо, -џо, -шо: небо, благо, драго, иго, железно, просо – ср. р.

-во: во, ђаво, гриво, чово, кљујдрво, кљундрво, крво – м. р.

-до: надо, жирадо, стадо, говедо, чедо, гнездо, морендо, комодо, брдо, крдо, удо, мудро, рудо, чудо – ср. р.

-ко: тако, клупко, млеко, лико, око, широко, мушко, женско, слатко, лишко – ср. р.

-ло: клавишембало, жвало, кало, даскало, каскало, крикало, куњало, чактало, куртало, буфало, халоо, таблоо, иглоо, колонело, ћело, смрзло, жило, кикило, горило, сило, дијаболо, воло, голо, жиголо, пиколо, поло, ћусло, дошло – м. р.

-мо: рамо, стрмо, пасмо, повесмо, плесмо, пресмо, писмо – ср. р.

-но: оригано, фортепијано, паноо, пишено, албино, казино, мараскино, слино, домино, пијанино, мерино, неутрино, касино, дуетино, коно, кимоно, ноноо, тоноо, квадерно, кватерно, инферно, сторно, ноктурно – м. р.

-ро: ребро, сребро, либро, добро, језгро, бедро, ведро, једро, недро, сидро, календро, модро, језеро, перо, миро, оро, хоро, јутро – ср. р.

-то: јато, блато, злато, клато, лето, глето, длето, псето, решето, жито, лито, мито, копито, корито, сито, графито, место, тесто, плуто, путо – ср. р.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ¹

<i>baby</i> 74	<i>абциги</i> 63	<i>бакара</i> 126
<i>Beißzange</i> 67	<i>авто</i> 82	<i>Балканка</i> 135
<i>brama</i> 66	<i>ага</i> 135	<i>балча</i> 130
<i>brezak</i> 95	<i>азбука</i> 126, 136	<i>банка</i> 136
<i>cattle</i> 71	<i>аз-буки</i> 126	<i>бард</i> 132
<i>doba</i> 66	<i>акт</i> 33, 87, 139	<i>барка</i> 136
<i>drob</i> 66	<i>акуляры</i> 63	<i>бас</i> 134
<i>fähig</i> 95	<i>алатка</i> 136	<i>Баск</i> 132, 135, 139
<i>Gestell</i> 67	<i>алах</i> 119	<i>басна</i> 130
<i>Glockenspiel</i> 67	<i>алга</i> 136	<i>бацькі</i> 63
<i>Heugabel</i> 67	<i>алка</i> 136	<i>Бачванин</i> 57
<i>Holzschlitten</i> 67	<i>андравольи</i> 62	<i>Бачванка</i> 98, 137
<i>Hose</i> 67	<i>андрамоље</i> 62	<i>бебе</i> 74, 96
<i>jagne</i> 74	<i>анђео</i> 129	<i>беби</i> 92
<i>jasli</i> 64	<i>анчуга</i> 136	<i>бедреници</i> 62
<i>list</i> 66	<i>апаиш</i> 135	<i>безбожац</i> 138
<i>matematika</i> 66	<i>ар</i> 132	<i>безвучни</i> 138
<i>noviny</i> 66	<i>Арапче</i> 74	<i>белег</i> 135
<i>otročad</i> 76	<i>Арбанас</i> 139	<i>белешка</i> 136, 138
<i>Panzer</i> 67	<i>аристократа</i> 88	<i>бели</i> 123
<i>perjad</i> 76	<i>архаизам</i> 129	<i>беневреке</i> 62, 92
<i>Pforte</i> 67	<i>аспирин</i> 60	<i>бензин</i> 138
<i>počty</i> 66	<i>аспре</i> 63	<i>бенка</i> 136
<i>police</i> 71	<i>атари</i> 97	<i>беңи</i> 135
<i>prawa</i> 95	<i>ателье</i> 125	<i>Београђанка</i> 135
<i>Rechen</i> 67	<i>Атлантида</i> 81	<i>бепче</i> 74
<i>Rosenkranz</i> 67	<i>атлета</i> 88	<i>бермуде</i> 65
<i>skrzypce</i> 66	<i>ауто</i> 66, 84, 85, 139	<i>бесан</i> 129
<i>svrha</i> 136	<i>баба</i> 119, 125	<i>библиотекарка</i> 135
<i>talar</i> 95	<i>бабарога</i> 135	<i>биво</i> 130
<i>tla</i> 66	<i>бабиње</i> 102	<i>бијенале</i> 84, 92
<i>vrata</i> 66	<i>байт</i> 24	<i>биоскоп</i> 86
<i>Waage</i> 67	<i>бајацо</i> 84	<i>биро</i> 85
<i>Zange</i> 67	<i>бајка</i> 136	<i>бисерка</i> 136
<i>абдымкі</i> 63	<i>бајо</i> 135	<i>біткі</i> 63

¹ Указатель охватывает примеры из всей книги, кроме приложений.

бифе 84
 благота 72
 блебетало 88, 89, 90, 92
 близнац 129
 близу 48
 блиц 135
 Блізняты 63
 богиње 34, 62
 бод 131
 бодља 130
 бојазан 129, 169
 боксерице 65
 бол 90
 Болдино 126
 болтун 88, 90
 больной 124
 большинство 71
 болька 136
 боржомі 83
 Босанка 135
 бра 125
 бразда 33
 браде 92, 135
 брат 34, 60, 69, 70, 71, 72, 76
 браћа 34, 60, 71, 69
 брезак 138
 бремя 137
 бресква 139
 брз 122
 бричес 126
 брк 132
 брод 79, 131
 бродяга 90
 бронхи 132, 135
 брусья 72
 брюки 62, 65, 67
 бубањ 66
 будні 63
 буква 130
 булка 136
 буре 34, 75
 буренце 77
 бутербродная 124

бялілы 63
 вавежњици 62
 вараннє 70, 72
 варошанин 54
 ват 132
 ваш 121
 ведрац 129
 вежба 130
 велечасни 123
 венак 132
 вео 129
 вепар 129, 132
 верујем 91, 126
 верују 92, 126
 весы 64, 67
 ветар 97, 129, 133, 134
 ветрила 63
 већина 60, 71
 вече 54, 85, 114, 133, 140, 151, 169
 вечер 54, 60, 91
 вигови 62
 видео 130
 видеофилмови 132
 вилы 66, 67
 виме 137
 вино 59
 виски 82
 витал 132
 витез 119, 139
 витлац 129
 вишак 132
 вишиња 130
 влада 46
 владика 87, 135
 влас 90, 132
 властела 60, 138
 властелин 60, 138
 Влах (Власи) 132
 Влашићи 62
 вода 59
 во 130
 војвода 34
 вођа 122, 132

воз 45, 66
 возник 88
 возница 88
 војвода 34, 81, 87
 војник 98
 војска 130, 136
 воле 92
 волт 121, 132
 воронье 70
 ворота 62, 67
 вотка 130, 133
 воће 57
 вођка 57, 136
 врабац 132
 врата 62, 67, 80, 81
 вратницеци 62
 вратници 62
 врач 133
 време 57, 109, 114, 137
 врзало 90
 врстелези 126
 вуга 136
 вујо 92, 135
 вук 133
 вусны 63
 выбары 63
 выполнение 24
 высеўкі 63
 гази 125
 гајде 63
 гaleb 131
 гар 90
 гарэза 89
 гаће 62, 65, 67
 где 48
 ге 126
 ген 132
 геније 92
 гес 91
 гето 81
 глад 90
 гладко 24
 глаз 90, 140
 гледиште 137

глувонеми 123
 глумац 132
 глухой 124, 128
 гњетео 129
 говече 74
 год 53
 годишњак 97
 гончин 138
 горе 48
 городки 64
 городок 64
 гостин 138
 господа 60, 72, 138
 господар 119
 господин 60, 138
 гост 113, 121, 132
 грабли 62, 67
 грабље 62
 град 45, 48, 96, 108, 109,
 121, 131, 140
 градић 108
 грађанин 138
 гриб 95
 Грк 132
 гроце 130
 грош 139
 грошы 63
 груди 63
 Грузин 138
 грязь 129, 130
 гусле(ли) 34, 64, 68, 92
 дажынкі 63
 даире 63, 66
 дан 110, 131, 132
 даће 63
 два 24, 51, 53, 54, 55, 57,
 81, 139, 140
 двадесет 53, 57, 60
 две 24, 51
 двоје 54, 81
 двојица 60, 61
 двојнице 63
 двојчица 81
 двори 62, 92

деведесеторица 60
 девојка 28, 81, 135
 девојчица 98
 дедови 64, 132
 дежурни 123
 делија 98
 деманти 85
 демократија 45
 день рождения 66
 део 129
 депо 85, 125, 138
 дерби 68, 86
 дериште 137
 деталь 135
 дете 51, 54, 60, 69, 71, 72,
 109, 137, 146
 детеныш 74
 деца 47, 60, 69, 71, 72, 80,
 93, 97, 146
 деци 125
 дечак 60
 дечко 139
 джунгли 63
 дзятва 72
 дивљад 61
 дивљач 33, 61, 109, 117,
 133, 169
 димије 62
 динамо 84
 динго 135, 139
 дипле 63
 дипломата 88
 дипломски 123
 до 130
 доба 92, 93, 125
 добар 51, 54
 добрац 129
 добро 123
 дога 136
 дојам 132
 доктор 119
 докуменат 87, 139
 доле 48
 домаћи 123

домаћин 103, 138
 домаћица 103
 домовој 123
 драга 98, 123, 136
 драмско 123
 дрво 96, 137
 дрвце 137
 дрога 136
 дроги 63, 68
 дрожжи 63, 66
 дрозак 132, 138
 друг 103, 135
 друга 136
 другарица 88, 103, 117,
 119
 друштво 130
 дрхталице 65
 дуга 136
 дугме 54, 72, 73, 74, 75,
 77, 91, 109, 112, 114,
 134, 137, 146, 184
 дугмад 54, 61, 72, 73, 74
 Дуле 137
 дупчац 129
 дурень 131
 дух 97, 132
 духі 63
 Духови 62
 дуче 92
 душа 108, 109
 дядюшка 125
 ђаво 130, 132, 170
 ђак 132
 ђул-баишта 8
 евро 82
 еклога 136
 експерткиња 103
 ел 91
 елеменат 129
 Енглез 119
 епископ 97
 ерг 60, 132, 139
 ерзац 129, 135
 ерудита 89

<i>ефенди</i> 125	<i>звонце</i> 77	<i>јаглац</i> 129
<i>жалюзи</i> 65	<i>звончац</i> 129	<i>јагње</i> 76
<i>жаркое</i> 122	<i>звонче</i> 75	<i>јагњеће</i> 123
<i>жбир</i> 132	<i>звяррѣ</i> 72	<i>јад</i> 132
<i>жвале</i> 67	<i>зденчац</i> 129	<i>јаје</i> 54, 137
<i>жгебац</i> 129	<i>зеле</i> 92	<i>јак</i> 138
<i>ждать</i> 23	<i>зелени</i> 123	<i>јакна</i> 130
<i>ждребе</i> 72, 74, 76, 80, 96	<i>земљиште</i> 137	<i>Јанко</i> 81
<i>желе</i> 92	<i>земљоделац</i> 131	<i>јање</i> 137
<i>жена</i> 34, 51, 88, 96, 103, 108, 109, 110, 117, 120	<i>земљорадин</i> 138	<i>јард</i> 131, 132
<i>женка</i> 136	<i>зец</i> 135	<i>јармац</i> 129
<i>женско</i> 116, 123, 170	<i>зид</i> 97	<i>јат</i> 91
<i>жеребенок</i> 74	<i>зидине</i> 62	<i>јатаган</i> 98
<i>живад</i> 61	<i>зима</i> 134	<i>Јеврејин</i> 57
<i>живинче</i> 74	<i>зими</i> 48	<i>један</i> 53, 97
<i>животное</i> 74, 97	<i>зипка</i> 136	<i>јединче</i> 74
<i>жиг</i> 139	<i>златоје</i> 92	<i>једнаџба</i> 138
<i>жигови</i> 62	<i>зло</i> 123	<i>једнина</i> 60
<i>жидова</i> 72	<i>злопамтило</i> 91	<i>јеж</i> 114
<i>жир</i> 97	<i>злот</i> 132	<i>језеро</i> 34, 53, 54, 71, 80
<i>жири</i> 125, 133	<i>змија</i> 87	<i>језик</i> 76
<i>жмарци</i> 62	<i>зналац</i> 131	<i>јелен</i> 108, 109
<i>жмуркі</i> 63	<i>зразы</i> 63	<i>Јелин</i> 138
<i>жомойть</i> 72	<i>зрак</i> 132	<i>јен</i> 132
<i>жрван</i> 129	<i>зрне</i> 108	<i>јесен</i> 79
<i>жрец</i> 132	<i>зуб</i> 33, 132, 140	<i>јог</i> 132, 135, 136
<i>жюри</i> 125	<i>зубар</i> 57	<i>јон</i> 132
<i>закерало</i> 88, 90, 92	<i>зурле</i> 63	<i>југо</i> 84
<i>заљуштак</i> 138	<i>Иванов</i> 33	<i>јунак</i> 120, 139
<i>замдиректора</i> 125	<i>иже</i> 91	<i>јунакиња</i> 102
<i>замка</i> 130	<i>изелица</i> 119	<i>кабаљеро</i> 86, 139
<i>занавеси</i> 65	<i>Израиль</i> 95	<i>кавга</i> 136
<i>зарез</i> 45	<i>име</i> 41, 72, 73, 91, 108, 109, 112, 113, 134, 137, 155	<i>кадры</i> 63
<i>затвор</i> 122	<i>именины</i> 63, 66	<i>казино</i> 88
<i>затега</i> 136	<i>интеграл</i> 91	<i>казнац</i> 129
<i>заузи</i> 62	<i>интрига</i> 136	<i>кайчы</i> 67
<i>заушке</i> 62	<i>инч</i> 132	<i>кајгана</i> 104
<i>звено</i> 140	<i>Ирачанин</i> 138	<i>какао</i> 83, 129, 130
<i>звер</i> 90, 115	<i>истрага</i> 136	<i>кале</i> 92
<i>звере</i> 74	<i>итек</i> 67	<i>калека</i> 89
<i>звер(ь)</i> 74, 90, 115	<i>ичага</i> 136	<i>калёсы</i> 66
<i>зверка</i> 136	<i>ја</i> 92, 126	<i>калибар</i> 129
		<i>калк</i> 60
		<i>каляды</i> 63

камен 71
 каменне 72
 камиказе 92
 канао 129
 канаринка 136
 каникулы 63
 као 129, 130
 капуста 67
 каракули 64
 карате 92
 карго 126
 Карпаты 63
 карта 130
 каруце 63
 катедра 130
 кауч 135
 кафе 125
 кацига 136
 качуо 130
 кашика 136
 каштига 136
 квасац 66
 кекс 132
 кенгуру 24, 125
 кети 82
 кечига 136
 кибуц 135
 килограмм 24
 кимоно 85
 кинематографија 86
 кино 84, 86
 кир 125, 126
 кифл 132
 кичма 130
 клеици 63, 67
 клизма 130
 клинац 97
 клинчац 129
 клише 85
 клоун 84
 клубе 74, 96
 клубок 74
 клупко 130, 138, 170
 kneдл(а) 132

кнез 139
 књига 51, 85, 134
 кобила 74
 ковитлац 129
 козел 75
 козлац 129
 козленок 75, 76
 козлы 62, 64
 коине 92
 кок 132
 кокош 79, 117, 121
 кокошка 136
 кола 63, 64, 66
 колготки 65
 колевка 136
 колега 136
 колесико 90
 колесо 64, 131, 141
 колица 62
 колник 122
 кольчуга 67
 командир 33
 компонента 130, 154
 конзерва 130
 конобар 122
 конте 92
 кончац 129
 коњ 59, 85, 97, 109, 119, 132
 коњиц 119
 кормилар 122
 кормчий 122
 корова 74
 кост 93, 115, 121
 котлац 129
 кофе 82, 83, 125
 коцка 130, 136
 кочија 63
 кошер 126
 коштац 129
 кравата 67
 краљ 97
 крв 91, 133
 кревет 91

крекетало 92
 креле 92
 крилице 137
 кромпир 140
 крос 134
 крстац 129
 крсти 92
 крупа(ны) 63, 66
 крылле 72
 кћи 92, 93, 108, 114, 118, 119, 133, 169
 кћер, ћерка 119, 133
 кубе 137
 куга 136
 кузлек 67
 кукавица 88, 119
 кулоари 62
 кумче 74
 купатило 92
 купка 130
 куранты 64, 67
 кураре 92
 курасао 129, 130
 курва 130
 курс 134
 куртелац 129
 кусачки 67
 кусок 24
 кут 133
 кућа 48, 124
 кухиња 134
 Куч 132
 куче 74
 кучка 136
 куиња 130
 ла 91
 лађа 67
 лажливац 60
 лажљивко 60, 61
 лакат 129, 132, 139
 ланац 132, 140
 лане (лани) 48
 лар 132
 ласка 136

ласо 85
Латин 57, 138
латы 64, 67
лац 129, 130
лев 78
легавая 122
легавый 122
леггинсы 64
легкий 24
леди 92, 125
леђа 63, 66, 67
леј 132
лек 132
лекар 119
ленџо 130
лепоје 92
летак 138
лети 48
либрето 84, 86, 88, 89, 93, 95
ливаче 137
лига 136
лигња 130
лимун 131
лингвист 88
лист(лишће) 57, 81
лісце 72
литва 69
литвин 69
лице 137
лишце 130
ловац 97, 132
ложе 137
лужа 129, 130
лупчац 129
лутак 95
львица 78
любовь 69
љубав 33, 59, 69
људи 23, 52, 54, 63, 139
љуљачка 136
маг 132, 135
мадам 125, 169
мадемоазел 125, 169
мадрац 129

мазгі 63
мајка 13, 58, 70, 79, 80, 93,
98, 118, 130, 135
макао 129, 130
макарони 62
малага 136
малахитски 18
малина 60
малыш 97
мамелучки 18
мангулац 129
мандаринка 136
манеўры 63
мањина 60, 71
марка 136
маркиз 139
маска 8
маслац 129
масло 69
маст 114, 128, 137, 169
матер 93, 119, 133
мати 92, 93, 108, 114, 118,
128, 133
маћеха 135
мац 129
мач 108
мачак 60, 119
мачац 129
маче 60, 96, 114, 137
мачка 57, 60, 130, 136
мачо 126
машита 134
медведь 100
медо 92
мемоари 63
меню 125
мерино 126, 170
мерц 97
месец 121
метар 132
метла 130
метро 124
мије 108

миле 92
Миле 33, 137
миледи 92, 125
милоје 92
министарка 102
Минск 126
минут 121
Минчанин 54
мис 125, 169
мисао 108, 110, 113, 129,
130, 133, 169
мисис 125, 169
мишљење 46
млада 123, 154
младенец 74
младенци 62
млади 123
младост 56
млаз 132, 134
множина 60
моаре 137
мобилни 123
могілкі 66
модрац 129
мозак 138
мој 123
молебан 129
молитвеник 97
молоко 66
момак 51, 105, 132, 146
момче 73, 74, 114
монах 92
мордвин 69
море 134, 137
морнарство 92
морф 132
мостовая 122
моток 74
моћ 110, 169
мрав 59, 132
мраз 134
мрежа 140
мрест 90
мржња 59

мртвац 95, 129
мудрац 129
муж 117
мужчизна 72
мунго 86, 139
мусака 136
мусли 65
мушкарац 34
мушко 123, 170
надзорништво 92
наочаре 62
наочари 34, 62
наочници 62
напрстак 138
наранча 130
наранџа 130
нариџаљка 136
народ 29
наруџба 130
нары 64
насенне 71
наћвац 129
наши 123
небо 54, 114, 134, 137, 170
неваљалац 131
неваљанко 92
незапослени 123
не-ја 126
неколика 51, 53
неколике 51, 53
неколицина 60, 71
немирко 60, 61
неписмени 123
нерв 132
нешташко 60, 61
нит 90
нишкористи 126
нізы 63
Нови Сад 126
ногари 62, 81
ножица 66
ножници 66, 67
ноје 92
нокат 121, 129, 132

нос 134
ноћ 109, 113, 120, 169
ношња 130
оба(обе) 24, 51, 53
обука 123
ован 129, 132
овде 48, 80
овца 74
огањ 29, 129
огледаоце 130
одрасли 123
оклевало 88
окно 78
око 34, 89, 120, 134, 140, 170
очи 117, 121
оловка 114
омега 136
опаска 138
опасност 109
опел 97
орао 129, 130, 131
орач 96, 119
оригами 126
осам 57
осень 89
осигурање 123
Оск 135
осморица 60
отац 129, 133, 134, 138, 140, 141
очинци 62
очки 62, 63, 67
паводзіны 63
падишах 132, 139
падонкі 63
пазадкі 63
палац 13, 129, 131, 140, 141
палец 129, 131, 141
паліто 124
пальто 125
памінкі 63
памыі 63

панталоне 62
панталоны 64
пањ 79
папига 136
пар 140
паре 139
парламентарка 103
Партизан 97
парче 54
пас 129, 131, 132
паска 136
пасторка 135
пасторче 74, 114
патак 119, 138
патриота 89
патролни 123
паучак 119
паучац 119
пац 129
паче 65
паише 61
пега 136
Пелазг 135
пелен 90
пеленгаће 62
пелин 138
пенези 63
пепељуга 135
пепео 129
перила 64
перпетуум мобиле 92
персонални 123
пес 74
песма 130
песник 33, 81
пет 57, 80, 81
петао 132
петорица 60, 81
петоро 80
Петровић 57
печење 122, 123
пешак 97
пи 91
пијандура 34

пианино 125
пијаница 88, 119
пиле 34, 67, 72, 73, 74, 76,
 108, 109, 137
пилекурјад 76
писар 119
писац 132
пихтије 65
плави 122
плавки 65
плац 129, 134
плашљивко 92
плашт 33
племе 108, 109, 137
плесан 79, 129, 169
плећа 62
Плеяды 62, 63
плоць 72
пљосан 129
побре 92
побро 117
поганин 57
погибао 129, 130, 169
погорелац 131
подлац 129
подмости 67
подне 125, 137, 139
подстриици 62
поезд 23
пожарни 123
познаник 102
позориште 123
појам 129
појас 134
покојни(к) 95
пол 66, 78, 102
полазак 138
полдень 125
полк 29
половой 122
полтора(ы) 24
поље 108, 109, 110, 112,
 113, 117, 134
помочи 64
Поповић 57

поређење 46
портъеры 65
посао 129, 130, 132
посилни 123
поткисли 92
потроха 66
потрошња 130
потурица 88
Потурченец 88
почетак 129
прадедови 132
прасе 74, 117
прегалац 131
предак(преци) 132
предвојничка 123
предео 130
 председавајући 123, 124
презиме 137
прелац 131
преосвећени 122, 123
преосвеишени 123
преслацци 62
преснац 129
престо 130
пријазан 129, 169
пријатељ 57
пријатељица 88
примедба 121, 130
принц 135
приповетка 138
продо 130
прозор 51, 94, 110, 117
пропалица 88, 119
професор 88
професорка 102
прошња 130
прса 34, 121, 168
прси 63, 92, 121
прст 107, 117, 121, 132
Прус 132
прхут 90
прысмакі 63
прыцемкі 63

псар 132
псето 33, 74, 137, 170
псић 132
птић 132
птица 45, 61, 80
птичар 122
пустомеля 88, 90
пут 33, 121, 133, 135, 139
путник 57
путы 64
Пушкино 126
пчелац 131
п'яница 89
раван 129, 169
рага 136
Раде 87, 137
радин 138
радио 133, 138, 139
раз 139
разнорабочий 124
раме 137
Ранко 108
раскош 90
расо 130
ребенок 27, 61, 74
ребрац 129
рега 136
реге 92
редак 138
рерна 130
референт 123
реч 115, 120, 139, 150, 154,
 157, 159
речник 81
риба 109
ризик 139
рика 59
рита 129
робот 95
рога 136
рогаљ 132
родео 130
родители 63, 64
родной 124

родослов'є 122
 родословная 122
 рожнац 129
 роллети 65
 рондо 130
 рот 24
 рубац 129
 рука 33
 Рус 132
 руса'є(льи) 62
 русин 69, 138
 русь 69
 ручак 129, 132
 рэсурсы 63
 ряд 71
 сабирак 122
 саблзан 129, 169
 саб'ля 98
 савест 115
 сага 136
 сајам 132
 салдо 84, 85
 салтомортале 92
 сан 129, 131
 сани 63, 66, 67
 санке 81
 саонице 63
 сапоги 67
 Сас 132
 сат 117, 121, 140
 сахар 24
 сахор 66
 свадльвец 88
 свадльивица 88
 свастика 135
 сватови 34, 62
 сведка 89
 светлац 129
 свиња 74
 свитлац 129
 секатор 66
 селе 67, 92
 село 81, 108, 109, 110, 112,
 117, 120, 124

семе(семя) 71, 137
 сестра 70, 115, 119
 сестрица 119
 сига 136
 сијамка 130
 Сик 135
 сименталка 136
 симка 136
 синагога 136
 син 97, 131
 сирокко 82
 сироче 81
 сир'ће 137
 сити 122
 скакач 97
 скво 125
 склянка 74
 скоморох 84
 скрипка 66
 скрлет 90
 слагасное 122
 слама 57
 сламка 57
 слатко 123, 170
 слачац 129
 слеме 137
 слепи 123
 слепой 124
 сливки 66
 слипы 65
 слога 136
 слуга 33, 80, 87, 108, 109,
 117, 122
 слушалац 131
 смисао 110, 129, 130
 смрт 133
 снаха 135
 снет 90
 снимка 136
 сноп'є 57
 со 59, 107, 116, 122, 130,
 149, 169, 170
 собака 74
 соко 130
 соты 64

социјално 123
 спачек 97
 специалист 24
 стица 129, 131, 140, 141
 спіна 66
 спомен-плоча 8
 спортсиста 88
 сраслац 129
 Србија 58
 Србин 54, 57, 128, 138
 среди 48
 Српство 57
 ставни 65
 стаж 135
 Стажары 63
 стакалце 77
 стакло 137
 станка 130
 Станоје 108
 стара(ц) 123, 132, 135
 стари 123
 ствар 108, 109, 110, 117,
 120, 133, 169
 стваралац 131
 стварност 115
 стена 78
 стерео 130
 сто 46, 52, 53, 54, 55, 57,
 124, 130
 стоп-светло 8
 стога 136
 стојадин 97
 столар 119
 стонога 136
 страх 119
 стрелац 131
 стриц 135
 стряпчий 122
 студент 51, 52, 57
 студио 85
 субјекат 129
 Сувалкі 63
 судац 132, 138

судија 79, 88, 110
сумасишавиши 123
сунце 51, 137
сунчац 129
супруга 135
сусјед 102
суткі 63, 66
сухо 123
такси 67, 125
таксист(а) 88, 89
тале 92
таљиге 63, 68
тамо 48
тарана 66
твртка 130
телац 131
теле 72, 74, 76, 113
 телад 57, 72
телега 63, 68
теленок 131. См. теле
тело 54, 137, 169
теме 137
теснац 129
тетка 119
тиква 130
тим(рагби-тим) 8
тираж 135
тишиња 130
ткалац 131
ткаћ 132
тле 137
тло 130
товаришिका 102
товаришески 24
тојага 136
топ 97
тореадор 84
торер(о) 84, 95
торзо 84
торпедо 80, 88
точак 132
трава 57
трага 136
трганци 66

треиња 130
три 23, 24, 27, 46, 51, 52,
 53, 54, 57, 76, 124,
 146
тријенале 92
тринаесторица 60
триста 52, 57
троје 54
Тронхей 126
трошак 132
трубадур 119
труп 104
трусы 62, 65
тряска 130
туђин 138
Турчин 132, 139
тюль 89
ћале 67, 92, 117
ћебе 72, 73, 74, 77
ћерка. См. кћи
ћошак 132
уво 137
угаљ 59
удар 108
уже 75
узы 64
ултимо 126
уље 69
унука 135
усне 130
усталац 131
ухо 89, 93, 120, 121, 140
ухода 122
ученик 80, 103
учитель 78
учительница 78
учитель 103
фа 91, 126
факт 87, 139
фаланга 136
фармерке 65
фењер 92
фијат 97
Філіпіны 63

филм 86, 132
филиц 135
финале 81, 84, 85, 86, 93,
 95, 137
фламенко 81
фламинго 86, 95
фоаје 84
форте 126
фотель 79
фра 125
Француз 119
фрау 92, 125
фризер 119
фуга 136
хаику 126
хапс 122
харакири 133
хаџи 125
хват 121, 132
херцег 139
хит 84
хобби 125
хованкі 63
холодная 122
хоромы 64
хрбат 129
Хрватска 122
хрид 90
Христос 139
хришићанин 57
хромой 124
хумка 130
цар 119, 133, 135
цвет 71, 133
цеће 67, 71
цвінтар 66
цент 132
центар 132
Циганин 57
цигла 121
црв 132
црвени 123
црвенперка 136
црква 130

црни 123
црнка 130
Црногорка 130
црноок 138
цуцак 139
ча 125
чај 60, 85
чакишире 65
чарапе(најлон-чарапе) 8
чарбаџи 125
чарніла 66
час 23
чедоморка 135
человек(човек) 54, 94, 124,
139, 141
люди 53
челяд 75
челяде 61, 74
челюсти 63
чернила 65, 66
четворица 98
четворо 54
четири 24, 51, 52, 53, 54,
57, 98
четки 67
Чех 132, 135
чешаль 131
чика 117
чиле 92

чиновник 122
читалац 130
чича 79
чланак 51, 132
чланица 103
чобанин 138
чобанче 74
човек(человек) 54, 94, 139,
141
чудо 54, 137, 170
чукундедови 132
џога 136
џудист 88
шав 131
шакмац 129
шампунь 89
шасси 67
шах 132, 139
шахматы 63
шаиш 90
шва 92
Шваба 58
Шведска 122
Швеђанка 60
шездесет 138
шезлонг 60
шейна 66
шесторка 136
шилѐже 137

шиши 74
шишика 136
шкуд 132
шмат 53
шмацѐ 70
шольица 57
шорц 65
шоссе 125
шпага 136
шпарога 136
штиц 135
штаны 62, 65, 67
Штапци 62
штенац 57
штене 96
штрајк 139
штрапац 129
шуга 136
шум 60
шут 133
шуишња 130
шуиштањ 129
шча 91, 126
џи 67
џипцы 64, 67
ясень 89

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов, Б. А. К проблеме слова / Б. А. Абрамов // Слово в грамматике и слове: сб. ст. / отв. ред. В. Г. Гак. – М. : Наука, 1984. – С. 15–20.

Аванесов, Р. И. Очерк грамматики русского литературного языка / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. – М. : Учпедгиз, 1945. – 236 с.

Алиева, А. А. Турецкие лексические заимствования в языке И. Андрича и современном сербохорватском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Алиева; ЛГУ. – Л., 1983. – 23 с.

Андронов, А. В. Сопоставительная грамматика литовского и латышского языков. Словоизменение: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Андронов. – СПб., 1999. – 18 с.

Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 302 с.

Апресян, Ю. Д. Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966–1969 гг. / Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук. – М. : Ин-т рус. яз., 1973. – 71 с.

Аронсон, Г. Морфонология болгарского словоизменения / Г. Аронсон. – М. : Прогресс, 1974. – 261 с.

Багдасаров, А. Р. Социально-политические аспекты функционирования лексической системы современного хорватского языка (90-е годы XX века) / А. Р. Багдасаров // Славяноведение. – 2001. – № 1. – С. 51–57.

Беларуская граматыка : у 2 ч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1. – 431 с.

Белић, А. О двојини у словенским језицима / А. Белић. – Београд : Геца Кон, 1932. – 98 с.

Белић, А. Има ли локатива (седмог падежа) у српскохрватском језику? [1935] / А. Белић // Белић, А. Изабрана дела : у 14 т. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. – Т. 13. – С. 423–426.

Белић, А. Падежна система и происхождение предлогов / А. Белић // Јужнословенски филолог. – 1957–1958. – Т. 22. – Књ. 1–4. – С. 1–17.

Белић, А. О језичкој природи и језичком развоју. Лингвистичка испитивања : у 2 књ. / А. Белић. – Београд : 1958–1959. – Књ. 1. – 359 с.; Књ. 2. – 184 с. [Переиздано: Белић, А. Изабрана дела : у 14 т. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 1998. – Т. 1. Општа лингвистика. – 589 с.]

Белић, А. Општа лингвистика [1941; 1959] / А. Белић // Белић А. Изабрана дела : у 14 т. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 1998. – Т. 1. – 590 с.

Белић, А. Око нашег књижевног језика / А. Белић. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 1998. – 212 с. (Изабрана дела Александра Белића. Т. 8.)

Белић, А. Савремени српскохрватски књижевни језик [1968] / А. Белић // Белић А. Изабрана дела : у 14 т. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. – Т. 14. – С. 11–213.

Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы / С. Б. Бернштейн. – М. : Наука, 1974. – 378 с.

Бечева, Н. О граматичком роду именица страног порекла на -о, -е / Н. Бечева // Актуелни проблеми граматике српског језика : зб. радова. – Суботица : Градска библиотека; Београд : Народна библиотека Србије, 1999. – С. 255–259.

Бидер И. Г. Формальная модель русской морфологии : в 2 ч. / И. Г. Бидер, И. А. Большаков, Н. А. Еськова. – М. : Ин-т рус. яз., 1978. – Ч. 1. – 59 с.; Ч. 2. – 48 с.

Богданов, В. В. Феномен общезыковой оппозиции «лексика – грамматика» / В. В. Богданов // Общее языкознание и теория грамматики : матер. чтений, посвящ. 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – СПб. : Наука, 1998. – С. 22–27.

Бодуэн де Куртенэ, И. А. Введение в языковедение / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избр. труды по общему языкознанию : в 2 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1963а. – Т. 2. – С. 246–293.

Бодуэн де Куртенэ, И. А. Количественность в языковом мышлении языковедение / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избр. труды по общему языкознанию : в 2 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1963б. – Т. 2. – С. 311–324.

Бондарко, А. В. Категории и разряды славянской функциональной морфологии / А. В. Бондарко // Славянское языкознание. 7 Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. – М. : Наука, 1973. – С. 42–62.

Бондарко, А. В. К интерпретации одушевленности-неодушевленности, разрядов пола и категории рода / А. В. Бондарко // Славянское и балканское языкознание. – М. : Наука, 1976а. – Вып. 2. – С. 25–39.

Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1976б. – 256 с.

Брајичић, О. Нарушавање норми или тенденције развитка српског језика / О. Брајичић // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1995. – Зб. 24/1. – С. 59–66.

Булыгина, Т. В. Проблемы теории морфологических моделей / Т. В. Булыгина. – М. : Наука, 1977. – 287 с.

Булыгина, Т. В. Модель / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедич. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1998. – С. 304–305.

Васильева, В. Ф. Категория числа и существительные *pluralia tantum* (на материале современного чешского языка) / В. Ф. Васильева // Вестн. МГУ. Сер. Филология. – 1972. – № 1. – С. 56–67.

Васильева, В. Ф. Существительные pluralia tantum как лексико-грамматическая категория в чешском и русском языках / В. Ф. Васильева // *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*. – Praha, 1974. – S. 77–92.

Васильева, Л. П. Штокавські літературні мови: проблеми становлення, розвитку, сучасний стан / Л. П. Васильева. – Львів : ЛНУ, 2002. – 344 с.

Вежбицка, А. Дело о поверхностном падеже / А. Вежбицка // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 15 / общ. ред. Т. В. Булыгиной, А. Е. Кибрика. – С. 303–341.

Вежбицкая, А. Семантика грамматики / А. Вежбицкая. – М. : ИНИОН, 1992. – 31 с.

Виноградов, В. А. Одушевленности – неодушевленности категория / В. А. Виноградов // *Языкознание: большой энцикл. словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – С. 342–343.

Виноградов, В. В. О формах слова / В. В. Виноградов // *Известия АН СССР. Отд. литературы и языка*. – 1944. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 31–44.

Витас, Д. О элементарной морфографемской класи / Д. Витас // *Научни састанак слависта у Вукове дане*. – 1997. – Зб. 26/2. – С. 195–205.

Војводић, Д. О вокативном обраћању у српском и другим словенским језицима / Д. Војводић // *Научни састанак слависта у Вукове дане*. – 2003. – Зб. 31/1. – С. 190–200.

Володин, А. П. Падеж: форма и значение или значение и форма? / А. П. Володин // *Склонение в палеоазиатских и самодийских языках : сб. ст. / отв. ред. П. Я. Скорик*. – Л. : Наука, 1974. – С. 261–291.

Волоцкая, З. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме / З. М. Волоцкая, Т. М. Молошная, Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1964. – 186 с.

Вольтеръ, Э. Разысканія по вопросу о грамматическомъ родѣ / Э. Вольтеръ. – СПб. : Императорская АН, 1882. – 156 с.

Ворт, Д. С. Морфонология славянского словообразования / Д. С. Ворт // *American Contributions to the 7th Internat. Congr. of Slavists*. – Hague : Mouton, 1973. – Vol. 1. – P. 377–391.

Вукомановић, С. О лексичкој и морфолошкој структури именица страног порекла у српском језику / С. Вукомановић // *Научни састанак слависта у Вукове дане*. – 1997. – Зб. 26/2. – С. 219–230.

Гак, В. Г. Слово / В. Г. Гак // *Языкознание : большой энцикл. словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – С. 464–467.

Гаравалова, И. Така наречената системозависима морфологическа натуралност / И. Гаравалова // *Езикът и литературата – средство за (не)разбирателство : сб. / под ред. И. Монова*. – София : Св. Климент Охридски, 2003. – С. 367–377.

Гаспаров, Б. М. Сравнительная грамматика славянских языков : в 2 ч. / Б. М. Гаспаров, П. С. Сигалов; под ред. А. Е. Супруна. – Тарту : ТГУ, 1974. – Ч. 2. – С. 246–496.

Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.

Гаспаров, Б. М. Наблюдения над употреблением форм перфекта в древнерусском языке / Б. М. Гаспаров // Труды по русской и слав. филологии. Лингвистика. Новая серия. – Вып. 7. – Тарту, 2002. – С. 27–39.

Гладкий, А. В. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительных / А. В. Гладкий // Проблемы грамматического моделирования : сб. ст. / отв. ред. А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1973. – С. 24–32.

Глисон, Г. Введение в дескриптивную лингвистику / Г. Глисон. – М. : Прогресс, 2002. – 460 с.

Горшкова, И. М. О функционировании числовых парадигм в близкородственных языках / И. М. Горшкова // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками : сб. ст. / под ред. А. Г. Широковой, В. Грабье. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – С. 196–205.

Гранде, Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков / Б. М. Гранде. – М. : Вост. лит., 1998. – 439 с.

Граудина, Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская; отв. ред. С. Г. Бархударов. – М., 1976. – 455 с.

Граудина, Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. – 557 с.

Гудков, В. П. Сербохорватский язык / В. П. Гудков. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – 168 с.

Гудков, В. П. Прилог проучавању варијабилних облика генитива множине / В. П. Гудков // Наш језик. – 1986. – Св. 27/1-2. – С. 72–76.

Гудков, В. П. Оквири употребе наставака -а и -и у генитиву множине именичке друге деklinације / В. П. Гудков // Наш језик. – 1987. – Св. 27/3-4. – С. 224–240.

Гудков, В. П. Обликовање инструментала једине у именичкој трећој деklinацији / В. П. Гудков // Наш језик. – 1988а. – Св. 28/1-2. – С. 11–24.

Гудков, В. П. Чередование к//ц, г//з, х//с в склонении существительных сербохорватского языка / В. П. Гудков // Теория и практика изучения славянских языков : сб. ст. / под ред. Р. П. Усиковой, О. Н. Шапкиной. – М. : Изд-во МГУ, 1988б. – С. 42–51.

Гудков, В. П. О дистрибуцији алтернативних наставака у облицима инструментала једине именичке прве деklinације / В. П. Гудков // Наш језик. – 1989. – Св. 28/3. – С. 136–157.

Гудков, В. П. Обликовање вокатива једине именичке 1. деklinације у књижевним текстовима XX в. / В. П. Гудков // Наш језик. – 1990. – Св. 28/4-5. – С. 242–278.

Гудков, В. П. О морфологическом своенравии сербохорватского слова *вече(р)* / В. П. Гудков // Славистический сб. в честь 70-летия проф. П. А. Дмитриева / под ред. Г. И. Сафронова. – СПб. : Изд-во ЛГУ, 1998. – С. 144–151.

Гудков, В. П. К изучению сербско-хорватских языковых дивергенций / В. П. Гудков // Гудков, В. П. Славистика, сербистика : сб. ст. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – С. 171–188.

Гудков, В. П. Необходимый комментарий к употреблению термина «боснийский язык» [2002] / В. П. Гудков // Гудков, В. П. Исследование частных вопросов истории славянских языков : сб. науч. тр. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 110–112.

Гухман, М. М. Грамматическая категория и структура парадигм / М. М. Гухман // Исследования по общей теории грамматики : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1968. – С. 117–174.

Дабих, Б. Белешке о категорији јединичности у српском језику / Б. Дабих // Наш језик. – 2000. – Св. 33/3-4. – С. 198–203.

Даничић, Ђ. Мала српска граматика / Ђ. Даничић. – Беч, 1850. – 83 с.

Дегтярев, В. И. Категория числа в славянских языках: историко-семантическое исследование / В. И. Дегтярев. – Ростов-н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1982а. – 268 с.

Дегтярев, В. И. О происхождении имен собирательных на *-ad* в сербохорватском и словенском языках / В. И. Дегтярев // Этимология-1980. – М. : Наука, 1982б. – С. 79–87.

Дегтярев, В. И. Происхождение имен *pluralia tantum* в славянских языках / В. И. Дегтярев // Вопр. языкознания. – 1982в. – № 1. – С. 65–77.

Дешић, М. Вокатив у српскохрватском писаном и говорном језику / М. Дешић // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1981. – Књ. 7/2. – С. 147–157.

Дешић, М. Акузатив једнине именица мушког рода и полисемија / М. Дешић // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1997. – Зб. 26/2. – С. 185–193.

Димитрова, С. Исключения в русском языке / С. Димитрова. – Columbus : Slavica Publishers, 1994. – 246 с.

Димитрова, С. Конкуренция форм – характерная типологическая черта славянских языков / С. Димитрова // Славянска филология. – 2003. – Т. 23. – С. 143–151.

Дмитриев, П. А. К вопросу о названии литературного языка сербов, хорватов и черногорцев / П. А. Дмитриев // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. – 1958. – № 14. – С. 174–177.

Дмитриев, П. А. Вук, С. Караджич и его реформа сербскохорватского/хорватосербского литературного языка : учеб. пособие / П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1984. – 107 с.

Драгићевић, Р. Лексикологија српског језика / Р. Драгићевић. – Београд : Завод за уџбенике, 2007. – 366 с.

Дурново, Н. Н. Грамматический словарь: Грамматич. и лингвистич. термины / Н. Н. Дурново; под ред. О. В. Никитина. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 184 с.

Ђорђевић, Р. Категорија броја именица у енглеском и српскохрватском језику / Р. Ђорђевић // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1984. – 36. 13/1. – С. 139–150.

Ељмслев, Л. О категориях личности – неличности и одушевленности – неодушевленности / Л. Ељмслев // Принципы типологич. анализа языков различного строя / отв. ред. Б. А. Успенский. – М. : Наука, 1972. – С. 114–152.

Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.

Еськова, Н. А. Формальная модель русской морфологии / Н. А. Еськова, И. А. Мельчук, В. З. Санников. Ч. I. – М. : Ин-т рус. яз., 1971. – 71 с.

Жыдовіч, М. А. Назоўнік у беларускай мове. Ч. 1: Адзіночны лік / М. А. Жыдовіч; пад рэд. В. І. Баркоўскага. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1969. – 230 с.

Зализняк, А. А. О показателях множественного числа в русском склонении [1967a] / А. А. Зализняк // Зализняк, А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 545–549.

Зализняк, А. А. Русское именное словоизменение [1967b] / А. А. Зализняк // Зализняк, А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 1–370.

Зализняк, А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях [1973] / А. А. Зализняк // Зализняк, А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 613–647.

Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / А. А. Зализняк. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. словари, 2003. – 800 с.

Запрудский, С. Н. Сербскохорватско-белорусские лексические соответствия : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Запрудский; Ин-т языкознания АН БССР. – Минск, 1989. – 18 с.

Ивић, М. Обележавање именичког рода у српскохрватском књижевном језику / М. Ивић // Наш језик. – 1960. – Св. 10/3–6. – С. 192–211.

Ивић, М. Какви промени на граматичног число са извршени в отделните славянски езици? / М. Ивић // Славянска филологија. Материали за 5 Междунар. конгрес на слависти. – София : Изд-во БАН, 1963. – Т. 1. – С. 139–140.

Ивић, П. О деκлинационим облицима у српскохрватским дијалектима [1959–1960] / П. Ивић // Ивић, П. Изабрани огледи : у 3 књ. – Ниш : Просвета, 1991. – Књ. 3. – С. 123–189.

Ивич, П. Система падежных окончаний существительных в сербскохорватском литературном языке / П. Ивич // Русское и славянское языкознание : сб. ст. / отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1972. – С. 106–121.

Ивић, П. Миграције балканских Словена у светлости лингвистичке географије [1972] / П. Ивић // Ивић, П. Изабрани огледи : у 3 књ. – Ниш : Просвета, 1991. – Књ. 1. – С. 239–269.

Ивић, П. Српски народ и његов језик / П. Ивић. – 2-е изд. – Београд : Српска књижевна задруга, 1986. – 327 с.

Ивић, П. О специфичном карактеру дијалекатске разуђености српскохрватске језичке области // Ивић, П. О језику некадашњем и садашњем. – Београд, 1990. – С. 180–188.

Игњатовић, Д. О роду именице *бол* / Д. Игњатовић // Наш језик. – 1960. – Св. 10/1-2. – С. 55–59.

Иомдин, Л. Л. Семантическая неполнота русских именных парадигм / Л. Л. Иомдин // Die Welt der Slaven. – 1996. – Т. 41. – Р. 361–384.

Исаченко, А. В. О грамматическом значении / А. В. Исаченко // Вопр. языкознания. – 1961. – № 1. – С. 28–43.

Исаченко, А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология / А. В. Исаченко. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 880 с.

Кантино, Ж. П. Сигнификативные оппозиции / Ж. П. Кантино // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б. А. Успенский. – М. : Наука, 1972. – С. 62–94.

Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Русский язык, 1993. – 330 с.

Карацић, В. С. Српска граматика / В. С. Карацић // Карацић, В. С. Сабрана дела. – Београд : Просвета, 1966. – Књ. 2. – С. XXIX–LXIX.

Карпов, В. А. Язык как система / В. А. Карпов. – Минск : Выш. шк., 1992. – 302 с.

Карский, Е. Ф. Белорусы : в 3 вып. / Е. Ф. Карский. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Вып. 2–3. – 518 с.

Касевич, В. Б. Морфонология / В. Б. Касевич. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 160 с.

Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Касевич. – М. : УРСС, 2002. – 220 с.

Кибрик, А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – СПб. : Алетея, 2003. – 720 с.

Клименко, О. К. Слово как объект грамматического изучения / О. К. Клименко // Лингвистич. исследования в конце XX в. / отв. ред. Ф. М. Березин. – М. : ИНИОН, 2000. – С. 156–172.

Корбетт, Г. Одушевленность в русском и других славянских языках / Г. Корбетт // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 15 / общ. ред. Т. В. Булыгиной, А. Е. Кибрика. – С. 388–406.

Котова, Н. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком / Н. Котова, М. Янакиев. – М. : МГУ, 2001. – 889 с.

Кречмер, А. Нека питања морфосинтаксе савременог српског језика / А. Кречмер // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 2003. – 36. 31/1. – С. 71–80.

Кубрякова, Е. С. Основы морфологического анализа / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1974. – 319 с.

Кузнецов, П. С. Опыт формального определения слова / П. С. Кузнецов // Вопр. языкознания. – 1964. – № 5. – С. 75–77.

Кузнецов, П. С. К вопросу о количестве именных классов в суахили / П. С. Кузнецов // Африканская филология / под ред. Н. В. Охотиной. – М. : Изд-во МГУ, 1965. – С. 3–8.

Кузьмянкова, Т. В. Семантична і формальна карактеристика категориј адушај-лѣнасці – неадушајлѣнасці / Т. В. Кузьмянкова // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1980. – № 1. – С. 110–121.

Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – Биробиджан : Тривиум, 2000. – 490 с.

Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 543 с.

Лалевић, М. Српско-хрватски у мом цепу : у 3 књ. / М. Лалевић. – Зајечар : Зајечар, 1979. – Књ. 1–3. – 1337 с.

Леков, И. За някои от най-съществениите типологични черти на сърбохърватския език / И. Леков // Zbornik u čast Stjepana Ivšića / urednici M. Hraste, Lj. Jonke, M. Ratković. – Zagreb : Hrvatsko filološko društvo, 1963. – S. 237–245.

Леонова, Л. В. Сербскохорватский язык / Л. В. Леонова. – Минск : Университетское, 1988. – 93 с.

Лосев, А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А. Ф. Лосев. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1968. – 280 с.

Лосев, А. Ф. Аксиоматика знаковой теории языка / А. Ф. Лосев // Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – С. 28–64.

Людсканов, А. Некоторые проблемы эвристического моделирования в лингвистике / А. Людсканов // Использование математических моделей и электронных вычислительных машин в лингвистике : сб. докл. – София, 1976. – С. 17–34.

Мадоян, В. В. Именное словоизменение (на материале индоевропейских языков) / В. В. Мадоян. – Ереван : Луйс, 1991. – 118 с.

Маньков, А. Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках / А. Е. Маньков // Вопр. языкознания. – 2004. – № 5. – С. 79–92.

Маројевић, Р. Плурализација дуалских форми у српскохрватском језику / Р. Маројевић // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1984. – 36. 13/1. – С. 49–53.

Мароевич, Р. Русская грамматика: сопоставительная грамматика русского и сербского языков с историческими комментариями : в 2 т. / Р. Мароевич. – М. : Междунар.

ун-т бизнеса и права; Белград : Сербский фонд славян. письменности и славян. культур; Филологич. ф-т Белградского ун-та, 2001. – Т. 1–2.

Мартынов, В. В. Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов; отв. ред. Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1982. – 192 с.

Мартынов, В. В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний / В. В. Мартынов. – Минск : ЕГУ, 2001. – 140 с.

Марчук, Ю. Н. Реферат кн. : Кривоносов, А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. – М.; Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. – 846 с. / Ю. Н. Марчук // Соц. и гуманитар. науки. Сер. 6, Языкознание: РЖ. – М. : ИНИОН, 2003. – № 1. – С. 30–44.

Математическая энциклопедия : в 5 т. – М., 1977–1985.

Матијашевић, Ј. Структурно-семантичка компонента категорије рода именица које означавају млада бића у руском и српскохрватском језику / Ј. Матијашевић // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1981. – 36. 7/2. – С. 199–211.

Машкина, Л. Е. Некоторые итоги лингвостатистического анализа частотного словаря триад / Л. Е. Машкина // Частотные словари и автоматическая переработка лингвистических текстов. – Минск, 1968. – С. 78–83.

Межкатегориальные связи в грамматике / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 231 с.

Мельчук, И. А. Статистика и зависимость рода французских существительных от окончания / И. А. Мельчук // Вопросы статистики речи / отв. ред. Л. Р. Зиндер. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. – С. 112–130.

Мельчук, И. А. О стандартной форме и количественных характеристиках некоторых лингвистических описаний / И. А. Мельчук // Вопр. языкознания. – 1963. – № 1. – С. 113–123.

Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст» / И. А. Мельчук. – М. : Языки рус. культуры; Вена : Венский славистич. альманах, 1995. – 682 с.

Мельчук, И. А. Опыт разработки системы понятий и терминов для морфологии / И. А. Мельчук // Семиотика и информатика. – 1997. – Вып. 35. – С. 15–58.

Мельчук, И. А. Курс общей морфологии : в 5 т. / И. А. Мельчук. – М. : Языки рус. культуры : Прогресс; Вена : Венский славистич. альманах, 1997–2006. – Т. 1–5.

Методы изучения лексики / под ред. А. Е. Супруна. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 232 с.

Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – Минск : Амалфея, 2000. – 368 с.

Милославский, И. Г. Морфологические категории современного русского языка / И. Г. Милославский. – М. : Просвещение, 1981. – 254 с.

Міхневіч, А. Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы / А. Я. Міхневіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 264 с.

Младеновић, А. Нека питања варијантности норме у савременом српскохрватском књижевном језику / А. Младеновић // *Wariancja normy we współczesnych słowiańskich językach literackich* / pod red. S. Urbańczyka. – Wrocław : Polska Akademia Nauk, 1977. – S. 51–56.

Младеновић, Р. Говор шарпланинске жупе Гора / Р. Младеновић // Српски дијалектолошки зборник. – 2001. – Књ. 48. – С. 1–606.

Мустайоки, А. Возможна ли грамMATика на семантической основе? / А. Мустайоки // *Вопр. языкознания*. – 1997. – № 3. – С. 15–25.

Мучник, И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / И. П. Мучник. – М. : Наука, 1971. – 298 с.

Наркевић, А. І. Назоўнік. Граматычныя катэгорыі і формы / А. І. Наркевић. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1976. – 248 с.

Невекловский, Г. Языковое состояние на территории распространения бывшего сербскохорватского языка / Г. Невекловский // *Славяноведение*. – 2001. – № 1. – С. 39–58.

Нешистой, В. В. Форма представления ранговых распределений / В. В. Нешистой // *Ученые записки Тартуского ун-та*. – 1987. – Вып. 774. – С. 123–134.

Николић, М. Именици с наставцима -у/-ију у генитиву множине / М. Николић // *Наш језик*. – 1981. – Св. 25/1-2. – С. 82–99.

Николић, М. Недеклинабилне именице у српском језику / М. Николић // *Наш језик*. – 1995/96. – Св. 30/1-5. – С. 15–43.

Николић, М. Обратни речник српскога језика / М. Николић. – Београд : Палчић, 2000. – 1395 с.

Николић, М. Граматичка основа и наставци именица типа *име – имена* / М. Николић // *Наш језик*. – 2001. – Св. 34/1-2. – С. 71–83.

Новаковић, С. Српска граматика / С. Новаковић. – Београд : Државна штампарија, 1902. – 517 с.

Норман Б. Ю. Звательная форма / Б. Ю. Норман // *Белорусско-болгарские языковые параллели* : сб. ст. – Минск : Университетское, 1992. – С. 94–101.

Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. – 228 с. [Переиздано в Москве в 2011 г.]

Норман, Б. Ю. Словоформа как фокус динамического взаимодействия лексики и синтаксиса / Б. Ю. Норман // *Rusistica Española*. – 1996. – № 6. – С. 3–12.

Норман, Б. О существительных *pluralia tantum* в славянских языках / Б. Норман, Н. Супрунчук // *Зборник Матице српске за славистику*. – 2000. – Св. 58-59. – С. 57–66.

Норман, Б. Ю. Грамматическая информация в словаре vs. лексическая информация в грамматике / Б. Ю. Норман // *Труды по русской и славянской филологии. Новая серия. Лингвистика*. – Вып. 8. – Тарту, 2002. – С. 148–162.

Об одном подходе к типологии славянских языков / З. М. Волоцкая, Т. М. Молошная, Т. М. Николаева и др. // Славянское языкознание. 5 Междунар. съезд славистов. Докл. советской делегации. – М. : Наука, 1963. – С. 510–552.

Обнорский, С. П. Именное склонение в современном русском языке : в 2 вып. / С. П. Обнорский. – Л. : Изд-во АН СССР, 1927–1931. – Вып. 2. – 412 с.

Озерова, Н. Г. Формально-семантична взаємодія субстантивних категорій в аспекті функціональної граматики / Н. Г. Озерова, А. К. Смольська // Мовознавство. – 1996. – № 2–3. – С. 97–106.

Остојић, Б. Репартиција и конкуренција наставака генитива множине именица женског рода са сугласничком скупом на крају основе / Б. Остојић // Наш језик. – 2000. – Св. 33/3-4. – С. 204–210.

Откупщикова, М. И. Система морфологического синтеза для русского языка / М. И. Откупщикова, С. Я. Фитиалов // Научно-техническая информация. – 1964. – № 1. – С. 39–46.

Панов, М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М. : Наука : Языки рус. культуры, 1999. – 275 с.

Парпара, О. А. Соповишће филолога-сербокроатиста / О. А. Парпара // Вест. МГУ. Сер. Филологија. – 1993. – № 5. – С. 64–66.

Паршин, П. Б. Теоретическе превороти и методологически мјетж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин // Вопр. языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.

Перцов, Н. В. Инварианты в русском словоизменении / Н. В. Перцов. – М. : Языки рус. культуры, 2001. – 280 с.

Пецо, А. Трагови двојине у шћакавским говорима / А. Пецо // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1984. – 36. 13/1. – С. 41–48.

Пецо, А. Стазама нашега језика / А. Пецо. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 1985. – 291 с.

Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 544 с.

Пипер, П. Оглед српске морфосинтаксе / П. Пипер. – Сеул : Ханкук универзитет за стране студије, 1997. – 103 с.

Пипер, П. Српска и словеначка грамика у огледалу руске / П. Пипер // Славистика. – 1999. – Књ. 3. – С. 150–167.

Пипер, П. О граматичким особеностима бројева у српском и другим словенским језицима / П. Пипер // Глас Српске академије наука и уметности. Одељење језика и књижевности. – 2002. – Књ. 19. – С. 99–114.

Пипер, П. О именским конгруенцијским класама у српском језику / П. Пипер // Глас Српске академије наука и уметности. СССХVIII. – Одељење језика и књижевности. – 2004. – Књ. 20. – С. 19–28.

Пипер, П. Српски језик // Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције / В. Малцијева [и др.]; у ред. П. Пипера. – Београд : Београдска књига, 2009. – С. 381–536.

Пјанка, В. Потеклото и развојот на граматичката категорија род во словенските јазици / В. Пјанка // Македонски јазик. – 2002. – Год. 53. – С. 27–53.

Плунгян, В. А. Общая морфология / В. А. Плунгян. – М. : УРСС, 2000. – 384 с.

Позняк, И. Д. Соотношение лексического и грамматического компонентов в семантике слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Д. Позняк. – Минск : БГУ, 1996. – 19 с.

Полонский, А. В. Эготив, вокатив, номинатив: субъект и падежная парадигма / А. В. Полонский // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 3. – С. 46–51.

Попова, Т. П. Сербскохорватский язык / Т. П. Попова. – М. : Высш. шк., 1986. – 271 с.

Поповић, Љ. Стратификација језика у традиционалним граматикама / Љ. Поповић // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 2004. – 36. 33/3. – С. 7–33.

Поспелов, Н. С. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи / Н. С. Поспелов // Вопросы граматич. строя : сб. / редкол. : В. В. Виноградов [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 74–91.

Правопис српскога језика. Школско издање / Приред. М. Пешикан, Ј. Јерковић, М. Пижурица. – Нови Сад : Матица српска; Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 1995. – 328 с.

Правопис српскохрватскога књижевног језика са правописним речником. – Нови Сад: Матица српска; Загреб: Матица хрватска, 1960. – 831 с.

Пупынин, Ю. А. Функциональные аспекты грамматики русского языка / Ю. А. Пупынин. – Л. : ЛГПИ, 1990. – 79 с.

Радовић-Тешић, М. Морфолошки дублетизам инструментала јединине неких именица мушког рода / М. Радовић-Тешић // Актуелни проблеми граматике српског језика : зб. радова. – Суботица : Градска библиотека; Београд : Народна библиотека Србије, 1999. – С. 103–112.

Ревзин, И. И. Модели языка / И. И. Ревзин. – М., 1962.

Ревзин, И. И. Об иерархии грамматических категорий в славянских языках / И. И. Ревзин // Сов. славяноведение. – 1969. – № 3. – С. 66–78.

Ревзин, И. И. Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков / И. И. Ревзин // Структурно-типологич. исследования в области грамматики славянских языков: сб. ст. / отв. ред. А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1973. – С. 39–50.

Ревзина, О. Г. Основные черты структуры грамматической категории рода / О. Г. Ревзина // Славянское и балканское языкознание. – М. : Наука, 1976. – Вып. 2. – С. 4–24.

Реформатский, А. А. Число и грамматика / А. А. Реформатский // Вопросы грамматики : сб. ст. – М.; Л. : Наука, 1960. – С. 384–400.

Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М. : Аспект-пресс, 2001. – 536 с.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика. – Београд : САНУ, Институт за српскохрватски језик, 1962. – Књ. 2 / у ред. М. Пешикан. – 800 с.

Розова, З. Г. Колебания в склонении личных имен мужского рода на -о и на -е в сербохорватском языке сравнительно с русским / З. Г. Розова // Вопр. рус. языкознания. – Львов : Львовский гос. ун-т, 1958. – Кн. 3. – С. 132–158.

Русак, В. П. Марфаналогија сучаснай беларускай мовы / В. П. Русак. – Мінск : Бел. навука, 2003. – 316 с.

Руско-српски речник / у ред. Б. Станковића. – Нови Сад : Матица српска ; М. : Русский язык, 1998. – 1001 с.

Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис совр. рус. литературн. языка / под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 367 с.

Сабо-Јерков, О. Проблем одређивања семантичког модела дефиниције придева у рачунарској лексикографији / О. Сабо-Јерков // НССВД. – 1991. – Књ. 20/2. – С. 411–416.

Сербскохрватско-русский словарь / сост. Н. И. Толстой. – М. : Сов. энцикл., 1970. – 735 с.

Симић, Р. О нашем књижевном језику / Р. Симић. – Никшић : Универзитетска ријеч, 1991. – 424 с.

Симић, Р. Морфонолошки процеси у српскохрватском језику: њихови узроци и последице / Р. Симић. – Никшић : Јасен, 2002. – 385 с.

Славянская морфонология / отв. ред. Т. В. Попова. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

Смољска, А. Међуоднос граматичких и семантичких категорија код именица у српском језику / А. Смољска // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1997. – 36. 26/2. – С. 448–455.

Смирницкий, А. И. Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматиц. строя : сб. / редкол. : В. В. Виноградов [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 11–53.

Смотрицкий, М. Грамматики славенскія правильное синтагма / М. Смотрицкий. – Київ : Навук. думка, 1979. – 502 с.

Соболев, А. Н. Категория падежа на периферии балканославянского ареала / А. Н. Соболев // 36. Матице српске за филологију и лингвистику. – 1991. – Св. 34/1. – С. 93–139.

Соболев, А. Н. Сербохорватский язык / А. Н. Соболев // Основы балканского языкознания / под ред. А. В. Десницкой, Н. И. Толстого : в 3 ч. – СПб. : Наука, 1998. – Ч. 2. – С. 114–155.

Соболев, А. Н. Славянские pluralia tantum: проблема дефектной парадигмы / А. Н. Соболев // Южнославянский филолог. – 2005. – № 51. – С. 95–115.

Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–273.

Српски језик на крају века / ред. М. Радовановић. – Београд : Ин-т за српски језик: Службени гласник, 1996. – 201 с.

Српски језички приручник / П. Ивић [и др.]. – 2-е изд., доп. и измењ. – Београд : Београдска књига, 2004. – 338 с.

Стакић, М. Морфонологија и деривација / М. Стакић. – Београд : Чигоја, 2002. – 317 с.

Станић, М. Типови именичких деклинација нашег језика / М. Станић // Станић, М. Лингвистички листићи. – Никшић : Унирекс, 1993. – С. 15–36.

Станојчић, Ж. Граматика српског језика : уџбеник за I, II, III и IV разред средње школе / Ж. Станојчић, Љ. Поповић. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 1999. – 415 с.

Стеблин-Каменский, М. И. Возможно ли планирование языкового развития? / М. И. Стеблин-Каменский // Стеблин-Каменский, М. И. Спорное в языкознании. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. – С. 80–96.

Стевановић, М. Савремени српскохрватски језик : у 2 књ. / М. Стевановић. – Београд : Научна књига, 1981. – Књ. 1. – 654 с.

Стойчев, С. Основы существительных с уменьшительным значением / С. Стойчев // Белорусско-болгарские языковые параллели: сб. ст. – Минск : Университетское, 1992. – С. 111–119.

Суботић, Љ. О категорији броја код именица / Љ. Суботић // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1999. – Зб. 28/2. – С. 87–96.

Супрун, А. Е. О системном и статистическом представлении грамматических изоглосс славянского мира / А. Е. Супрун // Сов. славяноведение. – 1967. – № 1. – С. 42–50.

Супрун, А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во БГУ, 1969. – 232 с.

Супрун, А. Е. Лекции по языкознанию / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во БГУ, 1971. – 144 с.

Супрунчук, Н. В. Интеграция лексики и грамматики в русистике последних лет / Н. В. Супрунчук // Зборник Матице српске за славистику. – 2004. – Св. 65-66. – С. 285–293.

Супрунчук, Н. В. Формы вокатива в сербских анекдотах / Н. В. Супрунчук // Весн. БДУ. Сер. 4. – 2004. – № 2. – С. 90–95.

Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестн. МГУ. Сер. Филология. – 1999. – № 1. – С. 91–115; № 4. – С. 76–105; № 6. – С. 88–121.

Татарская грамматика / под ред. М. З. Закиева [и др.] : в 3 т. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1993. – Т. 2. – 397 с.

Тимофеев, В. П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке / В. П. Тимофеев. – Свердловск : Шадринский гос. пед. ин-т, 1971. – 185 с.

Тихомирова, Т. С. Еще раз о падеже / Т. С. Тихомирова // Филологич. сб. памяти С. Б. Бернштейна / под ред. В. П. Гудкова, С. С. Скорвида. – М. : МГУ, 2002. – С. 39–42.

Тихомирова, Т. С. Вариативность в польском склонении / Т. С. Тихомирова // Славянский вестник. Вып. 2 / под ред. Н. Е. Ананьевой, З. И. Карцевой. – М. : Макс-Пресс, 2004. – С. 366–375.

Толстая, С. М. Морфонология в структуре славянских языков / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 1998. – 320 с.

Толстой, Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. – М., 1988. – 240 с.

Толстой, Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. 1 / Н. И. Толстой // Толстой, Н. И. Избр. тр. : в 3 т. – М. : Языки рус. культуры, 1997–2000. – Т. 1. – 1997. – С. 44–69.

Тополињска, З. Антропоцентричка теорија језика и српски падежни систем / З. Тополињска // Јужнословенски филолог. – 2002. – № 58. – С. 1–13.

Топоров, В. Н. Локатив в славянских языках / В. Н. Топоров; отв. ред. С. Б. Бернштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 379 с.

Тошовић, Б. Контрастивно истраживање српског и хрватског језика / Б. Тошовић // Контрастивна проучавања српског језика: правци и резултати [прегледни радови] / уредници И. Клајн, П. Пипер. – Београд : САНУ, 2010. – С. 317–340.

Третьякова, Г. Н. Вариативность в аспекте эффективности коммуникации / Г. Н. Третьякова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 406 с.

Три питања и три одговора: одлука бр. 1 Одбора за стандардизацију српског језика. 16. фебруар 1998. године [Електронни ресурс] / припремили Б. Брборић, И. Клајн, П. Пипер. – Режим доступа: http://www.rastko.rs/filologija/odbor/odluka001_c.html. – Дата доступа: 04.01.2011.

Трубецкой, Н. И. Избр. тр. по филологии / Н. И. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1987. – 560 с.

Уорф, Б. Грамматические категории / Б. Уорф // Принципы типологич. анализа языков различного строя / отв. ред. Б. А. Успенский. – М. : Наука, 1972. – С. 44–60.

Успенский, В. А. К определению падежа по Колмогорову / В. А. Успенский // Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода. – М. : И МГПИИЯ, 1957. № 5. С. 11–18.

Филлмор, Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. 10 / сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – С. 496–530.

Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение / Ф. Ф. Фортунатов // Фортунатов, Ф. Ф. Избр. тр. : в 2 т. – М. : Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – С. 23–197.

Холодович, А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке / А. А. Холодович // Холодович, А. А. Проблемы грамматической теории. – Л. : Наука, 1979. – С. 173–195.

Храковский, В. С. Семантика и типология императива: Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин; отв. ред. В. Б. Касевич. – М. : УРСС, 2002. – 272 с.

Цивьян, Т. В. Имя существительное в балканских языках / Т. В. Цивьян. – М. : Наука, 1965. – 195 с.

Цыхун, Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала / Г. А. Цыхун. – Минск : Наука и техника, 1981. – 230 с.

Цыхун, Г. А. Арэальныя аспекты фарміравання славянскіх літаратурных моў / Г. А. Цыхун. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 23 с.

Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Рус. яз., 1977. – 936 с.

Шарандин, А. Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: Морфология / А. Л. Шарандин. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 313 с.

Шахматов, А. А. Историческая морфология русского языка / А. А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1957. – 400 с.

Шрейдер, Ю. А. Модели в лингвистике и математике / Ю. А. Шрейдер // Математическая лингвистика: сб. ст. / отв. ред. С. К. Шаумян. – М., 1973. – С. 63–83.

Якобсон, Р. О. К общему учению о падеже / Р. О. Якобсон // Якобсон, Р. О. Избр. работы. – М. : Прогресс, 1985а. – С. 133–175.

Якобсон, Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением / Р. О. Якобсон // Якобсон, Р. О. Избр. работы. – М. : Прогресс, 1985б. – С. 176–197.

Яковинин, В. С. Формальный язык: Теория. Грамматика. Применение / В. С. Яковинин. – Минск : Ин-т технич. кибернетики, 2000. – 152 с.

Ярмаш, М. І. Спроба размежавання лексіка-граматычных катэгорый зборнасці і рэчыўнасці ў беларускай мове / М. І. Ярмаш // Бел. лінгвістыка. – 1980. – Вып. 18. – С. 32–35.

Ярцева, В. Н. Взаимодействие грамматики и лексики в системе языка / В. Н. Ярцева // Исследования по общей теории грамматики / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1968. – С. 5–57.

Яхонтов, С. Е. Методы выделения грамматических единиц / С. Е. Яхонтов // Языковые универсалии и лингвистическая типология / отв. ред. И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1969. – С. 213–228.

Яцкевич, Л. Г. Морфологическая парадигма как комплексная единица формообразования / Л. Г. Яцкевич // Вопр. языкознания. – 1992. – № 4. – С. 111–122.

Alexander, R. Boasnian, Croatian, Serbian: a grammar with sociolinguistic commentary / R. Alexander. – London; Madison : University of Wisconsin Press, 2006. – 464 p.

Batistić, T. Lokativ u savremenom srpskohrvatskom književnom jeziku / T. Batistić. – Beograd : Institut za srpskohrvatski jezik, 1972. – 212 s.

Belić, A. Principes du classement des substantifs en serbo-croate / A. Belić // *Revue des études slaves*. – 1922. – T. 2. – F. 1-2. – P. 69–79. Перепечатано по-србски в: Белић, А. Изабрана дела. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. – Т. 13. – С. 129–135.

Boas, F. Language / F. Boas // *General Anthropology* / ed. by F. Boas. – N. Y. : D.C. Heath and Co, 1938. – P. 124–145.

Bosanski – Hrvatski – Srpski = Bosnisch – Kroatisch – Serbisch: Internationale tagung “Aktuelle Fragen der Sprache der Bosniaken, Kroaten, Serben und Montenegriner” / red. G. Neweklowsky. – Wien, 2003. – 326 s. (Wiener Slawistischer Almanach. 2003. № 57.)

Brecht, R. D. Case and Meaning / R. D. Brecht, J. S. Levine // *Case in Slavic* / ed. by R. D. Brecht, J. S. Levine. – Columbus : Slavica Publishers, 1986. – P. 17–34.

Brozović, B. O jezičnim dubletama i sličnim pojavama u slavenskim standartnim jezicima, s osobitim obzirom na tipologiju jezičnih norma / B. Brozović // *Wariancja normy we współczesnych słowiańskich językach literackich* / pod red. S. Urbańczyka. – Wrocław : Polska Akademia Nauk, 1977. – S. 17–24.

Brozović, D. O suvremenoj morfološkoj normi hrvatskog jezičnog standarda i o morfološkim značajkama standardne novoštokavštine uopće / D. Brozović // *Jezik*. – 1976/77. – № 1. – S. 1–12; № 2. – S. 41–49; № 3–4. – S. 109–114.

Brozović, D. Lingvistički nazivi na srednjojužnoslavenskom području / D. Brozović // *Jezik i demokratizacija : zb. radova = Language and democratization : proceedings. Posebna izdanja Instituta za jezik. Knj. 12.* – Sarajevo, 2001. – S. 25–32. (То же в: *Jezik*. – 2002. – № 1. – S. 1–9.

Bujas, Ž. Contrastive Analysis Evaluation of Conversion in English and Serbo-Croatian / Ž. Bujas // *The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project. A: Reports, 6* / ed. by R. Filipović. – Zagreb : Institut of Linguistics, 1972. – P. 41–56.

Bybee, J. L. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form / J. L. Bybee. – Amsterdam : Benjamins, 1985. – 235 p.

Contemporary morphology / W.U. Dressler [et al.] (eds). – Berlin : Mouton de Gruyter, 1990. – 460 p.

Corbett, G. G. Hierarchies, Targets and Controllers / G. G. Corbett. – London : Croom Helm, 1983. – 260 p.

Corbett, G. G. Gender in Slavonic from the Standpoint of a General Typology of Gender Systems / G. G. Corbett // *Slavonic and East European Rev.* – 1988. – Vol. 66. – № 1. – P. 1–20.

Corbett, G. G. Gender / G. G. Corbett. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. – 290 p.

Corbett, G. G. Gender Assignment: A Typology and a Model / G. G. Corbett, N. M. Fraser // *Systems of Nominal Classification* / ed. by G. Senft. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. – P. 293–325.

Dalewska-Greń, H. Selektowna kategoria rodzaju w języku polskim i serbsko-chorwackim / H. Dalewska-Greń. – Warszawa : Instytut Słowianoznawstwa, 1991. – 130 s.

Dalewska-Greń, H. Języki słowiańskie / H. Dalewska-Greń. – Warszawa : Wyd-wo PWN, 2002. – 665 s.

Dąbrowska, A. Die Kategorie des Pluraletantum im Polnischen und Deutschen / A. Dąbrowska // Славяно-германские языковые параллели. = Slavisch-Germanische Sprachparallelen. – Минск : БГУ, 1996. – S. 122–131.

Encyklopedický slovník češtiny / ed. P. Karlík etc. – Praha : Lidové noviny, 2002. – 604 s.

Franolić, B. La déclinaison des substantifs croates d'origine française qui se terminent par -e, -i, -o, -u / B. Franolić // Балканско езикознание. – 1976. – Т. 29. – № 4. – С. 49–52.

Frančić, V. Gramatyka opisowa języka serbochorwackiego / V. Frančić. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963. – 297 s.

Fekete, E. Kako menjati bure [Электронный ресурс] / E. Fekete. – Режим доступа: www.politika.co.yu/kuldod/2002/k31/kuldod12.htm. – Дата доступа: 20.09.2005.

Gogolewski, S. Elementy aglutynacji i funkcje dodatkowych sufiksów w słowiańskich systemach gramatycznych / S. Gogolewski // Prace na XII Międzynarodowy kongres slawistów w Krakowie. – Warszawa : Energia, 1998. – S. 91–94.

Gudkov, V. Duga i kratka množina kao diferencijalni semantički znak / V. Gudkov // Jezik. – 1964. – Sv. 1. – S. 6–11.

Helden, W. A. Case and Gender / W. A. Helden. – Amsterdam : Atlanta, 1993. – Vol. 1–2. – 1280 p.

Hawkesworth, E. C. Serbian-Croatian-Bosnian Linguistic Complex / E. C. Hawkesworth // Encyclopedia of language and linguistics / ed.-in-chief K. Brown. – 2nd ed. – Oxford [etc.] : Elsevier, 2006. – Vol. 11. – P. 258–260.

Hrvatska gramatika / E. Barić [et al.]; urednik Z. Diklić [et al.]. – Zagreb : Školska knjiga, 1995. – 684 s.

Hrvatski jezični savetnik / E. Barić [et al.]; Urednik M. Kačić [et al.]. – Zagreb : Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 1999. – 1660 s.

Iola, E. Report on Russian Morphology as it Appears in Zaliznyak's Grammatical Dictionary / E. Iola, A. Mustajoki. – Helsinki : Helsinki Univ. Press, 1989. – 235 p.

Ivić, M. On the Structural Characteristics of the Serbocroatian Case System / M. Ivić // Internat. Journal of Slavic Linguistics and Poetics. – 1961. – № 4. – P. 38–47.

Ivić M. Relationship of Gender and Number in Serbocroatian Substantives / M. Ivić // Internat. Journal of Slavic Linguistics and Poetics. – 1963. – № 6. – P. 51–57.

Ivić, M. Quelques remarques concernant les “singularia tantum” et les “pluralia tantum” slaves / M. Ivić // Prace filologiczne. – 1964. – T. 18. – № 2. – S. 29–35.

Ivić, M. Tipovi imeničkog roda u srpskohrvatskom književnom jeziku / M. Ivić // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. – 1966. – Св. 9. – С. 41–47.

Ivić, M. Izbrojivost onoga što imenica označava kao gramatički problem / M. Ivić // Ivić M. Lingvistički ogledi. – Beograd : Slavograf, 1995a. – S. 9–35.

Ivić, M. Neka zapažanja o broju i rodu / M. Ivić // Ivić, M. O zelenom konju: Novi lingvistički ogledi. – Beograd : Slovograf, 1995b. – S. 128–156.

Ivić, M. O Vukovom i vukovskom jeziku / M. Ivić. – Beograd : Čigoja štampa, 1997. – 203 s.

Ivić, P. The Serbocroatian Case System in Diachrony and Diatopy / P. Ivić // To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His 70th Birthday: In 3 vol. – The Hague; Paris : Mouton & Co, 1967. – Vol. 2. – P. 995–1008.

Jonke, Lj. Specifičnost u normiranju hrvatskosrpskog književnog jezika / Lj. Jonke // Jezik. – 1964. – № 1. – S. 1–6.

Karlsson, F. Defectivity / F. Karlsson // Morphologie: Ein Internationales Handbuch zur Flezion und Wortbildung / hrsg. von G. Booij et al. – Berlin; N. Y., 2000. – P. 647–654.

Killian, V. S. The History of the Štokavian and Čakavian Declensional Systems / V. S. Killian. – N. Y. : Columbia Univ. Press, 1968. – 280 p.

Kordić, S. Komentar diskusije o nazivu jezika / S. Kordić // Republika. – 2002. – LVIII, 3–4. – S. 237–253. – Режим доступа: http://www.snezana-kordic.de/KOMENTAR_DIS.htm.

Kordić, S. Policentrični standardni jezik / S. Kordić // Jezični varijeteti i nacionalni identiteti / L. Badurina, I. Pranjković, J. Silić (ur.). – Zagreb : Disput, 2009. – S. 83–108. – Режим доступа: http://www.snezana-kordic.de/Policentricni_standardni_jezik.htm.

Kordić, S. Jezik i nacionalizam / S. Kordić. – Zagreb : Durieux, 2010. – 430 s.

Langacker, R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction / R. W. Langacker. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 562 p.

Leskien, A. Gramatik der serbo-kroatischen Sprache / A. Leskien. – Heidelberg, 1914. – 365 s.

Maček, D. Gender in English and Serbo-Croatian / D. Maček // The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project. A: Reports, 1 / ed. by R. Filipović. – Zagreb : Institut of Linguistics, 1969. – P. 45–50.

Maretić, T. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika / T. Maretić. – Zagreb : Matica hrvatska, 1963. – 690 s.

Mečkovska, N. Samomnožinski samostalniki v slovenskem in vzhodnoslovanskih jezikih / N. Mečkovska // Slavistična revija. – 1982. – № 1. – S. 27–46.

Meillet, A. Grammaire de la langue serbo-croate / A. Meillet, A. Vaillant. – Paris : Librairie ancienne honoré Champion, 1924. – 302 p.

Mrazović, P. Gramatika srpskohrvatskog jezika za strance / P. Mrazović, Z. Vukadinović. – Sremski Karlovci : Zoran Stojanović ; Novi Sad : Dobra vest, 1990. – 743 s.

Nametak, A. Kojega su roda riječi *akt* i *dokumen(a)t*? / A. Nametak // Jezik. – 1964. – Sv. 1. – S. 120–121.

Naylor, K. On the opposition *dative* : *lokative* in Serbocroatian / K. Naylor // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. – 1971. – Св. 14/1. – С. 153–157.

Pociechina, H. Wariantywność gramatyczna w słowiańskich językach studium morfologiczne (na materiale współczesnych języków wschodniosłowiańskich w konfrontacji z językiem polskim) / H. Pociechina. – Olsztyn : Wydawnictwo UWM, 2009. – 390 s.

Peti, M. Zbrojina [Electronic resource] / M. Peti // Rasprave Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. – 2001. – № 27. – S. 53–94. – Mode of access : <http://www.unizg.hr/akcija/diz14tra2lip.html>.

Piper, P. Zamenički prilozi (gramatički status i semantički tipovi) / P. Piper. – Novi Sad, 1983. – 139 s. (Radovi Instituta za strane jezike i književnosti. – 1983. – Sv. 5.)

Piper, P. Jezik i prostor / P. Piper. – Beograd : Čigoja štampa, 1997. – 221 s.

Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien [= Количество и градация как когнитивно-семантические категории] / H. Jachnow, B. Norman, A. Suprun. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2001. – 648 p.

Rappaport, G. The Grammatical Role of Animacy in a Formal Model of Slavic Morphology / G. Rappaport // American Contrib. to the 13th Intern. Congr. of Slavists / ed. A. Timberlake, A. Schenker. – Bloomington : Slavica Publishers, 2003. – Sep. issue.

Sapir, E. Language. An Introduction to the Study of Speech / E. Sapir. – N. Y., 1921. – 258 p. (Рус. перевод: Сепир, Э. Избр. тр. по языкознанию и культурологии. – М. : Прогресс, 1993.)

Schmidtbauer, P. R. Pokušaj opisa imenicke deklinacije hrvatskoga jezika / P. R. Schmidtbauer // Suvremena lingvistika. – 1972. – Sv. 5–6. – S. 49–64.

Stankiewicz, E. Slavic Morphophonemics in its Typological and Diachronic Aspects / E. Stankiewicz // Current Trends in Linguistics / ed. by T. A. Sebeok. – The Hague; Paris : Mouton & Co, 1966. – Vol. 3. – P. 495–520.

Stankiewicz, E. The Grammatical Genders of the Slavic Languages / E. Stankiewicz // Internat. Journal of Slavic Linguistics and Poetics. – 1968. – № 11. – P. 27–41.

Stankiewicz, E. The Collective and Counted Plurals of the Slavic Nouns / E. Stankiewicz // Stankiewicz, E. The Slavic Languages: Unity in Diversity. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1986a. – P. 135–169.

Stankiewicz, E. The Inflection of Serbo-Croatian Substantives and their Genitive Plural Endings / E. Stankiewicz // Stankiewicz, E. The Slavic Languages: Unity in Diversity. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1986b. – P. 215–229.

Studies in the Language of the Second Generation of Yugoslav Immigrant Children in Sweden / ed. by Lj. Džurović. – Lund : Slaviska Institutionen vid Lunds Universitet, 1983. – 163 p.

Szober, S. Gramatyka języka polskiego / S. Szober. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962. – 390 s.

Šipka, D. Formalizacija fleksji języków słowiańskich w gramatyce minimalnej informacji / D. Šipka. – Poznań : Instytut Filologii Rosyjskiej, 1998. – 104 s.

Świdziński, M. Elementy gramatyki opisowej języka polskiego / M. Świdziński. – Warszawa : Uniwersytet Warszawski, 1997. – 118 s.

The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina [Electronic resource]. Paris, 1995. – Mode of access : http://www.ohr.int/dpa/default.asp?content_id=379. – Date of access : 09.11.2010.

The Handbook of Morphology / A. Spencer, A. M. Zwicky (eds). – London : Blackwell Publishing, 2001. – 815 p.

The Slavonic Languages / ed. by B. Comrie, G. G. Corbett. – L.; N. Y. : Routledge, 1993. – 1078 p.

Tošović, B. Ruska gramatika u poređenju sa srpskohrvatskom / B. Tošović. – Sarajevo : Svetlost, 1988. – 421 s.

Vitas, D. Interaction between Dictionary and Text in Serbo-Croatian / D. Vitas, C. Krstev // Papers in Computational Lexicography. COMPLEX'92 / ed. by F. Kiefer, G. Kiss, J. Pajsz. – Budapest : Linguistic institute, 1992. – P. 333–341.

Vitas, D. Matematički model morfologije srpskohrvatskog jezika / D. Vitas. – Beograd : Matematički fakultet, 1993. – 301 s.

Vitas, D. Cultural impacts on electronic publishing: experience in Serbia / D. Vitas, C. Krstev // New Library World. – 1999. – Vol. 100. – № 1149. – P. 171–178.

Wierzbicka, A. The Meaning of a Case: a study of the Polish dative / A. Wierzbicka // Case in Slavic / ed. by R. D. Brecht, J. S. Levine. – Columbus : Slavica Publishers, 1986. – P. 378–426.

SUMMARY

Suprunchuk, M. V. Serbian substantive inflection / Mikita Suprunchuk; ed. by Boris J. Norman. – Minsk : Belarusian State Univ., 2012. – 191 p.

Tables: 10. Bibliography: 334 titles (on p. 165). Word index is on p. 154.

The Serbian language was forming in complex linguistic, ethnic and political conditions of Balkan Peninsula. In Serbian, even the morphology level, which is usually «transparent» and rigid, contains many variants and controversial forms that are used under unclear conditions and are codified in different ways. The paper proposes four aspects of variance: the sociolinguistic aspect (Serbian, Croatian, Bosniak and Montenegrin as separate languages or variants of one language), the proper sociolinguistic aspect (variance of forms), the metalinguistic one (different interpretations of language facts) and the extra-linguistic one (variant names of languages in Bosnia and Herzegovina and variants of the title of the single common language in case it is recognized). When such fluctuations need to be described, the greatest definiteness and consistency of the model can be achieved through the synthesizing approach (construction of the «grammar for the speaker»), and this confirms that the latter one is very promising.

The study of grammatical semantics provides not only grammatical, but also lexical groups. Correspondence of inflectional and combinatory indicators characterizes many members of lexical-semantic groups. The set of grammemes allowed for a word is a sign of belonging to a particular lexical-semantic group. Lexical and grammatical meanings are not divided rigidly, they overlap and interact. When studying the lexical system, we go out to the problems of the grammatical system, and vice versa. Grammatical categories were formed in the interaction of more grammatical and less grammatical elements of the language.

The synthesizing systematic approach and achievements of the linguistic typology allow to describe the categories of the Serbian language more exactly and consistently. In particular, dative should be excluded from the inventory of Serbian noun word forms, because the case system is restructuring, the single dative-locative has restored and it not only expresses the complex of meanings of both cases, but also pulls over spatial values of other cases. It is useful to consider forms like *ova (tri) srećna momka* as a special case of singular – the numerative (counting) case. It is arguable if vocative functionally belongs to the noun paradigm, but necessity to take vocative into account when describing inflexions is of no doubt.

The correlation of the singular (plural) grammemes and the reality is particularly complex and nonsymmetrical in some cases. It is especially difficult to comprehend and describe the importance and use of singularia tantum and pluralia tantum nouns. The paradigms of the *-e/-et-* nouns (*dete, dugme*) and of some others transform, because of the changes in the opposition «singular – plural» through numerical correlation with the collective nouns (*deca, dugmad*).

The fundamental opposition of syntagmatics and paradigmatics runs through entire grammar. It is particularly important to consider it for splitting of the category of gender into «the morphological gender» and «the distributional class». This allows us to simplify the description, to make it less controversial and more «transparent». On the other hand, if syntagmas of different diagnostic contexts are taken into consideration the more and more fractional groups are obtained, the contribution of grammatical meaning as a unifying feature decreases and the contribution of lexical meaning increases with decreasing of the number of members of such groups. The grammatical gender can be assigned to the vast majority of Serbian nouns according to the simple rules depending on their stem ends. The same procedure can be extended on all nouns, if complemented with some formal or lexical-semantic rules. A noun usually has one gender, i. e. the gender is a word-classifying category, but the paper describes several nouns that change their gender within their paradigm. Throughout its history, the Serbian language was actively adapting loanwords, including them in own inflection and word formation processes. Today the tension in this area increases, which is caused by contradictions between the structure of loanwords and Serbian language rules. The loanwords ending with the short *-o* and *-e* are especially unstable in gender, number and declension.

The concept of «animated» in Serbian does not fully correspond to the notion of «live» in the real world, it is complicated with some language-specific features, e. g. the quantification of the nouns with anisosyllabic stem. The feature «animated» is manifested in many masculine nouns, and in some neuter nouns.

There are classifications of Serbian nouns in 2, 3, 4 or 5 types of declension. The gender, the type of the stem, the presence of alternations at the stem, etc. have been proposed as the criteria to include them in one or another type of declension. Another approach presupposes selection of smaller groups – the alternation classes. In our view, complete and economical description of Serbian nouns' flexion is possible through the identification of the following types of declension: two substantive types, one adjectival type and one «zero» type.

The flexion of Serbian nouns is accompanied with the alternations. Their implementation is influenced by their origin, phonetic environment, grammatical position, belonging to a particular lexical group, to active or passive vocabulary, etc. The interaction of these factors is complex, and in some cases strict at the same time simple description cannot be achieved due to irregular alternations (e. g. the emergence of *-ov/-ev-* in plural, alternations in the vocative, etc.). Then more or less comprehensive word lists are provided. The sequence of alternations is elaborated in the paper; this fixed sequence should be followed in the synthesis of word forms.

The following information is necessary and sufficient to build any substantive word form in the Serbian language: the initial form of the word, the list of alternations, the system of endings by declinations, the knowledge of features «(in)animacy» and «singularity (plurality) tantum».

REZIME

Suprunčuk, M. V. Srpska supstantivna promena / Mikita Suprunčuk; u redakciji Borisa J. Normana. – Minsk : Belaruskij Državni Univerzitet, 2012. – 191 str.

Tabela: 10. Bibliografija: 334 naslova (na str. 165). Registar reči je na s. 154.

Srpski jezik se formirao u složenim jezičkim, etničkim i političkim uslovima na Balkanu. Čak i na nivou morfologije, obično «transparentnom» i strogom, srpski jezik ima mnogo varijanti, spornih oblika, čiji su uslovi upotrebe nejasni i kodificirani na razne načine. U radu se predlaže da se izdvoje četiri aspekta varijantnosti: sociolingvistički aspekt (srpski, hrvatski, bošnjački i crnogorski kao posebni jezici ili varijante), strogo lingvistički (varijantni oblici reči), metalingvistički (varijantna tumačenja jezičkih činjenica) i ekstralingvistički (varijantni nazivi jezika u Bosni i Hercegovini, kao i varijantni nazivi jednog zajedničkog jezika, u slučaju da se on kao takav prizna). Najveća sigurnost i konzistentnost modela kada je potrebno opisati ovakve fluktuacije može se postići kroz sintetički pristup (izgradnju «gramatike govornika»), i što takođe potvrđuje njegovu perspektivnost.

Proučavanje gramatičke semantike omogućava da se izdvoje ne samo gramatičke, već i leksičke grupe. Za članove mnogih leksičko-semantičkih grupa karakteristična je korelacija flektivnih i sintagmatičkih pokazatelja. Kompleks gramema dozvoljenih za neku reč je znak njene pripadnosti određenoj leksičko-semantičkoj grupi. Leksička i gramatička značenja nisu apsolutno odvojena, već se preklapaju, utiču jedni na druge. Izučavajući sistem prvih, dolazimo do problema drugih, i obrnuto. Gramatičke kategorije su formirane u interakciji više gramatikalizovanih i manje gramatikalizovanih elemenata jezičkog sistema.

Sistematski sintetički pristup i dostignuća jezičke tipologije omogućavaju da se preciznije i doslednije opišu kategorije srpskog jezika. Konkretno, iz inventara srpskih padeža celishodno je isključiti dativ zbog restrukturiranja srpskog padežnog sistema i oživljavanja objedinjenog dativa-lokativa koji ne samo da izražava kompleks značenja oba padeža, već i premešta u svoj domen i prostorna značenja drugih padeža. Oblike kao što su *ova (tri) srećna momka* korisno je razmatrati kao poseban padež jednine – «brojni padež». Da li vokativ pripada paradigmi, iz funkcionalnog aspekta je sporno, ali treba ga uzeti u obzir kada se opisuje promena reči.

Međuodnos gramema jednine, množine i stvarnosti u nekim slučajevima je izuzetno složen i asimetričan. Posebno je teško razumeti i opisati značenje i upotrebu imenica pluralia tantum i singularia tantum. Kod imenica sa alternacijom *-e/-et-* (*dete, dugme*) i nekih drugih nazira se transformacija paradigme zbog promene opozicije «jedinina – množina» kroz uspostavljanje brojčane korelacije sa kolektivnim ili zbirnim imenicama (*deca, dugmad*).

Fundamentalna opozicija sintagmatike i paradigmatske prožima celu gramatiku. Posebno je važno da se ona uzme u obzir za razbijanje kategorije «rod» na dve – «morfološki rod» i «kongruencijska klasa». Ovo omogućava da pojednostavimo opis, da ga učinimo «transparentnijim» i manje kontroverznim. S druge strane, evidentiranje sintagmi s različitim

dijagnostičkim kontekstima omogućava da se dobiju sve sitnije i sitnije grupe, i pri čemu uloga gramatičkog značenja kao objedinjujućeg faktora opada, a uloga leksičkog značenja raste paralelno sa smanjenjem broja članova tih grupa. Apsolutna većina srpskih imenica može se podeliti na rodove prema nastavcima na osnovu jednostavnih pravila. Isti postupak može se primeniti na sve imenice uz izvesno uslozňjavanje pravila (uz pomoć formalnih ili leksičko-semantičkih spiskova). Kategorija roda je nepromenljivo obeležje jedne reči, međutim izdvojile su se neke imenice kod kojih se rod menja u okviru paradigme. Tokom svog istorijskog razvoja srpski jezik je aktivno primao pozajmice iz drugih jezika i uključivao ih u morfoloske i tvorbene procese. Danas u ovoj sferi raste nestabilnost kao posledica opozicije između strukture pozajmica i pravila srpskog jezika. Pozajmice na kratko -o i -e naročito su nestabilne u rodu, broju i padezu.

Kategorija «animatno» u srpskom jeziku ne odgovara u potpunosti pojmu «živo» u stvarnosti, a složena je i zbog nekih svojih lingvospecifičnih obeležja, kao što je na primer kvantifikacija imenica s neravnosložnom osnovom. Svojstvo animatnosti karakterise sve imenica muškog roda i neke imenice srednjeg roda.

Poznate su klasifikacije srpskih imenica u 2, 3, 4 ili 5 tipova deklinacija. Svrstavanje u jedan ili drugi tip diktirao je rod, vrsta osnove, prisustvo alternacija u osnovi itd. Drugi pristup klasifikaciji predviđa izbor manjih grupa – alternacijskih klasa. Prema našem mišljenju, moguće je potpuno i ekonomično opisati promenu srpskih imenica kroz izdvajanje sledećih vrsta deklinacija: dve supstantivne, pridevska i nulta.

Promenu imenica u srpskom jeziku karakterišu alternacije. One su uslovljene poreklom, fonetskim okruženjem, gramatičkom pozicijom, pripadnošću određenoj leksičkoj grupi, aktivnom ili pasivnom rečniku itd. Interakcija ovih faktora je složena, a u nekim slučajevima teško je dati precizan i istovremeno jednostavan opis alternacija, zbog neregularnosti istih (npr. prisutnost -ov-/-ev- u množini, alternacije u vokativu itd.). U takvim slučajevima neophodno je navoditi detaljne spiskove reci. U sintezi oblika reči treba slediti određeni redosled alternacija, koji se predlaže u radu.

Za konstruisanje nekog supstantivnog oblika reči u srpskom jeziku, neophodne su i dovoljne sledeće informacije: početni oblik reči, spisak alternacija, sistem nastavaka prema deklinacijama, znanje o animatnosti reči i pripadnosti reči grupi singularia (pluralia) tantum.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СЕРБСКОЙ МОРФОЛОГИИ (в контексте славянской грамматики)	9
1.1. Терминологические замечания	9
1.1.1. Определение некоторых лингвистических понятий	9
1.1.2. О термине «модель»	16
1.2. Некоторые результаты моделирования славянской морфологии	22
2. ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ ПОСТЪЮГОСЛАВСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА	35
3. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СЕРБСКОГО ИМЕНИ	43
3.1. Категория падежа	43
3.1.1. Общая характеристика	43
3.1.2. Выделение падежей	44
3.1.3. Утраченные и приобретенные падежи	47
3.2. Категория числа	56
3.2.1. Сущность категории числа	56
3.2.2. Число у существительных <i>singularia tantum</i> и <i>pluralia tantum</i>	59
3.2.3. Собирательность и множественность	69
3.2.4. Квантификация существительных с неравносложной основой	72
3.3. Категория рода	77
3.3.1. Парадигматическое и синтагматическое понимание рода	77
3.3.2. Конкуренция мужского и среднего родов у заимствований	82
3.3.3. Родоизменяемые существительные	87
3.3.4. Колебания в роде	90
3.3.5. Формальное определение рода сербских существительных	91
3.4. Категория одушевленности/неодушевленности	93
3.5. Грамматические категории во взаимодействии	98
4. ОСНОВЫ СИНТЕЗА СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОФОРМ	107
4.1. Типы склонения существительных	107
4.1.1. Классификации склонений: род vs окончания родительного падежа единственного числа	107
4.1.2. Новая классификация типов склонения	112
4.1.3. Дополнительные окончания	116
4.1.4. Адъективное склонение	122
4.1.5. Нулевое склонение	124

4.2. Чередования	126
4.2.1. Общие замечания	126
4.2.2. Регулярные чередования	128
4.2.3. Особые случаи.....	139
4.3. Построение субстантивной парадигмы	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	148
А. Существительные pluralia tantum в сербском языке	148
Б. Существительные с нестандартными родовыми показателями в сербском языке.....	152
УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ.....	154
ЛИТЕРАТУРА	165
SUMMARY	186
REZIME.....	188

На первой стороне обложки:

Вук Караджич (1787–1864) – сербский филолог,
просветитель, переводчик и общественный деятель.

Тршич – деревня на западе Сербии, где родился Вук Караджич
и сегодня находится его музей. Место регулярных праздников,
фестивалей, съездов, других событий культурной жизни.

На четвертой стороне обложки:

ćirilica.jpg. Сербская азбука.

Фрагмент гобелена, изготовленного
в г. Бела-Црква (на юго-западе региона Банат в Сербии).

Научное издание

Супрунчук Никита Викторович

**СЕРБСКОЕ СУБСТАНТИВНОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ**

Ответственный за выпуск *Е. А. Логвинович*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Технические редакторы *Г. М. Романчук, Т. К. Раманович*

Компьютерная верстка *Т. А. Малько*

Корректор *Л. С. Мануленко*

Подписано в печать 15.06.2012. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 100 экз. Заказ 646.

Белорусский государственный университет.

ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского
государственного университета».

ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

А а

Н н

Б б

Ъ ъ

В в

О о

Г г

П п

ISBN 978-985-518-671-8

9 789855 186718